

Сергей Панченко

ТУЛСА

Двести лет назад мир подошел к опасной черте. Варварская экономика почти убила планету, но нашлись силы, сумевшие остановить человечество в шаге от линии невозврата. Началась Эра Гармонии, поддерживаемая тридцатью шестью городами будущего, раскиданными по всему земному шару. Каждый из них являлся воплощением идеальной жизни, к которой должны были стремиться все, в особенности те, кто жил за их пределами.

Глава 1

Двухсотлетний город Тулса по летописям, начатым с первого года эры Гармонии, получил свое название от имени двух городов, Тулы и Самары, и был основан на равном удалении от обоих. Когда-то территория, на которой располагался город, во времена позднего капитализма, варварски грабившего и убивавшего планету, называлась Россией. В год наступления Эры Гармонии территориальное деление на страны было ликвидировано усилиями передовых деятелей мира. Началось время возрождения, в эпицентре которого находились возведенные на ровном месте города с новым типом гармоничного сосуществования человека и природы, духовного и материального. Управляла ими система, состоящая из вычислительного ядра, соединенного с чипами на теле каждого жителя города. Устройства, под управлением ментаграммы, преобразовывали нервные импульсы в понимаемые вычислительным ядром команды а наоборот, а также служили передатчиками. Основой новой формы человеческого общества являлся МАК, Ментально-Аналитическая Конституция. Свод законов и совершенная программа, сочетающая в себе искусственный интеллект совместно с интеллектом каждого горожанина. В качестве цели было выбрано построение гармоничного общества, основанного на принципе взаимоуважения, позитива, поиска радости. Логотип, стилизованный под цветок мака и мозга, являлся символом Тулсы.

Ментаграмма, наконец, дала добро на поздний ужин. Светоч Вдохновенный с облегчением скомандовал полицейскому трициклу ехать к пищевому автомату. По дороге он выбрал в меню прямоугольный бутерброд с искусственно выращенным мясом и острыми добавками, делающими его вкус приятнее и пикантнее. МАК через раз позволял открывать ему мясное меню, указывая на зашлакованность организма тяжелой пищей. Навязчивая ментально-аналитическая конституция (МАК), знающая лучше человека, что ему приятнее и полезнее, вмешивалась каждый раз, когда этого меньше всего хотелось.

Светоч забрал из любезно протянутого лотка свой бутерброд и съедобный стакан с чистой водой. Поговаривали, что съедобные стаканы делали из покойников, чтобы не пропадали зря, но Светоч считал их городскими легендами. Внутренняя неизживаемая у многих горожан дикарская суть требовала чего-нибудь грязного и извращенного. Ежедневная счастливая жизнь казалась им скучной и бесцветной. За распространение слухов серьезно снижался социальный рейтинг, но заставить людей молчать не мог даже МАК.

— Полицейский «шесть-семнадцать-двадцать два» проверьте квадрат. Замечено групповое отключение клещей. — Произнесла рация милым женским голосом.

Служебный номер принадлежал Светочу Вдохновенному, а на экране трицикла возникла голограмма района с указанием его местоположения и место группового отключения датчиков коммуникации между человеком и МАКом. Светоч с сожалением посмотрел на недоеденный бутерброд.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, вызов принят, еду на точку. — Доложил он диспетчеру.

Откусил бутерброд и дал команду трициклу ехать к месту возможного преступления. Он не сомневался, что снова балуются подростки, которых медом не корми, дай употребить какую-нибудь сбивающую с ног дурь. Чтобы МАК не вмешался раньше времени, им требовалось отключить «клеща», упороться какой-нибудь гадостью и ждать, когда за ними приедет наряд полиции и организует помощь. В последнее время проблема наркотиков

приобрела массовый характер. Несмотря на все попытки МАКа отсеять людей от знаний о производстве различных незаконных средств, эффект не был заметен. Ушла молодежь, будто рожденная с учебником химии в голове, создавала их из подножных средств.

Трицикл остановился у моста через пруд, заросший ивами. Светоч вынул из-за пояса штырь программатора, вызывающего к жизни отключенные чипы коммуникации прозванные «клещами», и направился в кусты. Ментаграмма усилила восприятие зрения, чтобы не включать фонарь и помогла обнаружить силуэты лежавших на земле и сидящих спиной к опоре моста людей. В нос ударил мерзкий кислый запах рвотных масс. Светоч все же включил фонарь и зажмурился. Ментаграмма не успевала быстро изменить чувствительность сетчатки и размер хрусталика. Открыл глаза и увидел знакомую картину. Восемь мальчишек и девчонок, наблевав на себя и намочив штаны и юбки, находились в полной отключке.

Светоч подходил к каждому и приставлял программатор чуть ниже затылка и ждал реакции, когда «клещ» начнет функционировать. Неожиданно на шестом парне случился сбой. Программатор не смог запустить его. Полицейский приложил прибор, определяющий жизненные процессы к шее парня и тот показал, что нервные импульсы соответствуют человеку, умершему несколько минут назад. Светоч быстро восстановил клещи у оставшихся подростков и снова замер перед умирающим парнем.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, у меня парень умирает от передозировки наркотиков. Клещ отказывается запускаться.

— Шестнадцать-двадцать два вы нарушаете устав. Приступайте к немедленным реанимационным действиям до прибытия службы спасения. — Строго произнес диспетчер.

Светоча пробил пот. Он знал устав и тот предполагал непрямой массаж сердца вкупе с дыханием рот в рот. В рот, который был испачкан вонючей рвотой. Светоч положил умирающего на спину, сделал несколько надавливаний в область грудной клетки и попытался вдохнуть воздух в его легкие, но не смог. Только он приблизился к лицу, в нос ударил кислый запах, от которого полицейского вывернуло.

Утерся и снова сделал массаж сердца, но с дыханием повторилось ровно то же самое, его снова вывернуло прямо на лицо бедного парня. Теперь он вообще ни за что не стал бы делать ему искусственное дыхание.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, я не смог сделать искусственное дыхание по физиологическим причинам.

— Шестнадцать-двадцать два вам выписан штраф в виде понижения профессионального рейтинга. В случае гибели человека вследствие ваших непрофессиональных действий будет проведено разбирательство.

— Пошла ты в жопу. — Не сдержался Светоч.

— Ваше ругательство отправлено в службу морали.

Через мгновение пришло сообщение из службы Морали о понижении социального рейтинга из-за случая зафиксированного унижения.

— Кого я унижил? Программу? Ей плевать, куда я ее послал. — Произнес возмущенно полицейский.

Светоч проклял тот день, когда повелся на высокие рейтинги службы в полиции. Выбрав эту общественную работу, перед ним открывались многие недоступные прежде развлечения. У него появлялся доступ в тир, где можно было пострелять из настоящего оружия. Открывался доступ в дорогой мир полувиртуальных развлечений, на которые

прежде приходилось годами вкалывать, не допуская ни единой промашки. Личный транспорт и даже раз в год путевка в любой город из тридцати шести. Он ни разу не выезжал из Тулсы, как и большинство ее жителей. Конечно, многим этого и не хотелось, они и так жили в лучшем месте на свете, но Светоч мечтал об этом. Теперь же со стопроцентной вероятностью его мечты накрылись медным тазом.

На мосту раздался шум. Зашумело в кустах, и появились врачи службы спасения с реанимационными тележками.

— Который тут тяжелее всех? — Спросил врач.

Светоч указал пальцем на заблеванного парня.

— Этот.

Врачи мигом закинули его на тележку. Роботизированное оборудование самостоятельно приступило к работе. Врачи занялись другими.

— Чего им не хватает? — Громко спросил Светоч. — Зачем так упарываться до бессознательного состояния.

— Дело не в том, чего им не хватает. — Произнес один врачей. — Дело в том, что у них всего в избытке. Им хочется, чтобы было плохо.

— Так пусть отправляются на внешнее кольцо, там им быстро мозги вправят.

— О, да вы не чтите законов гармонии. — Усмехнулся врач, укладывая очередного «нарика» на тележку.

— Я-то как раз чту, у меня все хорошо и меня все радует, в отличие от этих. — Светоч указал пальцем на тележку с умирающим парнем.

В этот момент она издала подозрительно неприятный гудок и убрала инструменты от тела парня.

— Поздравляю, у нас новый покойник. — Произнес доктор с досадой.

Светоч сжал кулаки что есть сил и с огромным трудом заставил себя не разразиться руганью. Не хотел, чтобы его рейтинги, просевшие всего за одно неудачное дежурство, опустились еще ниже.

— Шесть-семнадцать-двадцать два обстоятельства проступка будут вынесены на обсуждение для вынесения заключения комиссией по профессиональной пригодности. Заканчивайте смену.

— Шесть-семнадцать-двадцать два принял. Еду домой. — Светоч с облегчением покинул дурнопахнущее место.

Сел в трицикл и бесшумно покатил домой по освещенным улицам. Перед ним лежал недоеденный бутерброд, от взгляда на который воротило до невозможности. Открыл окно и выбросил его прямо на тротуар.

— Понижение социального рейтинга от службы городского порядка. — Произнесла ментаграмма.

— Мне нанесен психологический вред из-за бездействия службы морального надзора, службы контроля за лесопарковыми насаждениями, службы контроля за медицинскими препаратами. Мне необходима помощь, чтобы я снова поверил в устав о гармонии.

— Вот перечень доступных приемов помощи: а — медикаментозный. Примите препарат, вызывающий расслабление и чувство полноты жизни. Б — физиологический. Устройте сексуальную игру с вашей избранницей Миолой. В — адреналиновый. Вам открыт доступ в игру с поддержкой ментаграммного интерфейса. Натуральность ощущений гарантируется. Г — литературный.

— Хватит, я уже выбрал. Это будет второй вариант.

— Отличный выбор. Пока вы едете домой, я могу нарядить Миолу в выбранный наряд. — Сообщила метаграмма.

— Надень на нее короткий халат и пусть она ждет меня на диване с книгой в руках.

— Отличная идея. Что-нибудь еще?

— Холодный душ и сильным ароматом чего-нибудь мятного.

— Непременно.

Светоч выбрался из трицикла возле прозрачного лифта дома, в котором он жил. Служебное транспортное средство бесшумно укатило, чтобы послужить другому полицейскому. Светоч вошел в просторный лифт, наполненный светом и приятными ароматами. Лифт бесшумно тронулся с места и, набирая скорость, понесся на восемьдесят второй этаж. Ближе к своему этажу перед ним раскинулась панорама Тулсы, сияющего бриллианта в ночи. Каждый раз, когда видел ночной город, сердце сжималось от великолепия, к которому он тоже был причастен. На несколько секунд Светоч забыл о неприятностях, восторгаясь совершенством силы человеческого разума. Особо его впечатляли туманно светящиеся вдалеке ионные щиты, окружающие город. Они очищали воздух от той грязи, которую производили дикие, ничего не смыслящие в законах гармонии.

Лифт плавно остановился. Двери открылись на балкон, обильно поросший вьющейся растительностью. Внутри зарослей наперебой исполняли ночные песни сотни сверчков. Отличная мелодия, настраивающая на здоровый сон. Светоч прошел к дверям своей квартиры. Как назло ему попался сосед Любомир Прославленный и увидел запачканную рвотой форму.

— Оу, Светоч, ты сегодня пахнешь, как дикарь. — Он брезгливо заткнул нос пальцами.

— А ты думал у меня на службе только рейтинги раздают налево и направо? Приходится терпеть такие вещи, как блевотина наркоманов. Я тебе больше скажу, они еще и ссут под себя, а иногда и кучу могут навалить. — Решил добить соседа Светоч.

— О, фу, я не знал, что такое возможно. — Любомир бегом выбежал на свежий воздух.

Через стеклянную стену было видно, как он хватается полным ртом свежий ночной воздух. Метаграмма снова булькнула предупреждением.

— Предупреждение о разглашении недопустимой профессиональной информации.

— А кого мы хотим вырастить? Если люди не будут знать все стороны жизни, они станут непригодными. — Возмущение Светоча осталось без ответа.

Он вошел в квартиру, которую смог позволить после года службы в полиции. Три полноценных комнаты, спальня, гостиная и спортзал. Первым делом скинул с себя китель и позвал робота-экономку.

— Клава, возьми мою форму и постирай.

Бесшумная Клава появилась у дверей, как только он подошел к ним с той стороны. Забрала форму, проверила все карманы и укатила в сторону санузла. Светоч прошел мимо гостиной. Миола, как он и заказывал, лежала на диване в коротком халате, из-под которого выглядывали ноги во всю свою немаленькую длину. Миола была точной копией певицы, проживающей в северном городе. Блондинка с идеальными формами, синими глазами, роскошными волосами и умопомрачительным голосом. Увидев ее, Светоч сразу загорелся завести себе ее копию. Пришлось потерпеть полгода, пока рейтинги по всем направлениям не позволили ему это сделать. Когда мечта исполнилась, он целый месяц летел с работы на крыльях, предвкушая острые переживания.

До Миолы у него была мулатка Бимбим, но то была модель проще уровнем и не имела подогрева тела и других анатомических особенностей, как у Миолы. После пользования продвинутой куклой, забавы с мулаткой казались отталкивающе суррогатными. Миола умела ходить, менять позы, имела больше лицевых мышц и владела ими несравнимо лучше, и могла так повести глазами, что трусы сами слетали с ног.

Светоч прошел в ванную и встал под душ. Краны сами открылись и окатили его свежей водой с сильным запахом горькой травы и мяты. Вода смыла остатки плохого настроения. Светоч посмотрел на свое отражение в зеркале. Оно мгновенно измерило объемы его мышц и посоветовало увеличить нагрузки, чтобы достигнуть форм, план которых он по глупости составил год назад. Светоч и без них нравился себе.

Обернулся полотенцем и вышел в гостиную. Сел у ног искусственной подруги и запустил руку под халат. Искусственная кожа сразу же покрылась мурашками.

— Что читаешь? — Спросил он томно, добравшись до упругой груди.

— Эротические фантазии Громосмеха Влюбленного. — Миола убрала книгу. — Его фантазии ничто, по сравнению с твоими. День был так долог без тебя.

— А мой день сегодня был совершенно невыносимым. Если бы у меня еще не было и тебя, то я просто умер бы от негодования. — Признался Светоч. — Мне нужна разрядка и чуточка сочувствия.

Он распахнул халат на Миоле и полюбовался ее телом, точной копией настоящей женщины, вплоть до мельчайших подробностей. По крайней мере, так заявлялось в документации к кукле. Провел пальцем от нижней губы, по шее, между грудей к животу и ниже. Уже предвкушал ощущение горячего лона под пальцами, но тут беспристрастный голос ментаграммы произнес:

— Модель куклы Миолы больше не позволительна под ваш общий рейтинг. Она деактивируется и завтра будет забрана.

— Нет! — Вскричал настроившийся на хороший секс Светоч.

Миола потеряла блеск в глазах, а ее вторичные половые признаки либо затянулись, либо убрались вглубь тела, сделав его отталкивающе ненатуральным.

— Твари! С какого перепуга вы так понижаете мне рейтинг? Я что ли пичкал этих ублюдков наркотиками? Оставьте Миолу, я завтра все исправлю.

— В вашей аптечке есть препарат «Счастьеомин», он понизит уровень тестостерона и уберет раздражительность. Советую употребить его, иначе нежелание сделать это будет расценено, как потеря адекватности и будут назначены более серьезные процедуры. Светоч, для любой жизненной ситуации есть устав Гармонии. Вспомните, нельзя расстраиваться напрасно по поводу того, что нельзя изменить. Любое напрасное моральное изведение себя является признаком деградации личности. В нашей Тулсе нет места людям, которые не умеют принимать законы гармонии. Это удел дикарей, разрываемых нелепыми страстями, злобой и попытками подчинить себе то, что не является их по сути. Иди и прими «Счастьеомин». — Приказным тоном заявила ментаграмма.

— Ладно. — Нехотя согласился Светоч.

Уговоры подействовали на него. Эрекция не проходила, даже глядя на изуродованное транспортным положением тело Миолы. До сего дня он ни разу не пил «Счастьеомин». Не было раньше никакой необходимости в этом. Открыл пачку и выдавил из фольги большой кругляш красного цвета с нарисованной на глазури смеющейся мардашкой. Экономка мгновенно оказалась рядом со стаканом воды в руках.

— Спасибо. — Светоч взял стакан в руки. — Была бы ты живой женщиной, цены бы тебе не было.

Экономка бесшумно укатила в гостиную. Светоч проглотил таблетку с большим количеством воды. Подождал немного и когда почувствовал, что она начала действовать, на самом деле убрав все переживания, направился к кровати. Упал на нее и мгновенно заснул. Проснулся от разряда будильника по нервной системе. В квартире уже пахло завтраком, гренками и кофе. Светоч поднялся и повертел головой. Боялся, что после таблетки счастья на утро будет болеть голова.

— Счастьетомин не является алкалоидом и не наносит вред организму. — Ментаграмма словно подслушивала его мысли.

Двести лет назад, когда планета захлебывалась в дыму заводов, фабрик и машин, в локальных и крупных военных конфликтах, каким-то чудом появился проект экогорода в полностью технически возможном исполнении. И люди ухватились за эту идею. Помимо чистого воздуха город предлагал новую среду коммуникации, в которой невозможны были преступления. При этом не требовалось устанавливать камеры на каждом шагу. Камер в городе будущего не было совсем. Чтобы не чувствовать себя под наблюдением, был создан МАК, система состоящая из программы-конституции, определяющей жизнь каждого индивида и вычислительных мощностей, обрабатывающих сигналы идущие через «клеща» от всех людей города.

МАК никому ничего не рассказывал, даже полиции, если не имелось состава преступления. На многие тайные вещи у людей имелась «тайна исповеди». МАК наоборот, иногда рекомендовал людям, застрявшим в однообразии, расширить границы чувственных восприятий или оттянуться на каком-нибудь адреналиновом симуляторе. Ощущение, что за тобой подглядывают, возникало только тогда, когда человек совершал правонарушения. И каждый преступник знал, что кара неизбежна. Все, что можно было делать тайком от людей, совершалось на глазах вездесущего МАКа.

В городах отсутствовал такой рудимент прошлого, как деньги. Это не значило, что можно было пользоваться всем, до чего дотянешься. У каждой вещи или мероприятия имелся свой индекс, который плюсовался к рейтингу горожанина, если ими пользовались. Достигнув определенного уровня рейтинга, человек больше не мог позволить себе что-то сверх него, не подняв его еще. Рейтинг складывался в первую очередь из лояльности МАКу. Адекватное отношение к рекомендациям являлось базой. Затем шел социальный рейтинг, в основу которого брались оценки человека сторонними людьми, социальной активностью, посещением публичных мест, волонтерством, участием в акциях по окультуриванию «диких», допущенных к проживанию на внешнем периметре.

И завершающей вишенкой на торте являлся профессиональный рейтинг. Выбранная профессия, соответствие ее критериям, трудовые успехи и прочее добавляли баллы в общую копилку, часто существенно.

Но иногда МАК, как в случае со Светочем, как будто читал мысли.

— Если ты такой умный и всезнающий, то почему не замечаешь, как подростки делают наркотики и успевают отрубить клеща? Что это за выборочная осведомленность? — Спросил он.

Ментаграмма не считала нужным отвечать на каждые вопросы. Вместо этого она решила рассказать об обстановке в городе.

— Защитное ионизирующее излучение работает сегодня на семнадцать процентов. В

городе будет приятно пахнуть и солнечно. Агрономический отдел начинает уборку пшеницы и ячменя, урожай которых в этом году станет самым большим за все время, благодаря выведению новых сортов. Своей очереди ждет новая партия жителей второго поколения готовых стать полноценными горожанами. — Последнее касалось детей «диких», которым было позволено поселиться на внешнем кольце.

— Рад за них. — Без эмоций произнес Светоч. — А почему мы постоянно набираем дикарей, вместо того, чтобы рожать самим?

— Генетическое разнообразие. — Ответила ментаграмма.

— Ясно. Вот можешь же отвечать на некоторые вопросы. — Упрекнул он ее. — А про наркоманов не можешь.

— Есть информация доступная только МАКу.

— Не смею сомневаться, что всевидящий и всезнающий МАК умеет с ней обращаться, но хотелось бы увидеть результат. А то несправедливо получается, меня штрафовать можно, если я что-то делаю не так, а МАК, уже который год безуспешно борется с подростковой наркоманией. Я бы тоже хотел влупить ему штраф, чтобы он зашевелился. Я уже подхожу к возрасту, когда придется сдавать генетический материал, и не хочу, чтобы мой ребенок научился варить всякую гадость и употреблять. Откуда они вообще берут эти знания?

— Закрытая информация.

— Ничуть не сомневался.

Светоч сходил в туалет, помылся в душе и вышел в гостиную в благостном расположении духа. На столе стояла тарелка с гренками и бокал с кофе. За такой завтрак он готов был простить и забыть обо всем на свете.

Только позавтракал, пришло сообщение, что приехали забрать Миолу. Светоч открыл дверь. Вошли двое парней, явно из «второго поколения». Отличались они некоторой зажатостью от коренных горожан. При них был ящик, похожий на гроб. Они уложили Миолу в него и направились к выходу.

— Э-хе-хе, теперь кто-то другой будет трогать ее нежное тело. — Произнес Светоч с сожалением.

— Выберите себе более доступные варианты. — Предложил парень.

— А как же любовь? — В сердцах произнес Светоч.

— Какая такая любовь? — Не понял представитель «второго поколения».

— Такая любовь, возвышенная и искренняя.

— К кукле? — Парень смутился.

— Ее зовут Миола. Она не кукла, она почти человек.

— Все вам хорошего. — Работники удалились.

Светоч присел на диван и понюхал подушку, на которой лежала Миола. Ее запаха на ней не осталось.

— До начала рабочей смены у вас осталось сорок пять минут. — Напомнила ментаграмма.

— Спасибо. — Выдавил из себя Светоч, с трудом сдержавшись, чтобы не нагрубить.

Ему очень хотелось вернуть себе Миолу назад, для чего надо было вести себя так, чтобы МАК оценил старания.

Экономка подала выстиранный китель. Светоч оделся, покрутился у зеркала в прихожей и вышел из квартиры. К лифту одновременно с ним шла соседка из квартиры слева, Яснолика Счастливая. На ней было легкое, почти просвечивающее платье, красиво

уложенные волосы и легкий парфюм.

— Хорошего утра, Светоч. — Поздоровалась она первой.

— Счастливого дня, Яснолика. Если бы я сравнивал времена года с женщинами, то ты лето. Теплая, солнечная и беззаботная.

— Спасибо. Именно так я и хотела сегодня выглядеть. А что с твоим рейтингом? — Ментаграмма показывала рейтинги всех, с кем контактил ее обладатель.

Светоч немного смутился. Он понятия не имел, какой рейтинг был у Яснолики раньше, и потому не заметил бы его изменения.

— Работа в полиции очень опасна своей непредсказуемостью. — Ответил он обтекаемо.

— Устав Гармонии тебе в помощь. — Произнесла Яснолика.

Они зашли в лифт. Светоч посмотрел на девушку и вдруг понял, почему Миола занимала все его мысли, а обыкновенная женщина нет. Кукла умела говорить только то, что он хотел слышать, а каждая женщина, даже самая красивая, обязательно обладала какой-нибудь придурью, отталкивающей от себя.

Прогноз был прав, на улице стоял невероятный аромат лета, смесь нагретой на солнце зелени, свежего утреннего воздуха и легкого флера озона, как будто где-то рядом прошла гроза. На самом деле, его производил защитный ионизирующий барьер, выхватывающий частицы грязи из проходящего сквозь него воздуха, дующего с территории «диких». Ужасна была сама мысль, что им приходится дышать одним и тем же воздухом. Трицикл ждал Светоча у входа.

— Хорошего дня, Яснолика! — Пожелал он соседке, в надежде поднять немного уровень социального рейтинга.

— Море радости, Светоч! — Не оборачиваясь, пожелала она ему.

— Море. — Усмехнулся он негромко. — А то ты знаешь, что такое море. В море и утонуть недолго. — Пробубнил он, забираясь в трицикл. — Поехали на работу.

Полицейский транспорт плавно тронулся с места и вклинился в поток машин, развозящих людей по своим делам. Или делам МАКа.

Глава 2

Основным отличием всех новых городов, возникших после провозглашения Эры Гармонии, стало отсутствие такого понятия, как иерархия власти. Не существовало аппарата городских чиновников, не существовало руководящих должностей в различных службах и конторах. У каждого имелась конкретная работа, которую ему поручал всезнающий МАК. Отсутствовало понятие субординации, карьерного роста и простой зависти к тем, кто пробился выше. Совершенная система, основанная на абсолютном знании всех потребностей жителей города, умела распределять обязанности, манипулируя ими исходя из целесообразности момента. Это значило, что нанимаясь в полицейские, Светочу за то же самое предлагали совершенно другие возможности, чем Добрину, или Любжану.

Оба напарника, Добрин и Любжан припарковались на небольшом пятачке, рядом с крупным пищевым автоматом, откуда после чашки кофе, приличного бутерброда и получения инструкций от диспетчера, разъезжались по городу.

— А что у тебя с рейтингом? — Поинтересовался Любжан, заметив снижение его значений над головой Светоча.

— Не смог откачать паренька. Умер от передозировки. — Он не стал врать.

— Умер? — Глаза у обоих напарников полезли на лоб. — Но причем здесь ты?

— Не оказал первой помощи. Не смог сделать искусственное дыхание в его заблеваный рот. Физиологически.

— Какой ужас. — Искренне изумился Добрин. — Это серьезное нарушение Устава.

— Видимо, Устав не учел, что не каждому человеку под силу такое. — Светоч отхлебнул кофе, вдруг показавшийся ему совсем невкусным. — Чего они сегодня в него добавили?

— Да обычный, как всегда. — Любжан отпил и пополоскал его во рту. — Зря ты гонишь на Устав, он-то как раз предвидит все. Возможно..., на другой работе тебе будет проще.

— А ты сам попробуй приложиться ртом к вонючему зеву наркомана, да еще так плотно, чтобы вдыхать в него воздух? — Светоч почувствовал, как начинает заводиться.

— Кофе сегодня вам больше не положен. Верните его в автомат и заберите чистую воду. — Произнесла ментаграмма прямо в мозг.

— Не хочу воду! — Зло огрызнулся Светоч.

Добрин и Любжан уставились на него.

— МАК советует мне попить воды и успокоиться. — Пояснил Светоч.

— Вот видишь, МАК знает все. Ты и вправду кажешься взведенным. Отличного дня и легкой работы. — Пожелал ему Любжан и укатил.

— Сегодня все пойдет как надо. — Успокоил его Добрин и тоже поехал работать.

— Кому надо? — Буркнул Светоч.

Поставил недопитый кофе в лоток и забрал воду. Сделал несколько глотков и почувствовал, как нервы снова приходят в порядок. Добил воду и съел стакан.

— Семь-шестнадцать-двадцать два у вас сегодня патрулирование в районе городского канала. Вчера там была замечена активность подростков.

— Семь-шестнадцать-двадцать два принял. Направляюсь к точке.

— В психотерапевтических целях вам будет показан ролик о нравах дикарей. —

Произнесла ментаграмма.

— Зачем? Я хочу музыку.

Ментаграмма не ответила. На экране трицикла начался фильм про дикие нравы «полулюдей». Вкратце он показывал все самое неприглядное, вызывающее стойкое отвращение к ним, убийства, насилие, грязь, некрасивые лица, животные вопли. К счастью ролик оказался коротким. После него ментаграмма решила познакомить Светоча с ситуацией в городе.

— Сегодня работа защитного щита составляет семьдесят три процента. На город движется облако ядовитого дыма из промышленной зоны внешних поселений. Жителям Тулсы ничего не угрожает. А вот в дружественном Шархе сегодня ночью было неспокойно. «Дикие» снова предприняли попытку нанести ракетный удар по счастливым жителям города. Ни одной ракете не удалось достигнуть цели, все они были перехвачены еще до сельскохозяйственного пояса Шарха. Сегодня по итогам инцидента МАКи всех городов предпримут коллективное решение, и вероятнее всего будет проведена бомбардировка цехов по производству ракет. Зависть, это худшее, что есть в человеке. Будьте счастливыми и ваши враги не переживут этого. — Резюмировала итоги ментаграмма.

— Спасибо. — Поблагодарил ее Светоч. — Я стал гораздо счастливее, что живу в таком городе, как Тулса.

— Ваш гормональный уровень идет вразрез с признаниями. Скажите, Светоч, что вас беспокоит больше всего, я разработаю для вас методику психологической реабилитации. — Ментаграмму не удалось обмануть.

— Больше всего меня беспокоит, что забрали мою Миолу.

«Клещ» передавал в МАК все жизненные параметры и если ты говорил, что стал счастливее, но при этом уровень ответственных за ощущение счастья гормонов не менялся, то ты просто врал. А вранье совсем не поощрялось. К счастью, на этот раз вместо понижения рейтинга, Светоч получил рекомендации. Оказывается, надо было больше пить воды и бегать.

Трицикл остановился у набережной канала, опоясывающего город кольцом. Он был похож на ров перед замком, задерживающий врагов. Фактически за каналом начинался агропояс, бесконечные поля, на которых неустанно трудились большие роботы, обеспечивающие город продуктами питания. За агропоясом начинался внешний уровень, буфер между землями города и «диких». Туда ссылали горожан с обанкротившимся рейтингом, которые уже не могли ничего себе позволить из предложенного ассортимента, ни жилье, ни еду, ни транспорт, ни развлечения. Так же там жило первое поколение «диких», отобранных по генетическому богатству. Поговаривали, что нравы в их поселениях были такими же, как и по ту сторону границы. Им пожизненно запрещался выход в город, и только их детям разрешалось начинать с нуля, с самых простых занятий и с наименьшим набором возможностей.

По набережной гуляли люди. Отдыхали в тени высоких ив, любовались птицами, разрезающими водную гладь пруда. Светоч прокатился несколько километров вдоль канала, наблюдая за группами людей. Все они выглядели обычно, как и положено счастливым горожанам. Взрослые, проникнувшиеся сутью Устава, направленного на достижение гармонии, вряд ли стали бы устраивать групповые нарушения. Только неутомные подростки, не успевшие разобраться в жизни, пытались бунтовать, думая, что таким глупым способом найдут какой-то иной более значимый смысл жизни. Но все заканчивалось рвотой,

мокрыми штанами и реанимацией.

С подростками сегодня было сложно. Все они проходили в это время уроки усвоения Устава, расширения кругозора и общественных медитаций.

— Семь-шестнадцать-двадцать два на вверенной мне территории нарушения общественного порядка не фиксируется. — Доложил диспетчеру Светоч.

— Семь-шестнадцать-двадцать два даю точку, проверьте ее пешим порядком. — На экране замигал огонек.

— Семь-шестнадцать-двадцать два принял, еду проверять.

Трицикл остановился на ровном месте, ничем не отличающимся от других. Та же каменная набережная, что и везде и народа здесь не было никакого.

— Семь-шестнадцать-двадцать два, нахожусь в точке, иду проверять.

— Семь-шестнадцать-шррр...ва, шррр..., оде.

— Я ничего не понял, тут какие-то помехи. — Произнес Светоч, нарушив форму доклада.

— Се... шрррр...де.

— Ни слова не разобрал. Повторите. — Не хватало еще, чтобы сломался «клещ».

Процедура его замены и приживания не самая приятная. Светоч выбрался из трицикла и пошел вдоль набережной.

— Диспетчер, вас не слышно, у меня помехи, повторите, что вы сказали.

— Шрррр...цать два, выйдите из зоны помех и подойдите к воде. — Произнес диспетчер.

— Фух, это семь-шестнадцать-двадцать два, слышу теперь хорошо. Чем вызваны помехи? — Светоча отпустило, как только он понял, что дело не в «клеще».

— Семь-шестнадцать-двадцать два, не имеем ни малейшего понятия. Я отправила запрос в МАК, но он уполномочил тебя разобраться в этой ситуации. Оставайся и наблюдай.

— Семь-шестнадцать-двадцать два, принял. Я могу отъехать за обедом?

— Семь-шестнадцать-двадцать два, десять минут, иначе штраф.

— Я управлюсь.

Светоч выбрал ближайший пищевой автомат и решил прогуляться до него пешком, благо оставалось не больше трехсот метров. По дороге заказал суп-пюре с сухариками, креветочные кругляши на шампуре, рулеты из печеного баклажана с чесночно-морковной начинкой и стакан апельсинового сока.

— Ваши порции будут уменьшены, эквивалентно снижению общего показателя рейтинга. — Сообщила ментаграмма в заключении.

— Но..., морить человека голодом негуманно. — Расстроился Светоч.

До сего дня его рейтинг только рос и он понятия не имел, что его снижение повлияет на такую вещь, как размер порции.

— Стимуляция к повышению качества жизни через насыщение является одной из главных мотиваций. — Сумничала ментаграмма.

— Хочешь сказать, голодный человек на месте сидеть не будет?

Ответа он не получил. Подошел к пищевому автомату, который при приближении вытянул вперед лоток и забрал свой обед. Даже зрительно порции оказались не такими, на которые он рассчитывал. Место для принятия обеда находилось на крыше здания пищевого автомата. Светоч забрался на него по лестнице и сел за столик под зонтом. Расставил на стол приборы с едой и приступил к обеду. Не спешил, вопреки предупреждениям

диспетчера. На набережной все было тихо, никто не упарывался, не тонул, люди наслаждались прекрасными видами и чистым воздухом.

Светоч смотрел на водную гладь и вдруг, в том месте, куда был направлен его взгляд, прямо из воды появился человек. Возможно, он нырял или занимался задержкой дыхания, хотя в городе для этого имелись различные бассейны с имитацией морского дна. Человек выбрался на берег, отжал мокрую одежду, встал на хOVERборд и уехал. Выглядело это странно и даже подозрительно. Несколько человек проводили взглядами странного ныряльщика.

Светоч доел усеченный обед и встал из-за стола с легким чувством голода.

— Шесть-семнадцать-двадцать два вы покинули зону ответственности больше десяти минут назад.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, я вел наблюдение. Зафиксировал появление из воды подозрительного человека.

— В чем была его подозрительность? — Недоверчиво поинтересовалась диспетчер.

— В том, что там никто не плавал, не нырял в ближайшие несколько минут перед этим.

— Шесть-семнадцать-двадцать два в первую очередь обращайтесь внимание на подростков. Впрочем, вы и сами это должны понимать.

— Их тут нет. Они все еще на занятиях.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, не нарушайте каждый раз форму доклада, иначе я буду вынуждена это отметить.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, такого больше не повториться. Наблюдаю за подростками изо всех сил.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, до связи.

Светоч не стал отвечать. Он снова стал свидетелем появившегося из воды человека в том же самом месте. Спрятался от него за ветвями ивы и стал наблюдать. Тот разделся, выжал одежду, так же, как и первый ныряльщик, как ни в чем не бывало, снова оделся, встал на хOVERборд и покатыл в сторону города.

— Послушай, всезнайка, — обратился Светоч к МАКу через ментаграмму, — а нельзя ли увидеть инженерный чертеж набережной в том месте, где я стою. Особенно меня интересует подводная часть.

— Это служебный запрос?

— Нет, мне просто захотелось стать архитектором. Конечно, служебный.

— Вашему запросу присвоится порядковый номер и он будет помещен в картотеку запросов ведомства.

— Я согласен. Давай уже чертеж.

— Он переслан на экран служебного трицикла. — Сообщила ментаграмма.

Светоч вызвал к себе транспорт, и с интересом рассмотрел объемный чертеж проекта набережной. Поменял на нём текстуры и наполнение, чтобы получилось нагляднее, и понял, что где-то под ним имеются круглые проходы, ведущие в пустые пространства. Назывались они помещениями шлюзовых камер, через которые происходил аварийный водоотвод в половодье или при сильных ливнях.

Он собрался сообщить об этом диспетчеру, но потом решил, что ей это будет совсем неинтересно. Она тоже получила нагоняй от МАКа и понижение рейтинга, и сегодня хотела изо всех сил не допустить той же самой проблемы. Повторение одной и той же ошибки влияло на рейтинг сильнее, чем их разнообразие. Светоч разделся и сложил форму в

трицикл. На него никто не обратил внимания. Люди лежали на траве в исподнем, некоторые и без него, ничуть не смущаясь постороннего внимания.

Зашел в воду по колено. Под ногами оказалась скользкая каменная поверхность ступеней. Дошел до глубины выше пупка, а дальше ступени заканчивались. Светоч умел задерживать дыхание на три минуты и неплохо видеть в воде, благодаря ментаграмме, умеющей возбуждать нервные окончания зрительного нерва или нервов, ответственных за конвульсии легких, при понижении содержания кислорода в крови.

Он рассчитал, что расстояние от входа в отверстие до комнаты, в которой есть воздух, он доберется за минуту. Никакого риска. Светоч продышался, накапливая кислород, и погрузился в воду. Открыл в воде глаза, с каждой секундой погружения приспособляющиеся к недостатку света. Увидел темный провал правильной круглой формы в плоской стене набережной и поплыл внутрь. Через три метра Светоча накрыла легкая паника, глаза не поспевали за сгущающейся темнотой. А тьма создавала эффект нехватки воздуха. Он чуть не вдохнул, поддавшись рефлексам.

И тут он заметил свет и устремился к нему. Бесшумно поднялся над водой и оказался в комнате, свет в которую падал из колодца в потолке. Оттуда же доносился шум города и человеческая речь. Выбрался на бетонный пол и постарался бесшумно отдышаться. Огляделся и увидел на полу мокрые следы босых ног. Какого черта их сюда тянуло? В городе имелось множество мест, гораздо привлекательнее этой крысиной норы.

Мысленно попросил ментаграмму усилить слух, чтобы быть уверенным, что он в помещении один. Усилился только городской шум, да скрип механизмов водоотвода. Уже смелее поднялся и обошел темное пространство. Помимо затхлости, запаха сырого бетона и ржавеющего железа, здесь ощущалось присутствие человека. Аромат геля для душа или шампуня, парфюма и легкий запах кожи. Все это рассказали рецепторы обоняния, усиленные при помощи ментальной программы. Но они ничего не сказали о том, что именно здесь делали люди. Зрение и слух тоже не помогли выяснить причину. Может быть, это была странная игра, взрослые прятки или поиск загадок.

— Шррр-шррр-шррр. — Включился передатчик ментаграммы, заглушаемый помехами.

Наверное, диспетчер заметила, что Светоча нет на вверенной территории. Он снова обошел все небольшое помещение, внутри которого стоял мощный электромотор, зубчатые шестерни, толкающие зубчатые направляющие шлюза, находящегося под полом. Светоч решил, что обмотка старого мотора начала создавать помехи, мешая нормальной связи. Зависимости между подозрительными ныряльщиками и помехами он не нашел и решил, что это простое совпадение. Надо было выбираться наружу, пока диспетчер не отправила доклад о самоуправстве.

Светоч спустился в воду и уже не волнуясь, выплыл наружу.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, шесть-семнадцать-двадцать два! — Ударил по ушам возбужденный голос диспетчера.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, я выяснял причину помех на набережной. Мне пришлось погрузиться в воду и исследовать помещение водоотвода.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, вы просто неуправляемы. Вы получали приказ разобраться в этом?

— Это была моя личная инициатива. Имеется аномальный участок, на котором невозможна коммуникация с МАКом, что противоречит положению Устава Гармонии, который говорит о непрерывности связи между конституцией и горожанином. Разве вам

помехи не показались подозрительными?

— Шесть-семнадцать-двадцать два, вы снова нарушаете форму доклада. Вы полицейский и у вас есть определенный круг задач, в которые не входят исследование причин нарушения городской инфраструктуры.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, понял, принял, продолжаю наб... — Светоч замер с открытым ртом.

Из воды в том же самом месте, откуда он появился совсем недавно, выбрался мужчина лет тридцати. Стараясь не смотреть на окружающих, он как и предыдущие пловцы, снял с себя и отжал одежду, встал на первый попавшийся хOVERборд и полетел в город.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, что с вами, почему замолчали на полуслове? — Спросила диспетчер.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, просто из канала в одном и том же месте появляется уже третий мужчина. Мне кажется это странным. Не могла бы ты, вы, проверить странную активность ныряльщиков в этом месте.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, я проверю, но если все это окажется фантазиями...

— С чего мне фантазировать? Меня и так уже наказали, за то, что я отказался облизывать чужой заблеванный рот. Я говорю о том, что вижу своими глазами. Странные люди выбираются из-под воды, выжимают руками одежду, надевают и отправляются в город. Причем делают одинаково, как будто у них всё происходит по заранее подготовленному плану.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, я отправила запрос. До связи. — Диспетчер дала понять, что причины рефлексии полицейского ей совсем не интересны.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, до связи.

Светоч надел китель и сел на скамью в тени раскидистой ивы. Зачем ему надо так переживать за все происходящее? Любая инициатива, исходящая от него, а не от МАКа, считалась нарушением служебной этики. Светоч просидел неподвижно два часа. Больше ныряльщики не появлялись. На набережной стали появляться подростки. Они носились на хOVERбордах вдоль всей набережной, просто бегали, шумели. Горожане постарше, испытывая дискомфорт от их присутствия, начали покидать канал. После полудня остались только подростки от четырнадцати до восемнадцати лет, активно проводившие время после занятий. Они напоминали орущих чаек на берегу, в момент, когда в канал выпускали мальков рыбы.

Светоч взял в руки программатор и отправился в пешее патрулирование по набережной. Несколько раз подходил к подозрительным группам молодежи, но каждый раз напрасно. Подростки просто забавлялись безобидными вещами, обсуждали сверстников, играли в «пуговицы», бросая оторванные от одежды пуговицы в сторону ямки, либо устраивали заговоры, не пуская в свою компанию провинившихся. Однажды ему нагрубил парень, на что Светоч с чувством глубоко удовлетворения выписал ему штраф, который должен был вернуться наглецу солидным минусом в рейтинге.

— Шесть-семнадцать-двадцать два, конец смены. Возвращайтесь домой. — Предупредила диспетчер о конце рабочей смены.

— Это шесть-семнадцать-двадцать два, что по моему запросу о подозрительной активности ныряльщиков в городском канале?

— Шесть-семнадцать-двадцать два, МАК ответил, что никакой активности замечено не было. Люди просто купались там.

— В одежде?

— Шесть-семнадцать-двадцать два, желаю вам хорошо отдохнуть и выйти завтра в рабочем настроении. До завтра.

— Но... до завтра. — Светоч сжал губы от негодования и возмущенно задышал.

— У вас зарегистрированы стабильные признаки надвигающейся депрессии. — Ментаграмму нельзя было обмануть. — Рекомендуются сегодня принять препараты, снижающие выброс определенных гормонов. А так же я составила вам набор продуктов, которые способствуют снятию напряженности.

— Какая диета? — Возмутился Светоч. — Мне нужно в бар, принять хотя бы три порции крепкого алкоголя для расслабления. Мне нужно побыть среди людей, отвлечься.

— Нет, алкоголь наоборот, усугубит состояние на следующий день. А у вас он рабочий. Помимо препаратов и еды, советую поучаствовать в какой-нибудь занимательной виртуальной игре. Как вам полеты в вингсьюте над цветущими Альпами? Или посещение Кораллового рифа? Прыжок из стратосферы? Футбол в условиях слабой гравитации?

— Послушай, всё, чего бы я хотел сегодня вечером по-настоящему, это хороший секс с Миолой. Вот это всегда снимало у меня любые депрессии.

— К сожалению, это невозможно и вы знаете почему. Кстати, не хотела говорить вам сегодня, на фоне начинающейся проблемы, но комиссия по профессиональной пригодности рассмотрела ваш вчерашний проступок и пришла к заключению, что вам для возвращения рейтинга необходимо зарегистрироваться участником общественного суда.

— Нет! — Воскликнул Светоч, обратив на себя внимание горожан.

— Да. Это реальный шанс вернуть себе прежний уровень, и, конечно же, Миолу. Вы не можете отказаться, помните, неучастие, равно соучастию. Полноценная жизнь горожанина немислима без всестороннего интереса ко всему происходящему в городе. Мы часть единого, а не множество единых, образующих целое.

— Хорошо, но давайте с завтрашнего дня. — Ментаграмме ничего не стоило уговорить Светоча.

— Я и собиралась сказать вам об этом завтра вечером, накануне выходного дня.

— Спасибо, тронут твоей заботой и заботой МАКа о каждом из нас.

— МАК всегда с теми, кто стоит на пути к гармонии и никогда не оставит наедине со своими проблемами.

— Передай ему спасибо. — Светоча немного раздражали подобные умничания, отдающие дешевым пафосом.

— Ваши поступки ему наградой.

Светоч сел в трицикл, откинулся на спинку и вытянул вперед ноги. Находился за день, устал. Аппарат, мягко скользя по городским улицам, повез его к дому. По дороге заехал к пищевому автомату. Ужин состоял из того, что рекомендовала ментаграмма, много зелени, вареной фасоли, сыр и стакан с напитком, напичканным различными препаратами, возвращающими ощущение полноты жизни. Ужин забрал домой, чтобы поесть с чувством. Это тоже помогало настроиться на позитивный лад.

Одновременно с ним с работы возвращалась Яснолика. Он до сих пор не знал, где она работает, ему было это неинтересно, но сегодня почему-то решил поинтересоваться.

— Как прошел твой день? — Спросил он.

— Отлично, как всегда. — Она широко улыбнулась.

— Прости, что спрашиваю через год с лишним после того, как стал твоим соседом, но

где ты работаешь? Мы всегда возвращаемся с тобой в одно и то же время, когда я работаю в дневную смену.

— Бюро анализа формирования когнитивных способностей у детей в зависимости от лингвистической среды. — Ответила она.

— Ого, звучит очень умно и серьезно. То есть, вы ищете зависимость умственных способностей у детей от языка, на котором они разговаривают.

— Не только умственных, в более широком понимании. МАК задался целью создать единый язык, самый совершенный, который позволит жителям всех городов понимать друг друга и иметь одинаковые стартовые возможности. Согласись, это же так прекрасно.

— Прекраснее ничего не слышал. А у меня сегодня особенный ужин, — Светоч показал на коробки, — не хочешь пропустить со мной чашечку чего-нибудь успокоительного перед сном?

— Оу, спасибо, но не сегодня. Очень устала после работы. Спасибо за предложение. — Отказалась Яснолика.

Они зашли в лифт. Щеки у соседки слегка зарумянились, как от смущения. Поднялись молча на свой этаж и дальше не проронили ни слова.

— Спокойной ночи, Яснолика. — Пожелал Светоч девушке.

— Спокойной ночи, Светоч. — Она первой зашла в квартиру.

Светоч сделал вид, что заходит к себе, но дождался, когда Яснолика закроет дверь, на цыпочках подошел к ней и приложился ухом.

— Ричард, я так устала сегодня. — Раздался ее томный голос.

— А я так устал ждать тебя, дорогая. — Произнес мужчина хорошо поставленным голосом.

— Мне нужен массаж.

— Я промассирую каждую клеточку твоего прекрасного тела.

— Тьфу. — Почти сплюнул Светоч.

Конечно, ни одна нормальная девушка не променяла бы вечер с такой совершенной куклой, какой был Ричард, на общество простого парня.

— Нарушение тайны личной жизни, серьезный проступок. Ваш рейтинг понижен. — Произнесла ментаграмма. — Апартаменты в этом доме больше недоступны вам. У меня есть перечень жилья, которое вы можете занять.

— Что, прямо сегодня? — Светоч расстроился, чуть ли не до слез.

— Немедленно.

Глава 3

Светоч трясущимися руками взял мягкий стакан сока и выпил в два глотка. Его нервы дали сбой, и если бы он не залил в себя всю микстуру, выписанную ему для поднятия настроения, могло случиться страшное. Он стоял в коридоре у панорамной прозрачной стены и пытался успокоиться. Как назло домой вернулся Любомир Прославленный.

— Ого, Светоч, а дела твои все хуже и хуже. — Заметил он, чуть ли не со смехом. — Что, так плохи дела с порядком в городе или это у тебя дела плохи с порядком?

— Мои дела тебя не касаются. — Сжав зубы, произнес Светоч.

— Мы все часть целого...

Все же препаратов, намешанных в соке и рассчитанных на приведение к норме незначительного отклонения психики, не хватило на всплеск ярости, овладевший сознанием полицейского. Светоч кинулся в драку и успел нанести два удара приемами, записанными в его мышечную память ментаграммой, прежде чем она успела взять ситуацию под контроль.

Светоч пришел в себя у лежавшего на полу соседа. Из своей квартиры на шум показалась Яснолика и со страхом уставилась на поверженного Любомира.

— Наркоман. — Соврал Светоч. — Упоролся в лифте и не успел дойти до дверей квартиры.

Развернулся и направился по коридору на выход. Яснолика захлопнула дверь, не проронив ни слова. Картина очень нетипичная для горожан Тулсы. За всю свою жизнь Светоч только однажды видел драку, и та происходила не больше пяти секунд, пока ментаграмма не заблокировала нервные центры дерущихся. Помнится, в тот день он усомнился, что подобная реакция МАКа на проявление свободы оказалась оправданной.

— Вам требуется серьезная терапия и изоляция. Оставайтесь у входа в здание, пока вас не заберет автомобиль службы реабилитации.

— Я в норме.

— Вы избили человека.

— Он провоцировал меня. Это нарушение Устава, запрещающего морально давить на человека в сложной ситуации.

— Его рейтинг понижен, но вас это никак не оправдывает. Физическое насилие является серьезнейшим проступком, недопустимым для горожан Тулсы, стремящихся к гармонии во всем.

— Если бы я его не ударил, мне было бы хуже, и я только удалился бы от ощущения гармонии, а теперь я испытываю полнейшее удовлетворение.

— Это временно, пока в крови высокое содержание адреналина. Затем вас захлестнет чувство вины. — У ментаграммы на все был готов ответ. — Допустимое насилие мгновенно приведет к тому, что горожане станут считать его легальным способом коммуникации.

— А по-моему, это научит многих держать язык за зубами.

— Ваши взгляды идут вразрез с Уставом Гармонии, что предусматривает серьезный курс реабилитации.

— Нет, нет, только не серьезной. Вы хотите, чтобы я стал похож на овощ? Давайте трудотерапию, чистку фильтров на барьерах, что угодно, только не надо пичкать меня транквилизаторами. Знал я одного, как там его звали, Доброслав, кажется, так он месяц

после вашей реабилитации не мог сдерживать мочевой пузырь. Я так не хочу, я не заслужил этого. У меня все нормально с мозгами, с гармонией и всем остальным. Просто ситуация, вызванная всего одним проступком, из-за этого чертова наркомана, вызвала снежный ком налипающих друг к другу проблем. Мне нужна просто смена обстановки, и никакой реабилитации.

— Напрасно. МАК отмечает почти стопроцентную эффективность подобного курса. Используя гипнотические приемы усвоения Устава, человек начинает подсознательно пользоваться им в повседневной жизни.

— Я не робот и не хочу, чтобы придуманная кем-то программа управляла мной на подсознательном уровне. Я справлюсь и без этого курса, обещаю. Предлагаю пари, если я оступлюсь, тогда делайте со мной, что хотите, но сейчас дайте шанс самому выбраться из этой ситуации.

— Ответ будет дан чуть позже. — Произнесла ментаграмма, оставив надежду на помилование.

Светоч вышел на улицу. Изумительнейшей красоты город и небо над ним, жили своей гармоничной жизнью, и только он выглядел на этом фоне инородно. Как говорил МАК, достижение высочайшего единения всех горожан, это неустанный труд каждого. Потакание слабостям, лень, путь к эгоизму и разъединению. Что из этого постулата нарушил, чтобы получить отторжение, как инородное тело, Светоч не понимал. Жизнь горожан напоминала непрекращающийся сон, убаюкиваемый внушениями МАКа, а он стоял разбуженный посреди спящих горожан с блаженными улыбками на лицах и хотел скорее уснуть снова, чтобы не испытывать ощущение отстраненности.

— МАК принял ваши условия и готов дать шанс.

Светоч вздрогнул от неожиданного голоса ментаграммы.

— Очень рад. Ни секунды не сомневался в его мудрости.

— Идет набор в службу контроля внешних территорий. Полугодовая работа в ней дает жителю города стабильно высокий базовый рейтинг от МАКа, снятие прежних наказаний и доступ к эксклюзивным ресурсам.

— А что они контролируют? — Светоч никогда не интересовался их работой, считая, что ее доверяют только «диким» из второго поколения, желающим получить «горожанство».

— Это секретная служба и информация о ее специализации может быть озвучена только после поступления на службу. — Загадочно ответила ментаграмма. — Если вас это пугает, вы всегда можете отказаться и отправиться на реабилитацию.

— Нет, я хочу, чтобы мои мысли принадлежали только мне.

— Напрасные страхи, вызванные глупым упрямством. Нет ничего сильнее и продуктивнее коллективного разума, объединенного общими идеями и целью.

— Видимо, во мне еще осталось что-то первобытное, через что я не могу переступить. Я выбираю эту чертову секретную службу. Посмотрю хоть, как живут дикари. Надеюсь, это не опасно?

— Не более чем жизнь в городе. Наши технологии не позволяют жителям внешних территорий создавать проблемы. В таком случае, вместо машины службы реабилитации вас заберет гравилет. Пройдите на ближайшую площадку стоянки гравилетов. — Посоветовала ментаграмма.

У Светоча заглодело на душе от предчувствия перемен. С одной стороны, он очень боялся неизвестности, как и все горожане, привыкшие к ощущению привычности и

ежесекундной заботы, но с другой ему хотелось возвыситься над обыденностью. По дороге на стоянку гравилетов, все, кто встречался ему на пути, обращали внимание на невысокий рейтинг, нетипичный для жителей этого района города. Светочу уже было плевать на них, у него появилась новая цель, не зависящая от молчаливого осуждения окружения.

До сего дня ему ни разу не приходилось летать на гравилете. Совершенные транспортные аппараты поднимались высоко в воздух, почти на границу ионизирующего щита, открывая потрясающие панорамные виды на город и окрестности. Они так же могли перемещаться между городами, но насколько он знал, над территориями диких смотреть было не на что, многочисленные дымы из труб, серость, карьеры, отвалы, облака раскрашенные выбросами химических производств во все цвета радуги.

Светоч расположился в кабине на двенадцать мест. Он был один. Вообще поездки к внешним границам не были частым явлением у горожан. Поэтому гравилетов на стоянке редко было больше одного. Аппарат закрыл дверь, пожужжал чем-то в своих недрах и плавно оторвался от земли, стремительно набирая вертикальную скорость. Ускорение вжало Светоча в спинку кресла. Он с трудом смог вывернуть шею, чтобы посмотреть в иллюминатор. Огни города быстро уменьшались в размерах. Бледно-зеленое свечение барьера, редко видимое из города, окружило его со всех сторон. Световые дорожки вдоль полей расходились как солнечные лучи от яркого круга города и упирались в ионизирующий щит.

Гравилет поднялся за облака, скрыв город и окрестности из виду. Начал горизонтальное движение с не меньшим ускорением, чем вертикальное. Продолжалось оно не больше минуты, потом началось активное торможение и снижение. Внизу показалась светящаяся окружность внешнего пояса, почти упирающаяся в бледно-зеленое свечение защитного барьера.

Гравилет мягко сел на освещенный прожекторами пятачок. Вокруг стояли еще пять таких же аппаратов, неслыханная вещь для города. Над всем периметром внешней сферы нависала светящаяся стена защитного барьера, наполняющая ночь зелеными оттенками. Светоч выбрался наружу и сразу ощутил более концентрированный запах озона, чем в городе.

— Вам забронирован жилой отсек. Выспитесь, а завтра отправитесь знакомиться со службой. — Сообщила ментаграмма.

Светоч направился к месту ночлега заранее зная, где он находится. Услужливая ментаграмма подсовывала в память знания о маршруте таким образом, что человек воспринимал их как собственный опыт, хотя и бывал в этих местах впервые. Светоч впервые увидел человека без всяких рейтингов. Это были «дикие» отобранные с целью расширения разнообразия ДНК. Для него стало шоком, что они выглядели совсем не ужасно, не так, как роликах, которыми их пичкал МАК. Мимо прошла очень стройная смуглая девушка, с большими черными глазами и непослушными вьющимися волосами. Он вспомнил свою простоватую куклу Бимбим и понял, что кукла проигрывала дикарке из плоти и крови по всем параметрам.

— Привет. — Поздоровалась девушка с акцентом, заметив интерес. — Впервые на внешней границе?

— Да. — Сухо ответил Светоч.

Морально он был не готов сразу встать с ней на одну ступень и общаться как с равной, и потому всем видом показывал свой высокий статус.

— Это замьетно. — Засмеялась девушка. — Ты выглядишь растерянным.

— Совершенно не растерян. — Светочу не понравилось, что дикарка позволила себе замечание в его адрес.

— Ну, как знаешь. Желая хорошо обустроиться на новом месте. — Она пошла дальше.

Как и у всех дикарей, у нее не было «клеща» и подключения к МАКу. Им не позволялось покидать внешнюю границу ни при каких обстоятельствах. Они жили мечтами, что их дети получают право полноценного «горожанства» и только ради этого стоило терпеть неравноправие. Жизнь на внешней сфере существенно отличалась от жизни в городе. Во-первых, из-за сожительства с «дикими» хромал общественный порядок. Во-вторых, здесь находились люди, которые покидали безопасный периметр с целью недопущения несанкционированного развития технологий у дикарей, способных нанести ущерб городу. Такие люди, как правило, сложно контактировали с МАКом и все разговоры о движении в сторону гармонии считали пустой болтовней.

Светоч сразу понял это явное отличие, когда нарвался на грубость, выставившись на бородатого мужчину со шрамом на лице.

— Какого хрена вылутился? — Зло спросил тот, увидев на себе пристальный взгляд. — Я тебе не девица.

— Извините. — Смутился Светоч.

Обычный горожанин, заметив на себе внимание, кивнул бы, еще и улыбнулся. А этот тип будто располагал бесконечным рейтингом, позволяя себе сорить ругательствами налево и направо. Рейтинг, надо сказать, оказался у него невысоким. Значительно ниже, чем у Светоча. Видимо, мужчина был неисправимо склонен к моральной деструкции, за что и обосновался здесь надолго.

Жилой модуль на самом деле оказался модулем. Светоч остановился у высокой вертикальной стены фасада здания, похожего на какой-то домик насекомых. Сотни, а может быть и тысячи дверей эллипсовидной формы расположились в десять рядов от уровня тротуара и до крыши. Начиная со второго уровня, к ним вели лестницы, соединенные в длинные платформы. Конструкция напоминала строительные леса, но выполненные в некотором инженерном изяществе. Жилой модуль для Светоча находился на десятом этаже, и никаких лифтов для поднятия на самый верх предусмотрено не было.

Несмотря на позднее время суток, жизнь в этом месте кипела. Много людей ходило по улицам пешком, что редко встречалось в городе. Некоторые катались и на хвербордах и на старых велосипедах, но в стороне, как будто их присутствие на улице было нежелательным. Светоч поднялся на десятый этаж с одной остановкой. С верхнего этажа открывался прекрасный вид на ионизирующий барьер, нависающий над узкой полосой жилой застройки и инфраструктуры. Свечение доминировало над всем и невольно становилось основным объектом внешней сферы, отбирающей на себя львиную долю внимания.

Налюбовавшись вдоволь на рукотворное чудо, Светоч зашел в свой жилой модуль. Он был размером с прихожую в его последней квартире. Поразительная экономия пространства, выражающаяся в конструировании его под свои нужды. Здесь все убиралось и вынималось из стен или деталей интерьера. Функционально, но больше похоже на клетку для домашнего животного. Светоч так устал, что не стал разбираться в тонкостях конструирования жилого пространства, разделся, принял душ и лег спать на кровать, обнаруженную с обратной стороны узкого платяного шкафа.

Проснулся от пения в соседнем модуле. Время было еще семь утра. Он не привык

вставить так рано.

— А нельзя ли потише, я хочу выспаться! — Крикнул Светоч.

Пение прекратилось.

— Извини, я думал, вокруг меня до сих пор никого не поселили. — Ответил мужской голос. — А с семи утра петь уже можно.

— У меня был вчера тяжелый день, я поздно лег.

— Все сюда приезжают после тяжелого дня в городе. От хорошей жизни еще никто не явился на границу.

Светоч ничего не ответил, попытался снова настроиться на сон. Спустя минуту сосед снова затянул песню, но уже вполголоса, только ее все равно было слышно. Светоч непроизвольно прислушивался и набирался раздражением, пока окончательно не понял, что больше уснуть уже не получится.

— Для вас в кран с питьевой водой добавлено успокоительного природного происхождения. — Сообщила ментаграмма, отметившая раздражение.

— А где тут кормят?

— В жилом модуле имеется пневмопровод доставки обедов. Приемное окно находится слева от входной двери.

— Отлично, можно есть, не выходя на улицу. Почему бы и в городе не сделать так же?

— Жизнь в городе и на внешнем кольце отличается. Здесь другой ритм.

— Ритм? Звучит не очень обнадеживающе. Не успел поесть дома, и всё, останешься голодным?

— Отвлекаться на перекусы здесь дурной тон, как и есть напоказ.

— Почему такая разница?

— Смешение культур в первую очередь, а во вторую, сюда отбираются те люди, которые не смогли оценить внутреннюю гармонию города. Им не по душе многие правила, которые кажутся естественными остальным горожанам. Например, поедание бутерброда на виду у всех.

— А что в этом такого?

— Некоторый процент людей считает процесс поглощения пищи довольно интимным моментом, не подлежащим публичности. МАК оценивает это, как один из признаков начинающейся деградации личности, пытающейся спрятаться за барьером из собственных правил. Они забывают, что каждый из нас часть единого, монолит, а не песчинки, собранные вместе, не способные образовать ничего, кроме рыхлого песка.

— Ясно. Меня никогда не смущало есть бутерброд на виду у всех. — Светоч подошел к крану. — А где взять стакан?

— Сдвинь раковину в сторону. — Посоветовала ментаграмма.

Светоч повернул узенькую раковину и под ней обнаружил полость с посудой. В ней два стеклянных стакана, тарелки и столовые приборы.

— Они что, несъедобные? — Удивился он.

— Нет.

— Но это негигиенично? До меня из него уже пили?

— Конечно, но вся посуда стерилизуется каждый раз, когда убирается на место.

— Все равно это как-то психологически неприятно знать, что ею кто-то пользовался.

— Упрощенный быт используется в воспитательных целях. Было бы удивительно, если бы потеря рейтинга не подразумевала отличия на всех уровнях. Вы еще столкнетесь с

отсутствием многих вещей, к которым привыкли, чтобы в следующий раз заранее просчитывать последствия своих поступков.

— Я уже изменился и осознал, можно мне назад? — В шутку поинтересовался Светоч.

— Да, конечно, собирайся. — Ответила ментаграмма.

— Серьезно?

— Конечно, нет. — Ментаграмма позволила себе усмешку. — Не бывает волшебных преобразений личности. Человеку необходимо время переварить глубинную причину своей ошибки, чтобы в подсознании тысячи раз повторить для себя неприемлемые варианты ее повторения. Так что, полгода, не меньше. А пока, пей воду, в которой есть все, чтобы мир казался тебе дружелюбнее.

Светоч взял в руки тяжелую кружку и набрал в нее воды. Принюхался.

— А почему у нее такой странный запах?

— Потому что здесь подземные источники, принадлежащие городу и внешним территориям, смешиваются. Очистить до приемлемого уровня не получается. Пей, в ней нет ничего опасного.

Светоч выпил, убрал стакан на место и задвинул раковину на место. Он почувствовал, как наступил эффект расслабления и легкой эйфории из-за лекарств, напичканных в воду. Полгода, так полгода. Зато он сможет шокировать коллег по работе и соседей пугающими байками о жизни на внешнем кольце. О встречах с «дикими», о бомбардировках их заводов, на которых они делают свои ракеты, напрасно пытающиеся долететь до города и прочее, возможно придуманное ради желания попугать изнеженных горожан.

Светоч заказал завтрак, имеющий довольно скудный ассортимент. Вынул из приемного терминала серую картонную коробку, внутри которой лежала еда, тоже в картонных судочках. Салат оказался просто набором крупно нарезанных вареных овощей, чуть приправленных маслом. Вместо бутерброда с мясом и острыми приправами лежал кусок размякшего хлеба, пропитанный прозрачным соусом из-под которого выглядывали какие-то мясные обрезки, совершенно не похожие на подаваемые пищевыми автоматами в городе. Взять в руки его не получилось.

— Вывалите на тарелку и съешьте при помощи приборов. — Посоветовала ментаграмма. — Качество продуктов на внешнем кольце эквивалентно уровню рейтинга. Это ваш выбор, так что не стоит расстраиваться.

— Я выбирал другое. — Ответил Светоч, пробуя на вкус бутерброд.

Он имел такой же неприятный вкус, как и внешний вид. Светочу хотелось добавить, что Устав Гармонии слишком суров и вместо того, чтобы помочь оступившемуся, всячески провоцирует его на последующие нарушения, но промолчал. Гнать на Устав считалось неприемлемым кощунством, он был совершенным порождением самих горожан, вобравшим в себя опыт двухсотлетнего сожительства с аналитическим ядром под управлением Конституции. Какая-то часть собственных мыслей и желаний Светоча тоже была вложена в обучение МАКа и потому любая его критика выглядела, как нежелание принимать последствия за собственные решения.

— Вам доставлена форма службы слежения за внешними территориям. — Сообщила ментаграмма. — Сдайте форму полицейского и переоденьтесь.

Светоч доел невкусный бутерброд, поел салат, с трудом осилив половину, и только после этого пошел переодеваться. В блеклой бумажной коробке лежала свежая форма пятнистой окраски, довольно непривычной взгляду. Светоч переоделся, сложил свою старую

форму в ту же коробку и закинул ее в терминал пневмопровода. Пожалуй, это техническое решение являлось преимуществом перед бытом внутренних горожан. Там для любого действия приходилось покидать квартиру. МАК словно не хотел, чтобы они слишком долго сидели дома.

Светоч подумал о том, куда ему надо направиться для несения службы, и память услужливо напомнила маршрут. Он покинул маленький жилой модуль, который за полгода запросто мог развить в нем приступы клаустрофобии и оказался в дневном варианте небольшой части внешнего кольца. Ионизирующий барьер поблек на фоне яркого солнца, зато улицы и дома расцвели. Здесь было не так, как показалось ночью, вполне уютно. Особенно из-за того, что единственная большая улица, опоясывающая город кольцом заполнилась спешащими пешеходами, а не машинами.

— Это тебя поселили рядом? — Поинтересовался мужчина, покинувший модуль одновременно со Светочем.

— Меня. А мы уже на ты?

— Извини, но на внешке не принята напускная вежливость. Ты скоро это сам увидишь. Милодел Воспетый. — Он протянул руку для рукопожатия.

В городе не принят был подобный этикет, только на всяких мероприятиях, как знак сопричастности.

— Светоч. — Пришлось принять правила игры и пожать руку.

— Тебя за что сюда? — навязчиво поинтересовался сосед.

— Мне обязательно об этом рассказывать?

— Нет, конечно. Не хочешь, не надо. Через месяц ты сам будешь рассказывать об этом новичкам и не чувствовать смущения. Ты как будто проснешься и в один день поймешь, а жил ли ты там или спал. Вспомнить нечего, кроме своего проступка, остальное как в тумане.

Светоч отнесся к его словам с огромным сомнением. Он понимал, что у него есть претензии к какой-то стороне жизни в городе, но и другое понимал, что там ему было хорошо.

— А ты за что?

— За любовь. — Ответил Милодел. — Влюбился в Мечталину, коллегу по работе. А она на меня не обращала никакого внимания. Конечно, у нее был мужчина, в смысле, кукла и я понимаю ее, она умела больше меня. Но во мне зародилась какая-то идея фикс, добиться ее и у меня почти получилось, но в нашей конституции подобные вещи считаются насилием над свободой личности. И вот я здесь. — Милодел развел руками.

Светоч не особо проникся его историей и даже знал наперед, что если бы попал на заседание суда, выносившего вердикт Милоделу, то отправил его на внешнее кольцо без всяких сомнений. Это ужасно навязываться человеку со своими чувствами. Все равно, что поместить его в тюрьму из решеток собственных желаний.

— Закономерно. — Ответил Светоч.

— Думаешь? А как же чувства?

— Твои чувства должны оставаться при тебе, а не быть навязанными другим против их желания.

— Сразу видно, свеженький. Ладно, на внешке тебе быстро твоя философия покажется дикой. Тут, кстати, женщины, попавшие для пополнения генофонда с той стороны, из трусов выпрыгивают, чтобы получить потомство от горожанина. А среди них есть прямо таки горячие штучки, не чета рафинированным мартышкам из города.

— Меня все устраивало в городе и потому я постараюсь скорее поднять свой рейтинг и вернуться назад в нормальную квартиру с нормальной водой, едой и развлечениями.

— Ха-ха, — усмехнулся Милодел, — пожалуй, с развлечениями тут побогаче, чем в городе. Особенно по ту сторону границы.

— А что, тут можно запросто ее пересекать? — Удивился Светоч.

— Не всем, конечно, но тебе-то точно придется. — Милодел кивнул на пятнистую форму. — Хотелось бы быть таким же оптимистичным, как ты, насчет возвращения через полгода, но служба у парней по слежению не самая простая.

— В каком смысле?

— Сам узнаешь, иначе МАК совсем отключит меня за болтовню.

Светоч спустился на тротуар. Их дороги с Милоделом разошлись.

— Хорошего дня, Милодел. — Пожелал ему Светоч по привычке.

— Не сдохни в первый день. — Ответил Милодел.

Внешнее кольцо делилось на равные сектора. Каждый сектор являлся автономным по всему перечню необходимых служб. Поэтому до места несения службы Светоч дошел минут за десять, успев за это время рассмотреть здешние особенности. В центре, между жилыми домами и многочисленными зданиями служб, проходила большая дорога. На стороне к городу располагались только жилые модули разного уровня. За ними раскинулись парки, за которыми вероятно уже начинались поля. С другой стороны дороги находились здания служб, половину из которых занимало обслуживание работы защитного барьера. Поддержание его работоспособности и переработка мусора отфильтрованного мусора.

Сообщение между жилой зоной и рабочей происходило через многочисленные подземные переходы под дорогой. Светоч прошел в один из них, оказавшись в потоке людей, спешащих на работу. Встречались среди них и «дикие», старающиеся держаться особняком. Они очень отличались от коренных горожан, но не внешностью или фигурой, как казалось ранее, а зажатыми движениями, выдающими их неуверенность. Светоч вышел из подземного перехода и опознал по памяти здание, в котором должен был работать. Большой куб с летающей техникой на крыше. Выглядел он пугающе некрасивым и угнетающим. От него веяло опасностью, примитивной утилитарностью и непривычной суровостью.

Он зашел внутрь, испытывая сильное волнение, и оказался внутри ангара с колесной и гусеничной техникой, которую никогда не видел прежде, и даже не подозревал о ее существовании. Дальняя стена ангара светилась объемным экраном, у которого стояли несколько человек в такой же форме, как и у Светоча. Он вытер вспотевшие ладони о ткань формы и направился знакомиться.

Глава 4

— Всем доброго дня. — Подал голос Светоч, потому что его появление не заметили. —

Меня назначили переводом к вам для поднятия рейтинга. Мое имя, Светоч Вдохновенный.

Люди в пятнистой форме, среди которых было пятеро мужчин и две женщины, разом обернулись и осмотрели его оценивающе, даже невежливо. Не совсем приятный момент, непривычный типичному горожанину.

— Да, мы знаем, что у нас новенький с сегодняшнего дня. — Произнес мужчина старше остальных. — Для начала тебе будет простое задание, вымыть технику, которая вчера вернулась из рейда.

— Откуда? — Светоч не знал значения этого слова.

— Из рейда. — Мужчина посмотрел на него с высокомерной улыбкой. Он явно ничего не слышал про этикет. — Что, ничего не знаешь про рейды за барьер?

Светоч помотал головой из стороны в сторону.

— Конечно, кому в городе интересны такие мелочи. Вам там спокойно, сытно, беззаботно, а тут под боком дикие твари не знают покоя. И не знал бы, если бы не такая мелочь, как рейтинг.

Пожилой мужчина позволял себе очень крамольные выражения, за которые в городе запросто получил бы солидный штраф.

— Красавина, покажи новенькому, где у нас шланг, пусть приступает. — Распорядился он.

— Идем. — Женщина тридцати двух лет с очень низким рейтингом, мягко улыбнулась Светочу и пошла.

— Что стоишь, иди за ней. — Грубо подогнал его мужчина.

— Спасибо, я понял. — Светоч даже растерялся от подобных манер.

Почувствовал себя дикарем, к которому не надо подбирать интонаций. МАК учил его, что проявление вежливости к собеседнику есть первый шаг для установления нормального контакта. Все люди достойны уважения, в особенности до знакомства. Похоже, жизнь на периферии Тулсы превратила этих людей в дикарей. Город точно не принял бы их такими.

— Как ты уже слышал, меня зовут Красавина.

— Меня Светоч. Очень рад знакомству.

— Я тоже. Хочу дать совет, тут любезности не в моде. Ментаграмма не понижает рейтинги, потому что уже и понижать некуда, поэтому мы тут расслабились и ведем себя естественно.

— Я бы не сказал, что естественно грубить человеку, которого ты впервые видишь. — Заметил Светоч.

Красавина рассмеялась, смутив новенького еще сильнее.

— Тебе показалось, что Добронрав грубо с тобой разговаривал? — Она снова рассмеялась. — Он был очень добр с тобой и любезен. Когда он будет груб, ты сразу это поймешь, а возможно и почувствуешь.

— Что это значит?

— Ну, несмотря на имя, нрав у командира совсем не добрый. Только зря обижать он не станет. У нас тут серьезная служба, гибнут люди, так что глупить не позволено. Все хотят

жить, даже в таком месте, как это.

— Как... гибнут люди? — Светоч почувствовал, как по спине потекли капли холодного пота.

— А ты думал, что прогулки по внешке полны только положительных впечатлений для расширения кругозора? Увы, там живут очень разные существа и некоторые нас не любят до зубного скрежета. Хорошо, что у нас есть надежная техника. — Красавина постучала по стальной «шкуре» огромной машины. — Держи шланг и смывай с нее грязь. Помоешь эту, переходи к следующей, и так, пока не отмоешь все пять.

— Пять? Это же на весь день работы. — Светоч не поверил, что его, горожанина, заставят делать работу, которая больше подходит дикарям второго поколения.

— Нет, не на весь день, а до обеда. Потом у тебя будут занятия. Приступай, иначе останешься сегодня без обеда. — Красавина ушла, виляя бедрами.

— Это совсем не то, что я себе представлял. — Обратился Светоч к ментаграмме.

— Чтобы горожанам было проще тянуться к гармонии, их не должны отвлекать подобные вещи. Вы оказались среди людей, для которых устав, учащий жить в гармонии с миром, ничего не значит. Вы тоже усомнились в нем.

— Это же было естественно в моей ситуации.

— Естественно усомниться в себе, а не в совершенной мысли. Вы продемонстрировали непозволительное высокомерие, заразное, если начать делиться им с окружающими. Считайте перевод на эту службу карантинном вашей глупости и гордыни. И поспешите с работой, часы приема пищи здесь строго регламентированы.

— Я не смогу заказать еду в любое время?

— Не сможете.

Светоч открыл кран. Тугая струя воды ударила из шланга и вырвала его из рук. Он завертелся змеей, поливая во все стороны. Светоч кинулся ловить его и получил в лицо неслабый удар. Верткий шланг никак не давался в руки, словно издевался над ним. Выкручивался гибким телом намного быстрее, чем позволяла его ухватить реакция Светоча. И вдруг шланг безвольно опал. Добронрав перекрыл воду на выходе из металлического гидранта.

— Бери в руки и держи крепко. — Произнес он ледяным тоном.

Светоч невольно подчинился. Взял шланг двумя руками.

— Готов?

— Ага.

На этот раз он смог обуздать стихию. Приноровился к давлению воды и направил ее на испачканные в грязи гусеницы и борта машины. Под грязью обнажился серо-зеленый корпус из толстого металла в многочисленных царапинах, ожогах и оплавленных отверстиях. Светочу хватило ума понять, что повреждения металла вызваны попаданиями того, что способно делать в нем дыры. Он часто видел ролики про военные действия дикарей, но не знал, что в Тулсе есть своя военная техника. Он был уверен, что МАК обходится бомбежкой заводов по производству ракет. Этого было достаточно, чтобы не переживать о безопасности городов. По крайней мере, так преподносили информацию новости.

Светоч, наконец, понял, что за хобот находился в верхней части машины. Это была электромагнитная пушка, скрытая под броней. Страшное оружие по своей разрушительной мощи. Ему все меньше хотелось работать в службе контроля за внешними территориями. Работа по поддержанию защитного барьера в рабочем состоянии уже казалась ему намного

спокойнее и предпочтительнее.

— А нельзя ли меня перевести на другую работу? — Спросил он у ментаграммы. — Здесь же, на внешнем кольце.

— Основную работу здесь выполняют иммигранты и их дети. В службу контроля за внешними территориями, как вы понимаете, их не возьмешь. Это наиболее подходящая работа для человека, работавшего полицейским.

— А если я настою?

— Вы только продлите себе срок возвращения назад.

— Какая же ты... несговорчивая. — Еле сдержался Светоч.

Больше он ни с кем не разговаривал, ни на кого не обращал внимания. Сконцентрировался на мытье машин. Когда ментаграмма напомнила, что начался обеденный перерыв, у него еще оставалась немытым один аппарат. Светоч спешил изо всех сил и освободился за пятнадцать минут до окончания обеда. Забежал в столовую, в которой почти никого не осталось и забрал ожидающие его две тарелки, с первым и вторым, и коричневый напиток в стеклянном стакане. Он никогда еще так быстро не ел, как в этот раз. Ему было плевать на вкус еды, боялся остаться голодным до самого вечера. Для обычного горожанина, привыкшего к частым перекусам, совершенно невозможная вещь. Он подавился, потратил минуту на кашель и все равно уложился до закрытия.

— Худший результат из лучших. — Произнес Добронрав, когда Светоч забежал на второй этаж. — Иди в класс за симулятор «мастодонта».

К тому времени Светоч уже знал, что «мастодонтом» называли бронированную машину. Он был удивлен, когда увидел за тренажерами около тридцати человек. На них были надеты аналоги «клевца», только крупнее и с функцией симуляции среды. Руки учеников лежали на органах управления техникой, либо ее оружием.

— Надевай макаку. — Добронрав протянул Светочу костюм напоминающий шкурку снятую с обезьянки.

— Кого?

— Ма-ка-ку. — Повторил Добронрав по слогам. — Ты же не глухой. Из города вообще все здоровые сюда попадают.

— Я не глухой, просто не привык к вашей терминологии. Макака, это обезьяна, семейство мартышковые, отряд приматов.

— Точно, они приматы, как и ты. Надевай и за штурвал.

— За что? — Светоч уже боялся собственной неосведомленности.

— Вот эта штука, похожая на твой писюн, называется штурвал. Хватайся за него, как наденешь макаку.

Ученики, сидящие в симуляторе, начали подсмеиваться над Светочем, окончательно смутив его. Он неумело натянул на себя костюм. Ментаграмма успела подсуетиться и заложить в память этапы его надевания. Через три минуты он сидел в кресле и держал в руках миниатюрный орган управления огромным «мастодонтом».

— Светоч, ты водитель машины, Чудозар на пушке, Мечтаил на радаре. Задача, найти оптимальный способ выбраться из засады, сохранив экипаж и технику. Вперед.

Симуляция ощущения в машине была стопроцентной. Светоч чувствовал специфический запах, тряску и шум механизмов. Управление оказалось простым и даже примитивным, как в какой-нибудь игрушке для малышей. На рычажке имелись еще две кнопки. Нажимая левую, блокировались гусеницы по левому борту, позволяя совершать

разворот на одном месте. Блокируя правую, происходило то же само, но в зеркальном отражении. Поначалу ничего сложного он не заметил.

— Вижу тепловые сигнатуры справа на удалении двухсот метров. — Сообщил Мечтаил. — Как люди не идентифицируются. Возможно, это лесное животное.

— Беру цель на сопровождение. — Доложил Чудозар.

— Прибавляю скорость. — Светоч решил скорее проскочить опасный участок.

Машину тряхнуло взрывом.

— Подрыв фугаса прямо за нами. — Доложил Мечтаил. — Дорожное полотно разрушено.

Второй взрыв раздался впереди. Светоч увидел вспышку и сильнейший толчок. Машина ухнула вниз, подскочила и замерла.

— Вы влетели в воронку от взрыва. — Сообщил парень на радаре. — Вижу разделение тепловых сигнатур. Теперь они опознаются, как сигнатуры людей. Орудие не склоняется из-за поднятия передней части корпуса машины.

Светоч спохватился и попытался сдать назад. Машина упиралась во что-то, рыла гусеницами края воронки и никуда не ехала. Тогда он зажал левую кнопку и попытался вытащить машину по-другому. Она начала вращаться и когда стала носом в сторону леса, он отпустил кнопку и двинул рычаг вперед. У воронки с этой стороны стена оказалась ниже, и машине хватило сил, чтобы вырваться из плена.

— Стреляй! — Выкрикнул он.

Стрелок медлил.

Раздался выстрел. Яркая молния ударила в землю метрах в тридцати перед «мастодонтом». Корпус тяжелой машины качнула взрывная волна. Следом в уши вонзился высокочастотный свист накачиваемых электричеством конденсаторов и раздался второй выстрел, взорвавшийся чуть дальше прежнего. Три дерева упали на землю, как подкошенные. Светоч повел машину задним ходом, держа лбом в сторону потенциальной засады. Вдруг из леса сверкнул разряд и гулкий удар. В нос ударил запах горелого металла.

— Имеются остаточные следы проникающего пробития, не угрожающие жизни экипажа. — Сообщила электроника «мастодонта». — Повреждения, ограничивающие функциональность машины, отсутствуют.

Стрелок получил точку, откуда был произведен выстрел по машине и сделал третий выстрел. Светоч выехал на дорогу, только когда Мечтаил доложил, что никаких признаков засады не наблюдается. «Макака» отключилась.

Светоч снял костюм и посмотрел на Добронрава.

— Неплохо для новичка.

— Ментаграмма подсказал мне устройство «мастодонта».

— Ментаграмма ментаграммой, но тактику ты выбрал сам. Это была правильная идея двигаться лбом к противнику. Повернись ты бортом, смерти не избежать.

— Спасибо. — Светоч обрадовался похвале, но сделал вид, что смущен. — А почему бой не ведет автоматика?

— Ну, парень, ты не прекращаешь меня удивлять. «Дикие» на самом деле не такие уж и дикие, как ты привык считать. Они запросто могли бы перехватить управление машиной, если сделать ее полностью автоматической. Ты когда-нибудь задумывался, откуда вообще берутся все вещи в городе, если там нет ни одного завода?

— О, нет, не задумывался. — Честно признался Светоч.

Для него окружающие предметы казались делом естественным, как вода из крана. Их происхождение ему знать не надо и неинтересно.

— А все вещи, начиная с твоих трусов и заканчивая «мастодонтом» делаются по ту сторону барьера, руками дикарей.

— Но...

Добронрав рассмеялся.

— Да, такая реакция у всех, кто сюда приехал впервые. Производство вещей очень грязное дело, а мы не хотим дышать грязным воздухом. Все, что мы умеем, это технологии, генерируемые МАКом, являющиеся секретом для дикарей. А чтобы они их не скопировали, заводы производят только какую-то одну деталь, по которой невозможно воссоздать общую технологию готового, критически важного для нас продукта.

— Выходит, дикари создают броневики, чтобы они потом были направлены против них? — Увидел Светоч явное несоответствие.

— А дикари очень разобщены. У них нет аналога нашей Конституции. Они как жили двести лет назад в войнах, так и сейчас живут. Вокруг Тулсы собрались те, кто мечтает перебраться через вожделенный зеленый забор и получить частичку той жизни, о которой мечтают. Пусть не для себя, хотя бы для детей. Они готовы работать на грязных заводах по двадцать часов, лелея мысль о счастливом билете. Многие вещи изготовлены именно в этом буферном поясе вокруг нашего города, или любого другого такого же.

— А кто живет дальше?

— А там, парниша, живут такие оголтелые ненавистники городов, что даже ребенок, узнав, что ты горожанин, постарается вскрыть тебе горло. Они уверены, что в их невыносимой жизни виноваты именно мы. Ими правит идея, что наша идеальная жизнь поддерживается их рабским трудом и убитой экологией.

— Не вижу связи. — Признался Светоч.

— А они видят. Одно слово — дикие. Примитивное общество ищет для себя примитивные и понятные массам цели. Самое лучшее, найти образ врага, виноватого в твоих проблемах.

— А рейды бывают так далеко? — Робко поинтересовался Светоч.

Добронрав вздохнул и ответил не сразу.

— Утешить тебя мне нечем, сынок. — Произнес он трагическим тоном. — Учись управлять «мастодонтом» и «птеродактикелем». Если ты хороший боец, отмучаешься полгода и вернешься к спокойной жизни, честно заслужив ее. Если нет, то твоя смерть не напрасна. Ты погибнешь, чтобы остальные горожане смогли жить дальше и строить идеальное общество.

Светочу пришла на ум идея, отпроситься в туалет, но вместо этого бежать с внешнего кольца. Вернуться в город и попытаться жить там, в надежде на прощение МАКа. Какой-то несуразностью отдавала мысль о необходимости жертвовать собой, убивать и прочее, совершенно не укладывающееся в нормы морали, заложенные в сознание с самого рождения.

— Признаки скорой депрессии. — Заметила ментаграмма. — Вам необходимо принять «Счастьеомин». Добронрав сгущает краски, как обычно делает это с новичками, чтобы полюбоваться произведенным эффектом. Не все так, как он описывает. Работа в службе по контролю за внешними территориями не намного опаснее работы полицейского.

— Так, ленивые опарыши, теперь переходим на тренажер для освоения «птеродактиля». — Добронрав указал на столы с другими органами управления.

Светоч понятия не имел, кто такие опарыши, но по интонации догадался, что это оскорбление. Еще одна вольность, недопустимая при общении в городе. Можно было подумать, что жители на внешнем кольце не являлись горожанами в полноценном смысле, иначе они жестко противоречили Уставу Гармонии, требующему безусловное уважение к каждому человеку. Ментаграмма подсуетилась и выдала:

— Опарыши — личинки мясной мухи. В дикой природе живут и развиваются в тухлом мясе.

Рвотный рефлекс подкатил к горлу Светоча. Он представил себе зрелище мертвого животного, в тканях которого возятся жирные белые личинки.

— Итак, новички, а так же те, кто плохо усвоил предыдущие уроки, «птеродактиль» — это двухместный летательный боевой аппарат. В тандеме с «мастодонтом» является смертельной тактической группой, способной справиться со значительными силами дикарей. За счет маневренности и постановщика помех, «птеродактиль» легко сбивает с толку все виды оружия, использующего для наведения интеллектуальные системы электроники. Аппарат способен выявлять, распознавать и передавать данные о целях «мастодонту», либо уничтожать самостоятельно. На борту несет четыре самонаводящиеся бомбы с электромагнитным импульсом малого радиуса действия. А так же установлена двуствольная скорострельная пушка, с функцией самонаведения и удержания цели. Правда, все это работает при идеальных условиях. В случае противодействия всё управление осуществляется вручную. Вот этому вы и будете сейчас учиться.

На имитации летающего боевого аппарата у Светоча тоже получилось неплохо. Ему доверили управление пушкой, и он неплохо отстрелялся от противника, засевшего в развалинах здания. На самом деле это напоминало обычную игру, но с большей степенью достоверности. В городе не было костюмов, аналогичных «макаке» и наверняка, неспроста. Погружение в искусственную реальность происходило в них полнее, а люди часто не желали выходить из игр, грубо нарушая Устав, предполагающий приоритет живого общения.

— Так, приматы, снимайте с себя «макаки». На сегодня всё. Время, оставшееся до конца рабочей смены, предлагаю вам использовать для осмотра боевой техники.

— А когда нас возьмут в рейд? — Спросил парень по имени Многознай Возвышенный.

— Не терпится? — Усмехнулся Добронрав. — А тут никаких сроков не ставят. Как будет повод, так поедем. Отберем лучших, а худшие будут мыть технику по возвращении, пока не станут лучшими. А еще, лично от меня всем усердным я открою доступ к такому, чего в городе не увидите.

— А что это? — Поинтересовался Многознай.

— А это будет для вас сюрпризом. Валите на самообучение, иначе я придумаю вам занятие посложнее. — Гаркнул он и чуть ли не дал леща Многознаю.

Светоч застыл в изумлении. Физические методы воспитания считались преступлением. Несколько новичков опешили от увиденного не меньше его. Только те, кто попал сюда раньше, смеясь и толкаясь, выбежали из помещения с тренажерами и побежали в ангар.

— Чего замерли, салаги? Или вам не хочется узнать, какие развлечения можно разблокировать с убитыми рейтингами?

Светоч спохватился раньше остальных. Мысли сбежать оставили его. Страх, вызванный коренными изменениями, ослаб и теперь он хотел погрузиться во что-нибудь отвлекающее. Он облазил «мастодонта» со всех сторон. Рассмотрел оплавленные отверстия, в которые запросто пролезали три пальца. Только чудовищная сила могла оставить их в таком металле,

предназначенном противостоят пробитию.

Затем всей ватагой поднялись на крышу, где стояли «птеродактили». Некоторое сходство с древними ящерами наблюдалось на самом деле. У аппаратов имелся хищный заостренный нос, направленный под углом к поверхности. На пилонах по обеим сторонам были подсоединены скорострельные орудия с углом вращения на триста шестьдесят градусов. Машина производила незабываемое впечатление хищной мощи.

— Это совсем не то, чему нас учит Устав. — Воскликнула девушка из числа новеньких по имени Любогляда. — Убивать, даже дикарей, ужасно и несправедливо. Мы должны нести им свет знаний, чтобы убедить их прикоснуться к гармонии. Научить их уважать себя и всех вокруг. Дать понять, что разрушение только провоцирует разрушение.

— У тебя есть шанс рассказать об этом, когда собьют. — Усмехнулся ее званием парень из числа «стареньких». — И совсем немного времени успеть сделать это.

— А что, такое было? — Поинтересовался Многознай.

— Честно говоря, я не был еще в рейде, хотя прошел целый месяц, как меня сослали на внешнее кольцо, но я застал тех, кто бывал. Они рассказывали, что... — Он сморщился и схватился за грудь. — Вот, зараза. — На его лице выступила испарина. — Рассказывали, что... сбивали, но никто не погиб. Успевали эвакуировать.

Его конвульсия многим показалась странной и подозрительной. Парня скрутило, как будто у него случились желудочные колики. Подобными проблемами в городе отродясь никто не страдал. Ментаграммы не оставляли шанса ни одной болезни. Хотя при таком качестве питания, как здесь, она могла не поспевать за проблемами организма.

— Тебе плохо? — Спросил Светоч сочувственно.

— Спасибо, уже нормально. Иногда случается. Ментаграмма говорит, что это на нервной почве. Когда попал сюда, переволновался и заработал проблемы с желудком. Уф, — он вытер пот со лба. — Особо бояться нечего. Учитесь управлять техникой и все будет хорошо.

Светоч обследовал машины, пока ментаграмма не сообщила о конце смены. Добронрав и Красавина стояли в дверях, давая понять, что еще ничего не закончилось.

— Не так быстро, опарыши. — Остановил компанию «салаг» Добронрав. — Я обещал вам, что за прилежание сделаю вам презент и слово своё держу. Чем раньше вы поймете, что за жизнь на внешнем кольце, тем скорее перестанете задавать глупые вопросы. Итак, подходите к Красавине по одному. Она сделает вам вход на одно мероприятие, которое начинается только вечером и продолжается до утра...

— Сон? — Спросил Многознай.

— Этому не надо. — Указал на него пальцем Добронрав. — Иди домой и учись держать язык за зубами.

Манера общения была так непривычна новеньким, что половина из их коллектива подалась за Многознаем. Добронрав не стал им препятствовать. Когда они вышли из ангара он посмотрел на оставшихся.

— Вы прошли первый отбор. — Произнес он.

Светоч не понял, о каком отборе шла речь, но ему польстило, что он выделился в лучшую сторону.

— Подходите смелее и подставляйте своих «клещей» Красавине. Сегодня вы испытаете то, чего вам никогда не предложат в городе. Здесь, на кольце, суровая жизнь. МАК это знает и допускает подобные вольности.

Парни и девушки подходили к женщине в пятнистой форме, которая ей очень шла, и подставляли шеи, чтобы она добавила в память «клеща» допуск на интригующее мероприятие. Светоч представлял себе голографическое шоу с эффектом максимального погружения. Учитывая место, он предполагал, что это будет виртуальное путешествие по ту сторону защитного барьера. Пожалуй, виртуальным знакомством он бы удовлетворился полностью. Ему совершенно не хотелось отправляться туда по-настоящему.

Красавина коснулась его холодным жалом программатора. Через несколько секунд он уже знал, где проходит мероприятие. До его открытия оставалось около часа. Добронрав распустил всех домой. Светоч за десять минут добрался до двери своего жилого модуля. Помылся и освежился ароматной субстанцией. За это время форму постирали ультразвуковой стиркой и ею же выгладили. Светоч оделся, покрасовался в объемном зеркале и вышел наружу.

Ему снова встретилась та самая мулатка. Она выглядела усталой и с трудом поднималась по лестнице. Светочу почему-то стало ее жалко.

— Привет! — Светоч поздоровался первым.

— Привѣт. — Она натянуто улыбнулась. — Привыкаешь?

— Понемногу. — Он вспомнил, что «дикие» не носят «клеща» и потому не знают его имени. — Меня Светоч зовут.

— Светош. — У нее не получилось правильно выговорить его имя. — Выглядишь лучше, чем вчера. — Сделала она комплимент. — А меня зовут, Коломбина. Немного непривычно для жителей Тулсы.

— Непривычно, но красиво. А у тебя что, был тяжелый день?

Она просто покивала.

— Хорошего вечера. — Произнесла она, направившись выше по лестнице.

Светочу это не понравилось. Дикарка позволила уйти, не дослушав его.

— Спокойной ночи. — Произнес он ей вслед уже не так любезно.

Он определенно еще многого не знал о жизни на внешнем кольце. Еще вчера он был уверен, что жизнь здесь точно такая же, как и в городе, но с присутствием «диких», которые точно знают свое место и их жизнь протекает параллельно жизни остальных. Оказалось, что здесь все по-другому и дикари, хоть и выделяются на фоне остальных, но живут среди всех и имеют даже некоторую гордость.

У сферического здания собралась вся компания, получившая разрешение на вечеринку. За стенами бухали басы, а когда открывалась дверь, улицу наполняли задорные музыкальные ритмы, совсем не похожие на произведения, которые слушали в городе. Светоч не обладал хорошим музыкальным слухом, но и того, что имелось, хватило понять, что эта музыка гораздо проще. Однако она пробирала до мурашек своим простоватым ритмом.

— А что мы ждем? — Спросил он у компании.

— Блажену. Она почти новенькая. Обещала нам все показать.

Через несколько минут явилась Блажена, которая тоже была на занятиях, но уже с более опытными учениками.

— Предупреждаю сразу, публика здесь буйная, никому не навязывайтесь по вашей городской привычке, ни к кому не прикасайтесь. — Громко произнесла она. — Здесь объясняют только один раз, во второй раз могут свернуть челюсть набок.

Это предупреждение напрягло Светоча. Он сразу же задумался о том, чтобы свинтить под благовидным предлогом. Не дала ему этого сделать сама Блажена.

— Ты мне кажешься самым смелым. Думаю, нам будем весело вместе. — Отрезала она ему пути отхода.

Компания вошла в огромное помещение, наполненное красным светом, разрезаемое мечущимися лучами разных цветов. Барабанные перепонки напряглись под децибелами громкой музыки. Первое, что увидел Светоч, это подвешенные к потолку клетки, в которых извивались гибкими обнаженными телами девушки.

Глава 5

Творилось что-то невообразимое для жителя города. Поругание Устава Гармонии происходило по всем статьям. Посетители вечеринки наливали из автоматов полные бокалы желтой жидкости, содержащей алкоголь. Блажена назвала ее пивом и сказал, что ее завозят «оттуда». Алкоголь считался злейшим врагом развития гармоничных отношений. Он разрушал тело и дух, приводил человека в скотское состояние, несовместимое с устремлениями горожан. Светоч никогда его не пробовал, в городе алкоголь было не достать. Видел в роликах про внешний мир. Демонстрация алкогольного опьянения оставила у него тягостное впечатление, такое же, как и наркотическое.

Однако на шумной вечеринке это никого не смущало. Народ пил, отплясывал в едином ритме с музыкой и совсем не выглядел, как упоротые наркоманы, не контролирующиеся физиологические процессы.

— Сделай три больших глотка. — Блажена протянула полную кружку пива с пеной наверху. — Это очень полезный продукт из ячменного солода. Я прослежу, чтобы ты не выпил лишнего, не переживай.

Светоч доверился ей. Несколько парней из их команды уже осмелились и сделали по глотку. На вкус жидкость оказалась горькой, похожей на квас.

— Пей, не будь трусом. — Блажена подтолкнула бокал под доньшко. — Ты выглядишь, как строгий папа на школьной вечеринке. Расслабься.

Светоч выпил половину и вдруг понял, что не может сдержать отрыжку. Это так смутило его, что он поспешил в темный угол помещения и там аккуратно отрыгнул в кулак. Блажена громко рассмеялась за его спиной. Сделала глоток пива из своего бокала и, не стесняясь, отрыгнула.

— Что естественно, то не безобразно. — Произнесла она. — Так говорят дикие, но нам есть чему поучиться у них.

— Чему?

— Естественности. Они больше нашего смыслят во многих вещах.

— А чего тогда лезут к нам?

— Реклама. Они думают, что у нас рай.

— А разве не так?

— Чтобы сравнить, надо побывать по обе стороны защитного барьера.

— Предпочел бы жить в неведении до самой смерти.

— Ты скучный. Наверное, я выберу себе другого парня на вечер. Пока. — Блажена убежала веселиться.

Светоч остался в одиночестве и шарил глазами по большому залу. Все «салаги» с которыми он пришел, бегали по нему с бокалами пива и были почти неотличимы от остальных. В сознание постепенно стала закрадываться эйфория. Музыка обрела иной окрас, стала приятнее и вошла в гармонию с настроением Светоча. Он поднял глаза вверх. Клетки с обнаженными девушками, извивающиеся флюоресцирующими телами, пришли в движение и стали опускаться. Народ, все как один, подняли одобрительный вой.

На сердце Светоча затомилось. Ему хотелось увидеть вблизи голую дикарку, и он не против был потрогать её, но вспомнил предупреждение Блажены о том, что трогать тут

строго запрещено. Допил пиво и встал рядом с тем местом, где должна была опуститься клетка с девушкой. Процесс этот оказался не быстрым. Организаторы вечеринки собирались подогреть публику как можно дольше. Странно, но ментаграмма молчала, хотя уже должна была почувствовать алкоголь в крови. Светочу пришла невероятная мысль в голову, что здание заблокировано от сигнала между МАКом и «клещом». Это было бы преступлением хуже отказа в первой помощи. МАК всевидящ и это правило непреложно.

Эффект эйфории стал ослабевать. Светоч направился к автоматам, налить себе еще пива. Народу возле них собралось немало. Пришлось отстоять небольшую очередь.

— Тут здорово! — Произнес один из «салаг», набирая пива в бокал.

Его глаза блестели и выражали крайнюю степень счастья. Такие редко увидишь в городе. Там все больше люди выдавливали из себя счастливую мину. Светоч осознал разницу только в этот момент. Как бы люди не признавались в том, что они полны гармонии и счастья, у многих при этом в глазах ничего не происходило. Не было света в них, такого, как в глазах пьяного салаги. Светоч набрал пива и отошел от автоматов. На том месте, где он стоял раньше, собралась толпа парней, в ожидании горячего зрелища. Светочу уже было не пробиться сквозь них.

Клетка с девушкой замерла на уровне голов. Дикарка извивалась между прутьями, провоцируя откровенными движениями и без того разогретую публику. К ней потянулись руки, и клетка сразу поднялась выше. В толпе сразу нашли того, кто не мог себя контролировать, и вытолкали из круга. Это был тот самый «салага» с пивом. Он попытался протиснуться назад, но его снова оттолкнули, а когда он не понял, ударили по лицу. «Салага» упал навзничь, как подкошенный. На него никто не обратил внимания, как будто это было нормой.

Светоч допил пиво, подошел к несчастному и похлопал по щекам.

— Ясноум, вставай.

«Салага» промычал что-то нечленораздельное, но в себя не пришел. Пришлось оттащить его к стене, чтобы не затоптали. В один миг вечеринка превратилась в шумный фантасмагорический спектакль. Ум, обученный МАКом, отказывался верить в происходящее. Человека ударили, и никому до этого не было никакого дела.

— Оставь, его не бросят. — Рядом появилась Блажена. — Сейчас будет самое интересное.

Она не стала дожидаться реакции Светоча, схватила его за руку и потянула в центр зала. Пока он был отвлечен на помощь, клетки с извивающимися «дикарками» собрались в центре зала.

— А что сейчас будет? — Спросил Светоч.

— Посвящение. — Ответила она, ничего не объяснив.

— Во что?

— Просто стой и жди. Если на тебя укажут, танцовщица возьмет тебя с собой в клетку и будет танцевать только для тебя.

— А кто укажет?

— Заткнись и жди. — Отмахнулась Блажена.

По головам людей забегали яркие пятна сфокусированного света и вдруг музыка остановилась. Люди завертели головами, глядя друг на друга, пока не раздался радостный крик.

— Избранный! Избранный!

Толпа вытолкнула молодого парня на пустое пространство перед собой. Клетка одной из танцовщиц открылась. Из неё, грациозно двигаясь, вышла девица. Взяла парня за руку и повела за собой. Они зашли в клетку и поднялись под самый потолок. Народ завопил в каком-то экстазе, словно каждый из них оказался в клетке с красивой дикаркой. Вновь заиграла музыка.

Во второй раз повторилось то же самое. Толпа вытолкнула парня, которого забрала танцовщица. У потолка зависла вторая клетка.

— А в клетке можно трогать девушку? — Спросил Светоч у Блажены.

— Тебе решать, быть посвященным или нет. — Она рассмеялась.

Музыка замолкла с третий раз. Светоч заметил, как взгляды людей замерли на нем. Он еще не успел ничего понять, как десятки рук вытолкали его вперед. Он замер перед клетками с девицами, глаза которых, направленные на него, хищно светились в красном свете. Дверь открылась у девушки с большими черными глазами и длинной причудливо заплетенной черной косой. Она подошла к Светочу и под одобрительные вопли зала, увела его в клетку.

Ускорение быстро подняло их под потолок. Светоч посмотрел в другие клетки, чтобы понять, что ему надо делать, но к большому удивлению понял, что они больше не прозрачны. Закрылась от постороннего взгляда и их клетка. Танцовщица, глядя ему прямо в глаза, принялась соблазнительно двигать тазом. Светоч стоял у стены, не будь ее, он непременно стоял бы снаружи, и смотрел на гипнотические движения с безопасного расстояния.

В зале в очередной раз замолкла музыка.

— Ты так и будешь смотреть или все же пройдешь обряд посвящения? — Спросила танцовщица.

— Что такое посвящение? Как его пройти? — Светоч предполагал, но психологически не мог прикоснуться к обнаженной женщине.

В его сознании уже сформировался блок, что секс это между человеком и куклой, а между человеком и человеком это рабочий процесс зачатия, которого может и не быть за всю жизнь. Граница между сексом и подчинением или даже насилием была настолько иллюзорна, что нарушить Устав Гармонии было проще простого.

Танцовщица взяла инициативу в свои руки. От первых же прикосновений к разгоряченному телу женщины, Светоч почувствовал неконтролируемую силу, которую не мог и не хотел обуздать. Он опьянел от выброса гормонов и все, что происходило дальше, ему запомнилось не во всех деталях.

— Одевайся, обряд закончен. — Танцовщица вытерлась непонятно откуда взявшимся полотенцем. — С вступлением в новую жизнь.

Светоч смутился своей наготы. Быстро оделся и спросил:

— А что дальше?

— Продолжай веселиться, а у меня работа. — Она открыла клетку.

Разгоряченная публика встретила Светоча свистом и криками. До пола еще оставалась пара метров.

— Прыгай. От меня все мальчики уходят мужчинами! — Подзадорила его танцовщица.

Светоч спрыгнул. Поднялся и сразу же наткнулся на Блажену. Она держала в руках два бокала пива, а взгляд ее излучал страсть.

— Прими мои поздравления. — Она протянула бокал. — Ты был великолепен.

— А это что, транслировалось? — Светоч залился краской.

— Нет, конечно. — Блажена рассмеялась. — Это просто комплимент. — Выпей пивка,

а то ты совсем протрезвел. Нам еще веселиться до половины ночи.

— А завтра что, выходной?

— Да. Веселись и не переживай. — Она сделала большой глоток, подняла руки вверх и изобразила задорные па.

Светоч тоже приложился к пиву. Сделал большой глоток, но понял, что веселиться ему уже не хочется. Однако Блажена завелась и не хотела его отпускать. Он никак не мог понять, почему ее так завел его секс с танцовщицей. Это походило на форму странной ревности. Побывать в постели с двумя женщинами за ночь когда-то было его подростковой мечтой, но потом появились куклы и мечта забылась.

— Не все сегодня прошли посвящение. Парень, выбранный после тебя, сбежал. — Блажена рассмеялась. — А ты, значит, не боишься женщин?

— Как тебе сказать, я до последнего был уверен, что этого не произойдет. Для меня это дико, непривычно и даже преступно. — Признался Светоч.

Блажена снова рассмеялась.

— Я тут уже месяц и меня больше ничего не удивляет. Пусть МАК пасет горожан, а здесь другие порядки, свободные. Скоро ты сам будешь водить сюда новичков, и смеяться над их нелепой неловкостью. Расслабься, Светоч, никто с тебя не спросит и не накажет. Пей.

Светоч выпил до дна и поставил бокал на стойку. Блажена тоже выпила и поставила рядом.

— А теперь танцевать. — Она вытянула руки в приглашающем жесте.

— Извини, но МАК выявил у меня отсутствие хореографических данных. Я смешон и танце. — Признался Светоч.

— Здесь все смешны, пьяны и завтра никто не будет помнить, как ты танцевал. Зато нам будет весело. — Блажена показала сложное па, совпадающее с музыкальным ритмом.

— Красиво.

— Теперь ты.

Светоч коряво подвигался, как марионетка в театре кукол и рассмешил Блажену.

— Плохие танцоры — хорошие любовники. — Со смехом подбодрила она. — Идем на танцпол.

Ей удалось утащить его в гущу танцующих людей. После того, как Светоч понял, что на него не обращают внимания, стал раскованнее дрыгать руками и ногами. Ему даже показалось, что он вошел в ритм и обрел некую гармонию между музыкой и движениями. Так продолжалось минут десять, а потом все вокруг стало меняться. Звук отдалился, обстановка стала нереальной, как будто он смотрел на нее со стороны. Увидел вскользь внимательный взгляд Блажены, а потом услышал крики, и все провалилось в черноту.

Светоч проснулся и долго не открывал глаза. Он испытывал незнакомое чувство, что события вчерашнего вечера не помнит в подробностях, но точно помнил, что случилось что-то серьезное. Открыл глаза и долго пытался остановить вращение комнаты. Неприятное тошнотворное чувство. Снова закрыл и накинул с головой одеяло. Вставать не хотелось. Светоч понимал, что вертикальное положение только усугубит тяжелое состояние. Попытался восстановить в памяти вчерашний вечер, но вспомнилось ровно до того момента, когда он отправился танцевать с Блаженной. А потом все забылось.

Между лопаток появилась непонятная боль. Светоч попытался вспомнить, а не дрался ли он. Не ударили ли его по голове, отчего он потерял память. Ощупал голову, но не нашел ни одного намека на полученный удар. Вспомнил, как пил пиво из рук Блажены.

— Наберите воду из-под крана. В нее добавлены препараты, выводящие токсины из организма. — Произнесла ментаграмма.

— Спасибо, очень вовремя. Еще бы ты умела ходить и принесла мне стакан. — Светоч не хотел шевелиться.

— Когда-нибудь сознание людей и МАКа сольется в едином порыве и вам не будет надобности в удовлетворении физиологических потребностей.

— Появятся другие потребности. Например, жить поближе к розетке, чтобы не умереть от разрядки. И вообще, что за странные идеи ты озвучила. Я первый раз слышу, чтобы МАК слился сознанием с людьми. Разве это цель Устава Гармонии?

Ментаграмма ничего не ответила. Светоч поднялся, свесил ноги с кровати и так просидел пару минут. Встал и прошел к крану, придерживаясь за стену. Набрал воды и выпил ее залпом. В нос ударил запах химии. Подействовала она почти сразу. Состояние начало улучшаться. Светоч подошел к зеркалу и включил снимок голограммы. Через мгновение перед ним появился он сам. Обошел объемную картинку со спины и к своему удивлению обнаружил трехсантиметровый свежий шрам.

Это точно был хирургический шрам. Он не раз видел такие на практике, когда учился на доктора. Откуда он мог взяться на его спине, у Светоча не было никаких вариантов.

— Ответь мне, откуда у меня шрам? — Спросил он у ментаграммы.

— Я ничего об этом не знаю. — Ответила программа. — Поинтересуйся у тех, кто был с тобой на вечеринке.

— Завтра. Сегодня мне надо лежать. — Светоч упал в кровать.

Как ни силился он вспомнить события вчерашнего вечера, ничего не получалось. Ключом к воспоминаниям была Блажена, опекающая его весь вечер. Наверняка это она помогла добраться ему до дома. Только шрам никак не хотел найти себе место и время в этой понятной картине. Светоч закрыл глаза и вспомнил черноглазую танцовщицу, даже до таких деталей, как запах ее кожи. В душе затомилось и захотелось снова увидеть ее. Теперь кукла Миола вспомнилась ему как суррогат женщины. Как он мог вообще думать, что человека можно заменить? Неожиданно пришла мысль, а что если танцовщица специально участвовала в этом развратном спектакле, чтобы забеременеть. Они ведь искали возможности родить и устроить своих детей в Тулсу. Сложная схема, но с новичками, которые шарахаются на внешнем кольце от всего непривычного, прокатила.

От намешанных в воду лекарств потянуло в сон. Светоч уснул и спал до самого обеда, пока не понял, что проголодался. Состояние организма улучшилось радикально. Головокружения не было, интоксикация не ощущалась, болел только шрам и место рядом. Это беспокоило Светоча. Он решил, что у него появился в организме второй «клещ», необходимый на службе по ту сторону барьера. Непонятно только почему его об этом не уведомили. Он бы не стал отказываться. Раз надо, значит надо.

Светоч заказал еду. Рисовый суп с креветками, бутерброд с зеленью и фаршем и лимонный сок с тоником. Очень хотелось кислого, чтобы сводило скулы. Подождал немного, потом пообедал и понял, что полон сил, чтобы выйти на улицу. Хотел встретиться с кем-нибудь из вчерашних посвященных, чтобы обсудить события вечеринки.

В это время улицы оказались немногочисленными. Светоч спустился на тротуар и направился в сторону, противоположную работе. Шел минут двадцать, но не встретил никого, кто мог ему помочь. Свернул к защитному барьеру и пошел по узкой извилистой улочке, расположенной на задах различных предприятий и служб.

Вблизи защитный барьер ощутимо гудел. Воздух находился в непрерывной вибрации, раздражающей барабанные перепонки легким зудом. Светоч дал задание ментаграмме ослабить слух. Через несколько секунд зуд пропал. От барьера регулярно отходили машины, груженные яркими кубами с предупредительной надписью: «Осторожно, отходы». Видимо машины вывозили выловленные из воздуха примеси грязи. Их должны были возвращать тем, кто создает загрязнение. Так ему рассказывали в городе. Отфильтрованная грязь годилась для переработки и повторного использования.

В спину раздался мощный гудок. Светоч от неожиданности отскочил с дороги. Ослабленный слух сыграл дурную шутку, его чуть не переехали грузовиком. Машина обогнала его и неожиданно остановилась. За органами управления в ней сидела Коломбина. Она сняла с лица защитную маску.

— Ты что, не слышал?

— Я ослабил слух, чтобы не зудело в ушах от барьера. — Пояснил Светоч.

— Ясно. Забыла, что вы умеете регулировать органы чувств. — Она улыбнулась. — Как прошел вечер?

— Пытаюсь вспомнить. — Честно признался он.

— Хочешь прокатиться? Есть время?

Предложение огорошило Светоча, но только на пару секунд.

— Есть. Сегодня нам дали выходной.

— Залезай.

Светоч забрался в кабину. Он никогда раньше не ездил на специализированном транспорте, у которого не было автопилота.

— Значит, тебя вчера посвятили. — Коломбина улыбнулась.

— Да. Откуда знаешь?

— Я тут давно, все знаю. Выходной дают только раз, после посвящения.

— Ну да, понятно. А ты случайно не знаешь, откуда появляются шрамы на спине. Я что-то вчера напился, и не помню половину. Не могу понять, зачем пришлось резать меня, когда я был в таком состоянии?

— А может быть ты как раз и нужен был в таком состоянии, чтобы тебя порезать? — Задала мулатка наводящий вопрос.

— Зачем? Мне что-то вшили? Или наоборот, вытащили?

— Я не стану говорить. Меня могут наказать намного серьезнее, чем кого-то из вас. А могут и выселить за барьер. Завтра тебе расскажут на работе.

— Ты меня раззадорила, Коломбина. Как теперь вытерпеть до завтра? Здесь, на внешнем кольце, все совсем не так, как в городе. Это не вы стали причиной новых порядков? Я заметил, что многие вещи здесь напоминают те, о которых говорилось, что они присущи диким. — Светоч уставился на девушку. — Ой, прости.

— Ничего, это нормально. Я привыкла. Возможно, ты прав, и наше присутствие породило отличия от того порядка, который существует в городе. Это тоже называется гармония, когда между сильно отличающимися людьми возникает золотая середина. Если ты вдруг подумал, как многие, что МАК здесь ничего не контролирует, то ошибаешься. Это он придумал правила для внешнего кольца. Мы привыкаем к тому, что будьет ждать наших детей в городе, а вы привыкаете к тому, что будьет ждать по ту сторону барьера. На диких землях.

— Хм, с такой точки зрения я не смотрел на эту проблему. А ты сказала, что боишься

возвращения назад, с чем это связано?

— На меня все будут смотреть, как на человека, который вернулся, чтобы шпионить. Мы там очень подозрительные. Тяжелые времена вынуждают нас быть осторожными. Ты скоро и сам все увидишь.

— Меня это совсем не радует. Я предпочел бы снова кататься на трицикле по городу и приглядывать за порядком. И, черт возьми, я бы сделал искусственное дыхание даже в заблеванный рот, зная, к чему может привести отказ.

— Ты жалеешь о своем проступке?

— Разумеется. У меня было все, что только можно представить. Шикарные апартаменты на восемьдесят втором этаже, совершенная кукла Миола, отличная работа, такой рейтинг, что я мог позволить себе почти все развлечения, а еще мне светила путевка в другой город. И тут бац, у меня на вызове умирает парень от передозировки наркотиков, а я не смог ничем ему помочь. Побрезговал.

— Наркотики, это ужасно. Я была уверена, что в ваших городах такого не бывает.

— Когда-то действительно не было, но современная молодежь, подростки, они буквально с ума сходят по тому, чтобы сделать из чего-нибудь наркотики и проверить на себе. Даже представить не могу, откуда они черпают эти знания. Если так и дальше пойдет, то МАК просто перестанет учить горожан. Тупое население проще держать в счастливом состоянии.

— А-я-яй, крамола, Светош.

— Согласен, но выводы сами просятся на язык. А тут, как я понял, можно не так следить за сказанным.

— Вам нужна свежая кровь. — Произнесла мулатка.

— В каком смысле? Пустить или наоборот, залить? — Светоч понял, что имела в виду девушка, но решил обыграть «дикарскую» сущность собеседницы.

— Любой процесс со временем переходит в свою противоположность. Так мне говорили мудрые люди. Любое благое дело постепенно превращается в мерзкое, и наоборот. Таков закон мироздания и даже МАКу его не изменить.

— А почему же вам так хочется попасть к нам?

— Потому что все уверены, и я в том числе, что на наш век и на век наших детей порядка еще хватит. За барьером тяжело жить, особенно зная, что где-то все по-другому.

— А у тебя уже есть дети?

— Нет, но я в поиске достойного отца.

Светоча ошарашила ее фраза. В уме не укладывалось, что дикарка искала «достойных» среди горожан, которые сами должны выбирать, кому из них подарить свое семя.

— Достойнейшего из достойных? — Он улыбнулся.

— Хотя бы чуть-чуть мужественного. Уж прости за прямоту, но мужчины из города женственнее женщин из внешнего мира. Мне тяжело представить себя с таким в постели, а уж в роли отца и подавно.

— Предрассудки. У нас воспитанием детей занимается МАК. Родители пустая формальность, особенно в детском возрасте. Все необходимое для воспитания уже прописано в Уставе Гармонии. Дети с рождения впитывают его одинаково, а если бы их воспитывали родители, и каждая пара делала это по-своему, то к зрелому возрасту трактование Устава и как следствие общая цель становились бы невозможными из-за разнообразия интерпретаций.

— Так может, по этой причине ваши дети склонны убегать от навязанной действительности через наркотики?

Светоч посмотрел на Коломбину с высокомерным укором.

— Конечно, один человек, который никогда не был в городе взял и сразу во всем разобрался. — Он ухмыльнулся. — Дело в том, что МАК это не свод правил, придуманный двести лет назад раз и навсегда. МАК эволюционирует, он так создан, и вместе с ним меняются подходы к достижению полноценной гармонии человека с миром. Возможно, где-то он дал промашку, решив разведать новый путь. Так же незаметно для общества сам найдет способ решить проблему.

— Было бы замечательно. Иногда я думаю, что поспешила со своим решением попасть в город.

— А как ты прошла отбор? — Поинтересовался Светоч.

— Еще ребенком. Я же не из окрестностей Тулсы, ты и сам это видишь. Мои родители очень хотели, чтобы я жила не как они и отправили мою ДНК. Им пришел ответ, что где-то далеко на севере есть город Тулса, в котором мои гены очень пришлись бы. Когда мне исполнилось шестнадцать, я переехала ближе к вашему городу и через два года оказалась за барьером.

— А сейчас тебе сколько?

— А сколько дашь? — Коломбина отвернулась от дороги и кокетливо посмотрела на Светоча.

— Двадцать два? — Неуверенно поинтересовался он.

— Я такая старая?

— Нет, ты не выглядишь старо, не в этом дело. Просто, ты кажешься намного самостоятельнее, чем горожанки в таком возрасте. Ты водишь грузовик. В двадцать лет мы еще дети. Если абстрагироваться от твоей самостоятельности, то когда я увидел тебя в первый раз, решил, что тебе и есть восемнадцать.

— Мне двадцать два. — Коломбина рассмеялась.

Светоч рассмеялся вместе с ней.

— Ну, ты разыграла меня. Я ведь поверил тебе.

— Во внешнем мире некрасиво интересоваться возрастом женщины, особенно давать ей тот возраст, который у нее есть. Все хотят выглядеть чуть помоложе.

— У нас тоже самое, только мужчины тоже хотят выглядеть моложе. Поэтому, мне все еще девятнадцать и попробуй усомниться в этом.

— Хорошо, буду знать, что ты у нас еще слишком юный.

Светоч посмотрел в окно грузовика. Коломбина свернула с центральной дороги в сторону полей.

— На базу отходов. — Пояснила она, заметив удивленный взгляд Светоча. — Сюда прилетает раз в день огромный грузовоз и забирает все контейнеры на переработку. Ему возле барьера даже приземлиться негде, он просто огромный.

— Надо же, я ничего этого не знал, ни про отходы, ни про переработку. Даже не задумывался.

— Конечно, зачем тебе задумываться о том, что тебя не касается. А мы дышим грязным воздухом, чтобы вам жилось, как в раю.

— Уже не вам, а нам. А еще вернее, то вам, а не мне. Я же попал в службу контроля за внешними территориями. Скоро предстоит воочию увидеть и понюхать тот самый воздух за

барьером. — Светоч глубоко вздохнул.

— Я рада и одновременно нет. — Произнесла Коломбина. — Ты мне кажешься хорошим парнем, чтобы служить там.

— О чем ты....

Грудную клетку Светоча неожиданно пронзила резкая боль. Он согнулся пополам и застонал.

— Что с тобой, Светош? Тебе плохо.

— Тебе дальше нельзя. — Произнесла ментаграмма. — Еще сто метров и смерть.

>

Глава 6

— Мне попадет. — Коломбина развернулась на узкой дороге и поехала в обратном направлении.

Светоч почти ничего не соображал от сдавившей грудь боли. Пока грузовик не вернулся метров на сто, от того места, где она началась, боль не отпускала. Потом резко прекратилась, как будто и не было. Светоч побледнел, тело покрылось потом, волосы намокли и слиплись.

— Отпустило. — Предупредил он Коломбину. — Я ничего не знал, что мне теперь нельзя двигаться в сторону города. Мне никто об этом не сказал.

— Не успели. Ты же был без сознания.

— А ты знала об этом? — Спросил Светоч.

— У вас свои правила. Я не знала про них. Мне тоже нельзя в город, но я спокойно вожу отходы до базы, и ничего не происходит. Я не проверяла, как далеко можно пойти и даже не собираюсь этого делать. Мне хватает ума понять, что оказавшись в городе, я не смогу в нем жить. Если хочешь, можешь подождать меня здесь. Я вернусь через десять минут. Если нет...

— Я подожду. Ноги трясутся. Чувствую, далеко не уйти на них. Да и самочувствие после вчерашнего не восстановилось, как следует.

— Я быстро. — Коломбина помогла открыть пассажирскую дверь.

Светоч выбрался из машины, отошел в сторону и уселся прямо в растущую у дороги траву. Откинулся на спину и в таком положении остался поджидать возвращения Коломбины. Теперь он не сомневался, что шрам остался после хирургического вмешательства, результатом которого стала невозможность возвращения в город. Ему красноречиво дали понять, бегство невозможно. Малодушие каралось смертью. В это сложно было поверить, но это было именно так. Настоящее посвящение состояло не в сексе с дикаркой, а именно в потере этой возможности. Теперь он поневоле становился одним из тех, кто навсегда прописался на внешнем кольце.

Размышляя, Светоч попытался вспомнить, а кого он знал из тех, кто когда-то обитал на внешнем кольце из числа понесших наказание и снова вернулся в город. И не вспомнил никого. Ни среди своих знакомых, ни среди чужих. Даже во время службы в полиции он ни разу не столкнулся с вернувшимися отсюда. Из всех категорий горожан с внешнего кольца в город попадали только дети второго поколения «диких». И те попадали в таком возрасте, когда не могли ничего толком помнить о своей жизни на внешнем кольце.

Это было настоящее и очень гнетущее открытие. Светоч вообще был удивлен тем, как мало его интересовали очевидные вещи до сего момента. Все его мысли крутились вокруг рейтинга и способов его повышения. Еще его интересовала работа, в первую очередь открывающая доступ к новым удовольствиям. Потом шла еда и романтические отношения с суррогатными женщинами. И замыкала небольшой круг его интересов возможность участвовать в виртуальных симуляторах.

— Повышается уровень депрессивных гормонов. — Доложила ментаграмма.

— Какой хочу уровень, такой и поддерживаю. — Буркнул Светоч. — Это мое тело.

— Мы все часть целого...

— Заткнись! Вы меня исключили и, как мне кажется, навсегда. Я прав?

Ментаграмма, как обычно, когда от нее ждали ответа, промолчала. Коломбина показала на дороге и остановила грузовик напротив.

— Ты как? — спросила она в открытую дверь.

— Все нормально, ничего не болит. — Светоч поднялся, отметив, что ноги еще ватные и забрался в кабину. — Поехали домой.

— Поехали.

Всю дорогу они молчали до самой кольцевой.

— Слушай, скажи мне, только честно, отсюда возвращаются в город? Ты знала таких людей? Я говорю, про коренных горожан, провинившихся перед МАКом. — Спросил Светоч.

Коломбина бросила на него пристальный взгляд.

— Я не стану отвечать на твой вопрос. — Ответила она. — Это между тобой и вашей конституцией. Я тут лишнее звено.

— Не отвечай, я и так все понял. — Светоч горько ухмыльнулся. — М-да, какие были планы на жизнь.

— А если это была иллюзия жизни?

— Какие у меня были планы на эту иллюзию.

Коломбина рассмеялась.

— Интересно было бы узнать.

— Это же личное? — Отмахнулся Светоч. — Хотя, какая теперь уже разница. Слушай, если интересно. Как я уже говорил, через год у меня были планы съездить в другой город. Потом я собирался поднять рейтинг еще выше и мне бы открылись доселе неизвестные развлечения...

— Горожане часто говорят про них, но я не понимаю, что это? — Призналась Коломбина.

— Это способ проведения досуга. Они бывают разными, но чаще виртуальные. Мы же все одиночки, нам удобнее сидеть дома. Я хотел чего-нибудь адреналинового или же романтического. На моем уровне все больше предлагали различные развлечения для расширения кругозора, погружение на дно океана, полет по орбите Земли. Интересно, но раз или два, а потом скуотища. Хотелось чего-нибудь бодрящего, чего МАК не очень одобряет. Он считает, что зависимость убивает гармонию. В предпочтении созерцательность.

— В этот раз не могу не согласиться с МАКом. Представляю, какими извращениями страдают люди, зная, что все останется втайне. Одни ваши куклы чего только стоят, фуу. — Коломбина сморщила нос.

— А что в этом такого? У нас кукла считается нормой. Она же полная копия какого-нибудь настоящего человека. Один в один.

— Фуу, не хочу больше этого слышать. Это все равно, что нарисовать на стене женщину и сношаться с ней. Вы — горожане, больные извращенцы.

— Так, тебе хотелось узнать мои планы на жизнь, а не комментировать их. Да, у меня была кукла, и я мечтал о ней каждый день. Миола умела не быть назойливой, в отличие от окружающих меня обыкновенных женщин.

— Вы разучились общаться друг с другом и потому казались назойливыми. Проще избегать друг друга, чем приспособливаться. А я, по-твоему, тоже хуже куклы? — Коломбина со смехом во взгляде устала на Светоча.

Светоч осмотрел девушку с головы до ног.

— Еще два дня назад я бы точно сказал, что тебе далеко до Миолы. Особенно, когда ты ушла и не стала со мной разговаривать. Кукла себе такого бы не позволила. Но вчера, во время той шумной и развратной вечеринки я уже не мог быть в этом уверенным. Черноглазой танцовщице удалось что-то разбудить во мне...

— Мужчину, а не дамскую собачку, которая сношает все игрушки в доме.

— Умеешь ты найти нужные слова. Забыла, что я горожанин, а ты оттуда, из-за барьера. Не удивлюсь, если ты ела младенцев на обед. — Чтобы Коломбина не обиделась на его слова, он произнес их в шутливой манере. — Не все игрушки, а только одну.

— Если тебе интересно, то у меня в детстве тоже были куклы, но совсем не для этого.

— Все, хватит про куклы. Я уже понял, что образ жизни на внешнем кольце разительно отличается от городского уклада. — Рассердился Светоч.

— Как скажешь. — Коломбина пожалала плечами. — А вот и моя работа. Тебе туда нельзя. Спасибо, что составил мне компанию.

— Это тебе спасибо. Теперь я знаю, что мне нельзя в город, а еще неплохо провел время. А ты, до которого часа сегодня работаешь?

— Ты что, решил пригласить меня на свидание? — Спросила Коломбина со смехом.

— Честно говоря, ни разу не был ни на одном свидании, даже не представляю, что там делают. Мы могли бы пройтись вечером вдоль улицы, полюбоваться барьером, если ты не сильно устанешь.

— Барьером? У меня от него нервный зуд. Конечно, к вечеру я устану в любом случае.

— Жаль. Я просто не знаю, будут ли у меня еще выходные.

— Нет, я не отказала тебе, ты неправильно меня понял, только идея с прогулкой показалась утомительной. — Призналась Коломбина.

— Мы можем посидеть в моем жилом отсеке, но он похож на конуру. — Предложил Светоч.

— Предупреждаю, я в первое свидание не сплю с парнями. Этим очень сильно отличаюсь от кукол.

— Я ничего такого и не предлагал тебе. — Светоч покраснел. — Посидеть, это значит посидеть и поговорить. Заказать ужин и съесть его вместе.

— Ты забавный. — Произнесла Коломбина с улыбкой.

Светоч не понял контекста фразы, но переспрашивать не стал. В его представлении забавными были щенки или котята, но никак не взрослый парень с намерением общаться.

— Иди, а то мне влетит за опоздание. Я и так выбилась из графика.

— До вечера? — Светоч выбрался из кабины и замер в ожидании ответа.

— Я буду в восемь. — Пообещала девушка. — Закрывай.

Светоч хлопнул дверкой и проводил грузовик взглядом. Он заехал в автоматически открывшиеся ворота и исчез за ними.

До своей «берлоги» Светоч шел довольно долго. Действие лекарств, выписанных ментаграммой закончилось, и он снова почувствовал слабость и легкую тошноту. Однако, несмотря на это и на докучающие мысли о коренном переломе жизни, депрессии не наблюдалось. Причиной тому, несмотря на сознательный протест, являлась очаровательная мулатка. После общения с ней у Светоча язык не поворачивался называть ее дикой. Между ним и ей не было ожидаемого недопонимания. А он на полном серьезе предполагал, что общение с дикарем равносильно общению с ребенком, только научившимся разговаривать.

Коломбина обладала необходимой эрудицией, легко изъяснялась, даже несмотря на то, что язык горожан Тулсы был для нее не родной. Она оставила после себя легкое душевное волнение, никогда не испытываемое прежде. Оно совсем не походило на волнение, которое появлялось перед контактом с Миолой. То было обычное животное возбуждение, предвкушения сладострастия. В нем не было уважения, переживания радости и попыток вспомнить цвет и выражение ее глаз.

— Высокий выброс окситоцина и дофамина. — Казенно пробубнила ментаграмма. — В воду будет добавлено вещество, приводящее в норму уровень этих гормонов.

— Знаешь, от чего у меня случается депрессия чаще всего? — Спросил Светоч у докучливой программы.

— Нет, но интересно узнать.

— От тебя. От того, что кто-то постоянно разговаривает у меня в голове, советует, решает, знает обо мне больше меня самого. Меня это выводит из себя. Мне неприятно, что в моменты счастья ты мне начинаешь докладывать о скакнувшем уровне гормонов. Мне неинтересно знать это. Мне хорошо и я хочу зафиксировать это состояние у себя. А ты, неживая тварь, советуешь мне выпить притравленной воды, чтобы убрать чувство счастья. Привести меня в норму, в состояние вещи, у которой не бывает эмоциональных всплесков. Нет уж, я не стану пить воду из своего крана. — Рядом с жильем Светоча поливался газон из разбрызгивателя. — Я попою отсюда.

Он рванул на газон и попытался поймать тугую водяную струю ртом. Получилось не очень. Светоч промок до нитки, но все же напился.

— Вот так. — Победно произнес он.

— Уровень гормонов выровнялся, благодаря приступу ярости. Необходимость в успокоительных препаратах отпала автоматически. — Произнесла ментаграмма.

— Как же тебя заткнуть, а? — Светоч протянул руку за спину и достал до чипа, почти не выпирающего поверх кожи. — Я раздавлю тебя.

— Не сможешь, это вызовет шоковую болевую реакцию. — Флегматично заявила ментаграмма.

— Черт с тобой, живи. — Светоч фыркнул и поднялся по лестнице на десятый уровень.

Все, кто встретились на пути, обращали внимание на его внешний вид, но молчали. Светоч решил, что нервные всплески у новичков в этих местах случаются не редко. Зашел в жилой модуль, разделся, забросил всю одежду в ультразвуковую стирку, и лег на выдвинутую кровать. Лицо Коломбины всплывало в памяти даже против воли. Он все еще считал неправильным так быстро идти на отношения с дикаркой, как будто боялся осуждения горожан. Инерция сознания сильная вещь, укоренившаяся глубоко в человеческой сути и ставшая второй натурой. Хоть он и видел, что Коломбина не имеет ничего общего с навязываемым ему представлением о дикарях, подсознание считало это чем-то постыдным.

Но ее лицо, мимика, глаза не хотели отпускать память Светоча. Он лежал, закинув руки за голову, и представлял их. Никогда прежде он так легко не общался с противоположным полом, даже шутки на грани, были шутками, а не оскорблениями, как восприняла бы их горожанка, настроенная только на восхваление. Миола — кукла. Бездушная пародия, как и вся жизнь в Тулсе, пародия на нормальную жизнь. Он не видел внешние территории, но все больше проникался желанием увидеть и сравнить.

— Послушай, советник в моей голове, а не потому ли меня выгнали из города, что я перестал устраивать МАК? — Напрямую спросил Светоч у ментаграммы. — Молчание знак

согласия. — Произнес он, не услышав ответа.

Время остановилось в ожидании встречи. Светоч успел даже уснуть, но проспал полчаса и проснулся посвежевшим. Стиралка высушила и погладила одежду. Он оделся в нее и вышел на улицу, источая свежесть. Решил немного походить по округе. Зашел в лес, прошелся тропками и вышел к пшеничному полю. Колоски еще были мягкими и только начали желтеть. Светоч сорвал один и рассмотрел подробно. Он никогда не видел его так близко. На занятиях демонстрировали голограммы пшеницы, но как оказалось, они не передавали полноту ощущений. На самом деле колос оказался крупнее, у него имелся особенный запах, а его мягкие зерна обладали необычным и приятным вкусом, совсем не напоминающим готовый хлеб.

— Это все была иллюзия. — Произнес Светоч.

Его реплика касалась всех сторон жизни в городе. Чего ни коснись, везде были заменители натурального, начиная с семьи. Вместо родителей вездесущий и всезнающий МАК. Родители были, но только чтобы построить ребенку счастливые лица в течение нескольких минут в день. Вместо отношений с людьми, общественные программы, влияющие на рейтинг. Надо было активно участвовать в них, изображая заинтересованность. Вместо любви, готовые на все куклы. Вместо нормальной еды, выращенное в рассоле мясо. Светоч был уверен, что даже хлеб не делался полностью из муки. Не зря в городе ходили байки, что отходы горожан проходят рециркуляцию и возвращаются назад в виде поджаренных кусков хлеба. Всего за три дня на внешнем кольце он проснулся и понял многое. А еще он понял, что МАК заметил его отклонение от нормы и создал легальный прецедент, чтобы выгнать из города. У него для этого были все инструменты. МАК знал о людях все.

Прогулка по лесу позволила скоротать время. Светоч нарвал полевых цветов с края поля, вернулся и остался ждать Коломбину на тротуаре у здания с жилыми модулями.

Она появилась из-за поворота неожиданно. Светоч не сразу узнал ее. На ней, вместо рабочей робы, в которой он видел ее каждый раз, было надето яркое короткое платье, из-под которого выглядывали ровные смуглые ножки. Она успела подготовиться к свиданию. Увидев немую реакцию Светоча на нее, девушка скромно, но довольно улыбнулась. Она ожидала чего-то подобного.

— Ты можешь быть разной. — Заметил Светоч. — Это тебе. Я знаю, что у вас существует пережиток дарить цветы. Видел в какой-то передаче. — Он протянул ей букет.

— Спасибо, что ты вспомнил про этот пережиток. Букет очень идет к моему платью. — Она прислонила цветы к груди.

— Ты очень отличаешься от того образа, в котором я тебя привык видеть. — Повторил Светоч.

— Надеюсь, в лучшую сторону? — Коломбина кокетливо улыбнулась.

— Конечно. Ты как будто распустилась. Как цветок на клумбе. Был в зеленом бутоне, а потом раз и стал ярким цветком. А еще ты прекрасно пахнешь. Что это за запах?

— Запах. — Коломбина широко рассмеялась. — Это аромат духов, которые привезли из внешки.

— Очень необычный аромат и приятный. Наверное, на тебя все оборачивались, пока ты шла сюда?

— А что мне все? — Коломбина пожеманилась. — Ну, куда пойдём?

— А у тебя осталось желание прогуляться?

— Осталось. Я договорилась с напарницей, чтобы она подменила меня за два часа до окончания смены. Сберегла силы, чтобы ты не получил вялую засыпающую собеседницу.

— Тогда, идем... можно в лес. Там не так жарко, красиво и почти не видно барьер. — Предложил Светоч.

— Идем. Я знаю тут одно место, где течет ручей. Там очень красиво. — Коломбина взяла его за руку.

Светоч хотел поинтересоваться, часто ли она туда навещалась с другими парнями, но промолчал, решив, то вопрос не совсем уместный. Будь на ее месте горожанка, он непременно задал бы его. Они прошли почти той же дорогой, которой гулял Светоч, но свернули в другую сторону. Пришлось пробираться кустами, чтобы попасть к ручью.

— Если бы тут была тропинка, это место не было бы таким уединенным. — Пояснила девушка.

Они вышли к изгибу ручья, где вода останавливала стремительное течение, образуя небольшую заводь, окруженную зарослями рогоза. Водное зеркало отражала желтизну заходящего солнца. Над водой носились стрекозы, сверкая серебристыми крыльшками. Над всем этим великолепием возвышалась старая ива, растущая на крутом берегу. С этого берега, накрытого ее ниспадающими ветвями, и открывался потрясающий вид.

— Красиво? — Поинтересовалась Коломбина, пододвигая часть старого ствола дерева к обрыву.

— Красиво. — Искренне согласился Светоч.

Уголок естественной природы тронул его до глубины души. Создавшись сам собой, без человеческого участия, он бросал вызов красотам города, в которые были вложены значительные интеллектуальные ресурсы.

— Садись. — Коломбина первая села на ствол, подвернув платье.

Светоч сел рядом.

— У меня на родине другая природа. Там море, большие белые пляжи, пальмы. — Она, не отрываясь смотрела на воду, и солнечный свет отражался в ее карих глазах.

— Я хотел бы увидеть места, которые сильно отличаются от наших. Особенно море, у которого нет границ, волны, бьющиеся о берег.

— Тебе бы понравилось. Ты отличаешься от остальных парней из города любознательностью.

— Ты многих знала?

— В начале, как только я попала сюда, считала, что надо быть настойчивее в достижении цели и навязывалась. Часто слышала от них, что я дикая, а они тут все избранные. Потом мне это надоело, и я стала сдержаннее. У себя дома я была гордячкой. Парням было трудно угодить мне, а здесь я сама попала в такое положение, что никому не могла угодить. Везде натыкалась на высокомерие и поводы считать себя вторым сортом, или даже говорящим животным. Нельзя сказать, что я получила это незаслуженно, и урок был усвоен. Скажи, что ты подумал обо мне, когда увидел первый раз? — Спросила Коломбина, хитро прищурившись.

Светоч растерялся. Между ним трехдневной давности и настоящим существовало серьезное отличие.

— Ну, я сразу заметил, что ты красива.

— Неправда, ты посмотрел на меня, как на дурнушку.

— Ты неправильно поняла мой взгляд. Ты же первая поздоровалась, а я решил, что это

неправильно. Я ничего не знал про особенности жизни на внешнем кольце и потому даже оскорбился, что ты со мной заговорила. Это была моя прерогатива. А еще ты позволила заметить, что я растерян. Представляешь, как мне было тяжело это вынести?

Коломбина рассмеялась.

— Твоя холодность и надменность спровоцировали меня. Я хотела, чтобы ты меня запомнил.

— Так значит, ты сделала это из вредности?

— В тот момент, да. Ты задел мое самолюбие, и я решила, что нужно как-то сделать так, чтобы ты не забыл про меня.

— Без продолжения? Или мы все еще действуем по твоему плану?

— О, нет, плана никакого не было. Это все была импровизация в первый день. Потом я уже ничего не делала. Когда ты увидел меня уставшей после работы, я застеснялась своего вида и решила, что надо скорее уйти, чтобы ты не запомнил меня такой.

— В твоей усталости было определенное очарование. А я решил, что ты вредина.

Коломбина рассмеялась.

— Вредина, это мое второе имя. А еще я бываю острой на язык и злопамятной.

— Я тоже бываю вредным и невыносимым, за что и оказался здесь.

— Значит, я была права, увидев в тебе знакомые черты. — Коломбина в упор посмотрела в глаза Светочу.

Глубокий свет ее глаз буквально заморозил его. Светоч потерялся в нем и сам не заметил, как их губы соприкоснулись. Это было потрясающе великолепно до тех пор, пока не вмешалась ментаграмма.

— Выброс окситоцина в пять раз выше нормы. Необходимо срочно принять успокоительное.

— Заткнись. — Шепнул Светоч.

— Что? — Коломбина отстранилась.

— Это голос в моей голове начинает разговаривать в самый неподходящий момент. — Признался Светоч. — Говорит, что у меня ненормальный выброс гормонов и надо принять успокоительное.

— И как же вы живете с этими голосом, бедные.

— До попадания сюда я не считал это чем-то ненормальным. Мне даже казалось удобным, что обо мне непрерывно заботятся.

— Привыкли вы к нянькам. Значит, тебе сказали успокоиться? Ты не хочешь охладиться?

— Ты о чем?

— Я про искупаться. Здесь хороший песчаный берег, я проверяла. — Она скинула с себя платье, не дожидаясь, и осталась в нижнем белье. — Ну же, смелее.

Светоч не хотел выглядеть перед ней трусом или ханжой. Разделся до трусов.

— У нас в деревне мы часто ныряли на дно за ракушками, искали жемчуг. Я научилась надолго задерживать дыхание. Знаю, что эта штука у вас на позвоночнике позволяет вам обладать некоторыми преимуществами перед простыми людьми, в том числе дольше находиться под водой. Спорим, я выиграю у нее. — Коломбина предложила пари.

— Нет, не выиграешь. — Светоч согласился на него. — Ты же дикарка, во всем уступаешь таким горожанам как я.

— Ты маменькин сынок, которому никогда не сравнится по силе духа с настоящим

человеком. — Коломбина зашла по колени в воду.

— Это я не настоящий? Да моего духа хватит на десять таких Бимбим, как ты.

— Ах ты... — Коломбина брызнула водой в его сторону.

— Ну, держись. — Светоч прыгнул в воду с разбега метра на три от крутого берега.

Провалился глубоко, коснулся ногами дна и с силой оттолкнулся.

— Держимся за руки, чтобы никто не пытался обмануть. — Предложил он Коломбине, показавшись над поверхностью.

— У нашего спора должна быть цель, чтобы хотелось выиграть. — Предложила девушка.

— Например? — Светоч был не силен в спорах.

— Если выигрываю я, ты забереешься вот на это дерево. — Предложила она со смехом, указывая на верхушку ивы.

— Вам, дикарям, лишь бы по деревьям лазать. — Светоч манерно закатил глаза. — Если проиграешь ты, то снимешь с себя трусы и тоже забереешься на дерево. Можно невысоко.

— Ах ты, чертов извращенец. — Коломбина снова брызнула в него водой. — Я тебе не кукла, меня добиваться надо.

— Ты сама предложила этот спор. Если откажешься, значит, слабачка, а я как бы подтверждаю свое превосходство.

— Этому не бывать. Держимся за руки, дышим и на десяти ныряем. — Предложила Коломбина.

Спор ее раззадорил. Она не привыкла уступать, хоть и в шутку, но все же считала горожан мягкотелыми, неспособными к серьезным испытаниям.

— Раз, — Девушка вдохнула и выдохнула, — два, — снова повторила глубокий вдох...

— девять, десять.

Они нырнули, держась за руки. Светоч нащупал на дне корень и уцепился за него стопой. Открыл глаза и быстро приспособился к не очень прозрачной воде. Коломбина выглядела расслабленной, заранее готовясь к долгому испытанию. Ментаграмма сама поняла, что происходит и каким-то образом замедлила физиологические процессы в теле Светоча, заодно дав команду нервной системе убрать непровольные конвульсии в легких до самого крайнего момента.

Прошла минута, вторая. Коломбина выглядела все такой же расслабленной, будто дышала жабрами. Уже Светоч стал испытывать недостаток кислорода, а она все никак не проявляла готовности проиграть спор. Прошла еще одна минута. Кровь молоточками застучала в висках. Ментаграмма больше не помогала, чтобы нечаянно не утопить своего хозяина, но проигрывать не хотелось. Светоч крепился изо всех сил.

— Критически низкий уровень кислорода в крови. — Сообщила ментаграмма. — Через минуту наступит потеря сознания.

Светоч начал обратный отсчет пятидесяти секунд. Чтобы сэкономить остатки кислорода ментаграмма ослабила зрение и слух. Тишина и темнота окутала упрямого парня. Он больше не видел Коломбины и с трудом ощущал ее руки в своих.

— Тридцать шесть. — Произнес он про себя.

В этот момент Коломбина замахала ногами и вырвалась из его рук. Светоч тоже всплыл, отплеываясь и глубоко дыша.

— Так нечестно, тебе помогали. — Произнесла девушка, отфыркиваясь от воды.

— Зачем было спорить, если ты не готова проиграть? — Светоч усмехнулся.

— Я была уверена, что выиграю. Вы тут все малохолдные.

— Не знаю, что это за слово, но я не такой.

— Вижу. — Коломбина нахмурилась. — Только давай договоримся, ты не будешь смотреть, пока я лезу.

— Расслабься, я прощаю тебе проигрыш. Я получил удовлетворение от победы.

— Ты серьезно. — Изумилась Коломбина. — И тебе неинтересно посмотреть на меня?

— Не при таких обстоятельствах. К тому же в воде я паялся на тебя всю дорогу. Но если ты сама этого хочешь, я не против.

— Нет, пожалуй, против. Не хватало еще навертнуться голышом с дерева или разодрать себе попу. Вот девчонки меня засмеют. — Коломбина рассмеялась. — После погружения открывается сильный аппетит. Знаешь, что я предлагаю? — Она хитро прищурила глаза.

— Что?

— Сходи домой, принеси ужин, а я соберу дров, разожгу костер и буду ждать тебя здесь.

— А разве здесь можно жечь дерево? — Удивился Светоч.

— Можно. Барьер притягивает дым в свою сторону, поэтому тут существуют послабления. Давай вместе встретим рассвет?

— Рассвет? А как же выспаться?

— И это говорит человек, который смог просидеть четыре минуты под водой? Тебя пугают такие мелочи. Поспишь на занятиях. А у нас с тобой такого вечера больше никогда может не выдаться.

Светоч оделся и убежал домой. Вернулся через четверть часа с двойной порцией ужина. Под деревом горел небольшой костерок.

— Как ты это провернул? — Удивилась Коломбина.

— Ментаграмма сказала, что я потерял в воде двойную норму калорий. — Ответил он, протягивая одну порцию девушке.

— Врет. Наверняка знала про меня и решила тебе подыграть. — Девушка рассмеялась.

— У тебя тут очень уютно.

— Когда совсем стемнеет, будет еще уютнее. Как дома. — Последняя фраза прозвучала с ностальгической грустью.

— Ты скучаешь?

— Да. Каждый день.

— Хотела бы вернуться?

— Это невозможно. Родители не поймут. И с другой стороны я понимаю, что меня там ждет. — Она вздохнула. — Так, сегодня только веселье. — Она украдкой вытерла слезы. — Ты любишь тосты?

— А что это?

— Надень бутерброд на палку и поддержи над огнем. — Посоветовала Коломбина.

Они смеялись, шутили друг над другом, гоняли комаров до поздней ночи. Затем произошло то, что и должно было произойти. Для Светоча это стало настоящим откровением, наполненное иным смыслом, нежностью и теплотой.

Глава 7

— Многознай Возвышенный и Любогляда Откровенная сделали свой выбор. — Произнес Добронрав перед строем «салаг». — Их с нами не будет.

— А куда они делись? — Спросил Ясноум.

— Их перевели в другое место. — Пространно ответил Добронрав.

Светоч не поверил ему. Куда их могли перевести, если все внешнее кольцо это клоны одних и тех же служб через равные промежутки. Вряд ли бы выскочки удостоились чести сменить работ со службы по контролю за внешними территориями, на работу на ионизирующем барьере. Дело тут было нечисто, и Светоч предпочел не задавать наводящих вопросов. Он уже понял, что свобода, к которой его приучали в городе, здесь ничего не значит.

Утром он встретил Блажену.

— Ты добавила что-то в бокал с пивом? — Спросил он у девушки.

— Какой прозорливый. — Усмехнулась она. — А ты думал, посвящение это секс с танцовщицей. Нет, это был прощальный секс в той роли, которой у тебя никогда больше не будет. Теперь ты на коротком поводке и будешь защищать интересы МАКа иным способом.

— Мне что-то вживили?

— На линейке все скажут.

От ее бывлой дружелюбности, которой она отличалась позавчера, не осталось и следа.

— Все внимание сюда. — Похлопал в ладоши Добронрав. — Очень важная информация, которая будет стоить вам жизни. Вчера каждому из вас был вшит хирургическим путем передатчик, аналогичный «клещу», но с той разницей, что он не программируется и рассчитан на выполнение небольшого количества функций. Он нужен, чтобы вы как можно скорее без лишней ломки и прочих соплей начали делать то, что от вас требуется. Постигать военную науку, уметь беспрекословно выполнять приказы, держать язык за зубами и не совершать глупостей. За последние два пункта устройство вправе лишить вас жизни?

— Как? Зачем? Это античеловечно? — Раздались выкрики со стороны «салаг».

— Чтобы совершать бесчеловечные вещи, вы должны стать античеловеками. Живя в городе, вы пребывали в сладкой дреме относительно того, что творится за барьером и какой ценой это достигается. Эра Гармонии началась только для нас, дикари живут по старому летоисчислению, по старым законам и для них ничего не поменялось. Они все так же любят войны и устраивают их, чтобы решить любые проблемы. Города, подобные Тулсе, для них это инородное, малопонятное и опасное место, мешающее им жить. Они не прекращают попыток дотянуться до него. Кто будет защищать наш город? Вы можете представить себе обычного горожанина, которому дадут в руки оружие и отправят воевать.

«Салаги» отрицательно замотали головами.

— Вот и я не представляю, и МАК тоже не представляет. Вы оступились и поэтому выбор пал на вас. Не надо лить слезы, плакать и проситься назад, на меня это не действует, да и невозможно это. Устройство, которое мы прозвали «гнидой», хоть вы и не знаете значение этого слова, убьет вас, если вы удалитесь от внешнего кольца больше чем на пять километров в сторону города. Если все же соберетесь, советую взять гравилет, тогда смерть

будет самой быстрой.

— Я видел, как Многознай и Любогляда вчера утром шли к стоянке гравилетов. — Шепнул на ухо Светочу Ясноум.

Это могло объяснить причину их отсутствия.

— Вам очень повезло, сегодня из рейда возвращается группа. Будет произведена ротация с теми, кто ждет своей очереди здесь целый месяц. Вам предстоит пообщаться с воинами, которые по-настоящему бились с дикими, и которые смогут передать вам личный опыт. Это намного ценнее, чем сидеть в симуляторах. Вот что я хотел вам сегодня рассказать.

— Важное дополнение. — Произнесла Красавина. — Вам теперь запрещено рассказывать новеньким, которые придут за вами, обо всем, что касается внешних территорий. «Гнида» умеет анализировать речь, и вы сразу почувствуете болевой спазм, как только попытаетесь сказать лишнего.

— Да, спасибо, Красавина, забыл. — Добронрав усмехнулся. — А может и специально промолчал. Пусть всему учатся через боль. Это очень сильно сокращает время погружения в новую жизнь. Хорошего дня и отличной учебы. Самых прилежных по итогам дня премируем чем-нибудь, чем я еще не придумал.

Добронрав и Красавина ушли, оставив «салаг» в сильнейшем смятении чувств. Они, чуть ли не со слезами на глазах, смотрели друг на друга.

— Ребята, а нам что, назад дороги нет? — Дрожащим голосом спросил Чудозар.

— Такого быть не может! — Уверенно произнесла миниатюрная Радослава. — Нас пугают. Это такой способ перевоспитания или наказания, чтобы мы осознали и раскаялись в содеянном.

— А где Многознай и Любогляда? — Спросил Ясноум. — Они вчера пытались улететь в город, я своими глазами видел.

— Так может они и там. — Радослава выставилась на него, как на полоумного.

— Кто-нибудь из вас вчера пробовал отойти от внешнего кольца на несколько километров? — Спросил Светоч у братьев и сестер по несчастью.

— А зачем? Я вчера болел, встать не мог. — Признался кучерявый Умнодел.

— А я пытался и чуть не погиб. Эта «гнида» про которую нам рассказали, вызывает сильный болевой спазм в груди, даже дышать трудно. Хорошо, что я был не один.

— А я видел тебя с дикаркой на машине. — Признался коренастый Мечтаил. — Ты что, серьезно решил начать с ней отношения?

— А к нашему положению это как-то относится? — Спросил с вызовом Светоч.

— Ну, нет, — Нехотя согласился тот, — только как-то отталкивающе это выглядит. Я бы никогда не спутался с дикаркой. Это ниже моего достоинства.

— Фу, Светоч, а с виду ты казался нормальным. — Радослава скривила носик.

— Это не ваше дело. Что-то я не заметил, чтобы кто-то на той вечеринке проигнорировал танцовщицу. Все поддались, как ягнята, несмотря, что танцовщицы были дикарками. — Напомнил Светоч.

— Так мы думали, что это и есть посвящение. Пришлось превозмогать отвращение. — Соврал Мечтаил.

— Ага, два раза. — Фыркнул Светоч. — Скажу вещь, которая вам не понравится, но дикарка намного приятнее в общении, чем любая из горожанок.

Его слова были встречены гулом неодобрения.

— Ну, теперь ясно, ты сюда попал за дело.

Радослава выбрала поучительный тон, от которого нервы Светоча зазвенели, как перетянутые струны. Он сдержался с огромным трудом. Выдохнул и продолжил.

— Как вы думаете, с тем, что мы узнали на внешнем кольце, нас вернут в город? Вы вообще хоть раз встречали вживую человека, который признался бы, что он прошел полугодовой курс повышения рейтинга в службе контроля за внешними территориями? Вспоминайте.

«Салаги» задумались, но никто так и не смог вспомнить человека, вернувшегося с внешнего кольца.

— А если им стирают память и возвращают? — Предположил Ясноум.

— В чем тогда смысл перевоспитания, если ты его не помнишь? — Усомнилась в таком варианте Любокраса. — В любом случае мы должны верить, что МАК не оставит нас. Все его поступки продиктованы желанием вернуть нас на правильный путь к гармоничному сосуществованию, какими бы пугающими они не казались.

— Очень оптимистично. — Мечтаил захлопал в ладоши. — Кстати, а как прошло предпосвящение у девушек? Я что-то пропустил этот момент.

Радослава и Любокраса смутились и не стали отвечать на нескромный вопрос. В этот момент ментаграмма сообщила о начале и месте занятий. Группа молодых нарушителей отправилась в кабинет с симуляторами.

Чтобы заглушить неприятные мысли о будущем, а так же навязчивые и уже приятные воспоминания, связанные с Коломбиной, Светоч погрузился в учебный процесс. Он старался постигать военную науку, предполагая, что от этого будет зависеть его жизнь. Его напарники по экипажу, наоборот, вели себя как дети, которым дали поручить игрушечной машинкой. В науку им, у всех, кто симулировал обучение, случился болевой спазм, продолжающийся минуту. Светоча не тронули. Он наблюдал за корчившимися напарниками и был солидарен с теми, кто придумал такой простой и действенный способ стимулирования к обучению.

Пугающая суть перевода на внешнее кольцо постепенно овладевала умами самых скептически настроенных горожан. Судя по тому, как часто они бегали пить, их ментаграмма постоянно добавляла дозу антидепрессантов в воду. Только благодаря этому приему занятия оказались не сорванными. И все равно чувствовалось, что мыслями люди находятся далеко от органов управления «мастодонтом» или «птеродактилем».

Вечером, за четверть часа до окончания занятий, затряслась обстановка внутри здания. «Салаги» кинулись к окнам и застали момент отключения барьера. Участок в двести метров потух. За ним стояла потрепанная колонна из пяти гусеничных машин и двух летающих. Лязгая гусеницами, она направилась к «кубу». Навстречу ей вышли Добронрав и Красавина.

— Смотрите, смотрите! — закричал Ясноум. — У второго мастодонта пушку укоротили наполовину.

Светоч пригляделся. Действительно, вместо полноценного орудия из башни торчал обрубок. Под ним, на броне носовой части корпуса, чернела обожженная рана с вывернутыми наружу расплавленными краями. Группа с трудом досидела окончание занятий и выскочила на улицу.

У колонны с техникой уже толпились санитарные роботы. Четверо носилок, аналогичных тем, что использовали службы спасения в городе, занимались ранеными. «Салаги» и те, кто уже отзанимались месяц, выстроились перед закопченными суровыми

воинами. Перенесенное испытание оставило на них отпечаток. Светочу показалось, что лица воинов из дерева, а не плоти и крови. Глаза выражали не только усталость, но и твердость, суровость несвойственную горожанам. Выглядели они старше, чем указанный ментаграммой возраст.

— Три экипажа птеродактиля безвозвратно. — Доложил Добронраву командир отряда. — Мастодонты все на ходу, четыре раненых служащих. Потеряли оружие. У диких появилось новое оружие против птеродактилей. Боевой ИИ не успел найти противодействие в процессе боя. Схему всей вылазки, хронометраж и собранные параметры уже отправил МАКу.

— Земля пухом погибшим. Все во имя Гармонии. — Произнес Добронрав деланс трагическим тоном. — Вы честно заслужили отдых. Располагайтесь и наслаждайтесь поднятым рейтингом. Все бары и прочие злачные места в вашем распоряжении.

— Не сегодня. — Устало ответил командир отряда. — Распускаю?

— Конечно. МАК оценит вклад каждого из вас в общее дело.

Отряд, состоящий из парней и девушек, бесшумно разошелся. Техника, прошедшая сражение, источала едкий запах горелого железа, резины и смерти. «Салаги» и те, кому пришла пора самим идти во «внешку» осмотрели раны на бронированных боках «мастодонтов» и «птеродактилей».

— МАК изучит собранные данные и представит доработанную методику, по которой уже вы начнете свое обучение. — Обратился Добронрав к «салагам».

— А почему нельзя уничтожить врагов издалека? — Спросил Мечтаил. — К чему этот риск?

— А не заменить ли тобой весь МАК? — Усмехнулся Добронрав. — Если ты думаешь, что враг настолько глуп, чтобы стоять и ждать, когда ему на голову упадет бомба, то у меня для тебя плохие новости. Враг хитер, коварен и предусмотрителен. Это он устраивает засады, а не мы и потому нам намного сложнее. Если бы не такое преимущество, как непрерывно совершенствующийся МАК, берущий на себя функции боевого искусственного интеллекта, мы несли бы более существенные потери. — Он подошел вплотную к Мечтаилу. — Салаги могут идти домой, а «старшаки» остаются. Приводите технику, на которой завтра выходить, в порядок.

Светоч на мгновение представил себя на их месте и задохнулся от накатившего волнения. Нет, он был не готов к такому. Увиденное поразило его воображение и еще сильнее укрепило в желании постичь военную науку, чтобы не остаться трупом на той стороне барьера. Он вприпрыжку побежал домой, чтобы как можно скорее помыться и проведать Коломбину. Единственное, что радовало во всей нелепой ситуации.

— Ну, как тебе служба? — Ироничным тоном поинтересовался сосед, вернувшийся одновременно со Светочем.

— Пока не нравится. — Честно ответил парень.

— А чего такой счастливый?

— Рад, что на сегодня все закончилось.

— Ну-ну, оптимист. — Милодел цыкнул и зашел в свой модуль.

Спустя минуту через стенку донеслось его жуткое пение. Светоч помылся, заказал ужин и решил вместе с ним навестить Коломбину. Он был не против еще и сегодня посидеть у костра, чтобы повторить незабываемые ощущения вчерашней ночи.

В здании, где жили в основном «дикие» и второе поколение, не прошедшее отбор

«горожанства», на Светоча смотрели с интересом. Не часто сюда являлись «сосланные». Он поднялся на четвертый этаж и приложил палец к звонку. Изнутри послышался мелодичный звонок неизвестной мелодии. Дверь распахнулась. Коломбина стояла перед ним в потрясающе красивом образе. Она собрала волосы, надела короткий топ, едва прикрывающий грудь и короткую юбку.

— Это ты? — Неожиданно спросила она. — Прости, Светоч, но тебе надо уйти.

— Почему? — Светоч замер, наполовину занеся ногу через порог. — Сейчас?

— Да, сейчас. Ты же видел, сегодня вернулись оттуда. Среди них есть Благомил. У нас с ним было до тебя. Прощу, уходи, иначе мне будет плохо, да и тебе тоже. Я потом все объясню. Пожалуйста, уходи. — Коломбина сложила ладошки перед собой в умоляющем жесте. — Пожалуйста.

В голове Светоча все смешалось и запуталось в клубок. Он мгновенно превратился в идиота и перестал понимать, что происходит. Коломбина хлопнула перед ним дверь, а ему ничего не оставалось, как уйти. Он не мог понять, как после того, что между ними вчера, в жизни Коломбины есть место другому мужчине. Девушки-соседки проводили его соболезнующими взглядами.

— А не хочешь остаться на ночь у меня? — Поинтересовалась самая смелая из них.

Светоч никак не отреагировал на ее предложение.

— Превышение нормы депрессивных гормонов. — Заметила очевидное ментаграмма. — Советую принять «счастьетомин» и лечь спать.

Светоч выбросил в общественный приемник пневмопровода свой ужин. Домой идти не хотелось, поэтому он решил гулять, пока не захочется спать. Перед глазами то и дело возникал момент, когда Коломбина произнесла фразу, про то, что ждет другого, а не его. В это не хотелось верить. Надо было придумать оправдание девушке, чтобы не отравиться собственными мыслями. Светочу кое-как удалось убедить себя, что Благомил появился в ее жизни до него и потому имеет больше прав на Коломбину. Так зачем она дала ему повод? Что ей стоило выждать пару дней до возвращения отряда, вместо того, чтобы заводить пашни с ним?

Светоч свернул в лес. Дошел до того места, где они вчера жгли костер с Коломбиной и просидел на берегу два часа, пока ментаграмма и мошकारа не вынудили его вернуться домой. Он поднялся на свой этаж и остолбенел, расстроенная Коломбина, ждала его у дверей.

— Так ты не дома. — Произнесла она с облегчением. — А я давила звонок, думала, открывать не хочешь.

— А надо было? — Поинтересовался Светоч с вызовом.

— Прости, что не сказала. Был шанс, что Благомил погибнет. — Призналась она.

— Погибнет? — Светоч решил, что ослышался. — Ты на это серьезно рассчитывала? Ждала, когда твой парень умрет, чтобы я занял его место?

— Не горячись, все не так. Я никогда его не любила. Он злой, эгоистичный и не спрашивал, хочу ли я быть с ним. Благомил держал меня рядом силой. Он мне неприятен. А вернувшись оттуда, он каждый раз становится еще злее. А когда напьется, начинает меня бить, вымещая злобу и страх перед дикарями на мне. — Она протянула руки вперед. На запястьях обеих рук остались синие следы, как будто их сжимали с силой. — Это он напился и домогался меня сегодня.

— А где он сейчас?

— Отключился. Выпил большое количество алкоголя вместе с антидепрессантами,

прописанными ему ментаграммой. Теперь он проспит до завтрашнего обеда.

— И какая у меня будет роль в свете открывшихся фактов? — Спросил Светоч.

— Я не знаю. — Из глаз Коломбины брызнули слезы. — Я не хочу, чтобы ты думал, будто я легкомысленная. У таких как я нет никаких прав, и наше желание никому не интересно. Поначалу я была даже рада, что Благомил обратил на меня внимание, но потом быстро поняла, что он псих. Его за эту неуравновешенность и выгнали из города. А тут еще повод злиться на дикарей есть. Он уже несколько раз бывал на той стороне, а я каждый раз надеюсь...

— Тсс. Не хватало еще, чтобы тебя услышали. Заходи. — Светоч открыл дверь.

Коломбина зашла в его тесную обитель и сама откинула кровать.

— Извини, угостить нечем. — Признался Светоч. — До завтрака еще далеко.

— Я не хочу есть. Мне вообще тошно от всего происходящего. Я пришла сказать тебе, чтобы ты не наделал глупостей. Не приходи ко мне, и вообще никому не говори, что у нас с тобой были какие-то отношения. Если Благомил начнет приставать, отказывайся наотрез. Так ты спасешь не только себя, но и меня. Он удачливый командир. За него будут держаться и покрывать, чтобы он не натворил. А тут, на внешнем кольце, творить можно многое. Обещай мне. — Коломбина ухватила Светоча за руки и посмотрела в упор.

Он потонул в черной бездне ее глаз.

— Обещаю. Но ты поступила со мной жестоко.

— Никто не знает, когда чувства застанут его врасплох. — Коломбина вынула из кармана кулон на цепочке. — Это амулет на счастье. Мне его передала мама, когда я уезжала от них. — Протянула его Светочу.

— Почему ты хочешь отдать его мне? — Удивился он.

— Я хочу, чтобы ты вернулся. Чтобы тебе везло больше, чем... — Она прильнула к губам и страстно поцеловала. — Все будет меняться, кроме наших отношений. Мы всё переживем и переждем. Надень и не снимай. — Коломбина помогла надеть кулон.

— Спасибо. Когда я окажусь на той стороне барьера, буду вспоминать про тебя и думать, что ты рядом. — Светоч всё простил ей.

— Я буду каждую минуту думать о тебе, и молиться о твоём здоровье.

Он привлек ее к себе. Коломбина и не думала сопротивляться. Она ушла от него через три часа, под утро, когда на улице не было ни души.

Ментаграмма на завтрак посоветовала заказать кофе, и еще добавила в воду чего-то бодрящего. Из-за не съеденного ужина рекомендовала заказать обильный завтрак. Светоч пришел на занятия почти бодрым. Отлично отзанимался до обеда, но потом усталость взяла верх. Ухудшилась реакция, пропала координация.

— Что с тобой, салага? — Поинтересовался Добронрав. — Я не давал вчера разрешения на посещение баров. Почему ты такой несобранный?

— Не мог уснуть от мыслей, что вернувшиеся с той стороны парни и девушки могли погибнуть. Война это так ужасно. — Соврал Светоч.

— Ужасно, ты прав. В следующий раз следуй рекомендациям своей ментаграммы и проблем со сном не будет. На сегодня ты свободен от учебы, иди мой машины, которые прибыли вчера.

Светоч даже был благодарен Добронраву за это. Ему до чертиков не хотелось вникать в сложный процесс боевой тактики. Он с удовольствием спустился в ангар, взял в руки шланг с холодной водой и стал поливать грязную технику. Ошметки присохшей к гусеницам грязи

отламывались тугой струей и угонялись в сточную яму. Вдруг что-то металлически звякнуло о бетонный пол. Светоч закрыл кран и поднял из куска грязи тяжелый предмет. Отбил с него грязь в стекающей с машины воде. Это был нож, тяжелый, большой с выгравированным серийным номером на лезвии. Выглядел он смертельно опасным и одновременно вождленным. Никаких сомнений, что эта вещь принадлежала «диким» у Светоча не возникло. Только они умели делать такие качественные орудия убийства. Он спрятал его под китель.

Через три часа вся техника блестела намытым металлом. В ангар вошла Красавина чтобы проверить успехи.

— Я все помыл. — Радостно признался Светоч.

— Ты в любом деле неплох, я смотрю. Не только в обучении. — Она ехидно усмехнулась.

— Я уже мыл ее, второй раз намного проще.

— Я не про то. Там снаружи Благомил желает видеть тебя. Не скажу, что он в хорошем настроении. Это правда, что ты ухаживал за его дикаркой?

— Вы что, такого никогда не было. — Светоч состроил изумленное лицо. — У вас тут, я смотрю, распространение слухов поставлено на поток. В городе за это уже давно бы скинули рейтинг.

— Это не город и многим по душе отсутствие ежесекундной рейтинговой удавки. Так что, пойдешь, пообщаешься с ревнивцем?

— Он злой?

— Как думаешь? — Красавина усмехнулась.

— Понятно. Ладно, поговорю. Надо бы поставить в этом деле точку, чтобы больше к нему не возвращаться. — Светоч направился к выходу из здания.

— Если что, у нас тут внутри есть аптечка и носилки-роботы. — Крикнула в спину Красавина.

— Спасибо, учту.

Светоч не был готов к драке и надеялся договориться миром. Когда он проходил обучение в полицию, ментаграмма натренировала его мышцы кое-каким приемам задержания буйных горожан, поэтому он надеялся, что в физическом противостоянии, если до него дойдет дело, у них будет паритет.

Благомил стоял спиной и что-то нервно теребил в руках.

— Привет, Благомил. — Поздоровался Светоч.

Тот резко обернулся. В руках у него оказался явно боевой предмет, большая металлическая гайка на полимерной веревке.

— Ты чего, урод, пока я бился насмерть, с девушкой моей любовь крутил. Думали, я не узнаю? У меня тут куча народу, которые за всем присматривают. Видели вас за ручки державшимися. — Его трясло, как от передозировки адреналина.

— Успокойся, Благомил. Твои свидетели выдают желаемое за действительное. Мы один раз прошли по улице. Я тут новенький был тогда, второй или третий день, как раз после посвящения. Болел очень сильно, вот нечаянно Коломбина и подвернулась, чтобы рассказать, что да как здесь устроено. Да мне в голову бы даже не пришло задружить с дикаркой. Я только из города и для меня это еще психологический барьер. Возвращайся домой, выпей успокоительного и наслаждайся жизнью. — Посоветовал Светоч.

— Чего мне выпить, салага? — Благомил раскрутил свое оружие.

Светоч не спускал с него глаз, готовясь прыгнуть в сторону, если ревнивый парень решит броситься на него.

— Благомил, не совершай глупости. Ты на взводе и потом пожалеешь о своем поступке.

— Ты мне врешь! Вы оба врете! Я знаю это, вижу по вашим глазам. — Он рывком удлинил трос и чуть не заехал гайкой по голове оппоненту.

Она просвистела в сантиметре над головой. Светоч присел и отскочил в сторону. К счастью рефлексy помогли. Благомил рыкнул и повторил свой прием. Гайка чуть не зацепила правую ногу. Вместо нее ударился тросик, а гайка под воздействием инерции и центробежной силы мгновенно сделала несколько оборотов вокруг лодыжки. Светоч на этот раз поздно сообразил, чем ему грозит такая ловушка. Зато Благомил победно завопил и дернул за веревку.

Светоч повалился на землю, потеряв опору. Ревнивец кинулся на него прыжком, желая подмять под себя, и ему это удалось. Он был крупнее Светоча и мог использовать лишний вес как преимущество. Придавил к земле и попытался ударить в лицо кулаком. Светоч увернулся, потом пропустил удар. Благомил осатанел, превратился в безумца, готового убивать. Тут Светочу что-то уперлось под ребра, и он вспомнил про нож. Изловчился, вытащил его и упер острие Благомилу прямо в шею между ключицами. Свободной рукой он ухватил ревнивца за одежду, чтобы тот не мог отстраниться.

Несколько секунд ушло у Благомила на осознание опасности ситуации. Он явно не рассчитывал на то, что ему окажут настолько опасное сопротивление. Из пореза потекла кровь и упала на лицо Светочу.

— Ну, животное..., хочешь умереть от глупости? — Спросил Светоч, с трудом переводя дыхание и не ослабляя хватку.

Взгляд Благомила постепенно менялся. Исчезла несдерживаемая агрессия, и появился страх.

— Откуда такой нож? — Спросил он испуганно, скосив глаза на лезвие.

— В лесу нашел.

— Отпусти. — Благомил попытался дернуться.

Светоч не ослабил хватку и потому кончик ножа вошел еще глубже. Тут уже ревнивцем начала овладевать паника. В глазах промелькнули искры безумия. Светоч скинул его с себя и сам сел сверху, держа лезвие у горла. В это время закончились занятия и на улицу выбежали «салаги». Они замерли, увидев удивительную для большинства картину явного насилия. Через толпу пробился Добронрав.

— Светоч, не дури, отдай нож.

— Отдам, если он оставит в покое меня и Коломбину. Ну, оставишь? — Светоч слегка придавил рукоять.

Благомир от страха засучил ногами.

— Да. — Вынужден он был произнести вслух.

Светоч убрал нож от шеи противника.

— Отдай. — Добронрав выхватил нож из его рук. — Хватит дурить, ребята. Расходитесь по домам. Устроили тут разборки из-за дикарки. Стыд и позор. На неделю обоим закрываю доступ ко всем развлечениям, кроме пожрать. Дикари. — Он ушел.

Светоч огляделся. «Салаги» смотрели на него с уважением, которого не было прежде.

— Чего вылупились? — Не выдержал Светоч. — Вам сказали, расходимся.

Он отряхнулся. Ментаграмма трезвонила о превышении адреналина и тестостерона.

Зашел в ангар и умылся, чтобы не идти по улице с окровавленным лицом. Ему пришла мысль, что гнилой по характеру Благомил обязательно сорвется на Коломбине за перенесенный позор. По дороге домой свернул к ее модулю и остался там ждать ее с работы.

Девушка вскоре появилась. Увидев ссадины и следы крови на одежде, испугалась.

— Он и тебя избил? — Бросилась она проверять раны Светоча.

— Не совсем. Мы подрались, и я чуть не перерезал ему шею. Собирайся, будешь жить у меня. Оставаться с Благомилом опасно. Он парень неадекватный, а теперь еще и припозоренный, так что тебе обязательно перепадет от него. Я буду провожать и встречать тебя с работы, чтобы у него не появилось соблазна напасть.

— Ты справился с ним? — Не поверила Коломбина.

— А что тут такого? Я полицейский, кое-чему обучен. К тому же у меня был нож.

На противоположной стороне улицы появился Благомил с белой повязкой на шее. Он тоже шел к модулю Коломбины, но увидев Светоча, замер.

— Поспеши, пока этот тип не решил обзавестись подмогой. — Подогнал Светоч Коломбину.

— А что мне брать?

— Возьми ужин и полотенце, остальное не пригодится.

Она нырнула в жилой модуль и появилась через пару минут, держа в руках сумку и коробку с ужином.

— Я не могу поверить, что горожанин решился на такой смелый поступок. — Призналась она. — Я про пригласить к себе жить.

— Это все ментаграмма. Она сказала, что у меня есть два способа справиться с выбросом гормонов. Первый, выпить отраву, которую она добавляет в воду, а второй, сексуальная разрядка.

— И какой ты выбрал?

— Конечно же, первый. К тебе зашел, потому что не с кем было выпить стакан воды. — Светоч коротко хохотнул.

— Обещаю, воду ты будешь пить после.

— А что это?

— Надень бутерброд на палку и поддержи над огнем. — Посоветовала Коломбина.

Они смеялись, шутили друг над другом, гоняли комаров до поздней ночи. Затем произошло то, что и должно было произойти. Для Светоча это стало настоящим откровением, наполненное иным смыслом, нежностью и теплотой.

Глава 8

Светоч проснулся от sireны воющей прямо в голове. Ментаграмма играла тревожный сбор. Сел на кровати, свесив ноги вниз, и пытался прийти в себя.

— Заткнись, я уже проснулся. — Произнес он шепотом, но все равно разбудил Коломбину.

— Что случилось, Светош? — Спросила она беспокойно.

— Тревога. Мне надо идти на службу.

— Тревога? — Голос Коломбины стал еще беспокойнее.

Она выскочила в майке и трусах на улицу и посмотрела через барьер в сторону диких территорий.

— А что ты хочешь увидеть? — Заинтригованный Светоч вышел за ней на свежий ночной воздух.

— Подержи меня. — Попросила Коломбина и полезла на перила лестницы.

Ее роста хватило посмотреть выше уровня крыши.

— Снимай. — Попросила она расстроено.

Светоч помог ей спуститься.

— Что там? — Спросил он.

— Вспышки от пуска противоракет. Наверно, тебя вызывают, чтобы отправить во внешку. — Ее глаза увлажнились. — Обещай, что не будешь строить из себя героя.

— Обещаю. — Светоч поцеловал ее в щеку.

Не так он себе представлял этот момент. Думал, будет намного спокойнее и торжественнее. Сердце от волнения заколотилось в груди, появилась тяжесть в груди и полное понимание, что никуда отправляться совсем не хочется. Инстинкт самосохранения требовал отказаться от участия в этом опасном мероприятии.

— Выпей воды. — Посоветовала ментаграмма, заметившая состояние Светоча. — Через десять минут построение.

— Я успею. — Он кинулся в модуль и стал одеваться.

Коломбина взволнованно и бестолково бегала вокруг него. Потом села на кровать и разревелась.

— Все будет хорошо. Я вернусь через месяц. — Уверенно произнес Светоч.

Взял ее под подбородок и поцеловал в соленые губы. Коломбина обхватила его за шею и крепко прижала к себе.

— Ты только кулон не снимай, пожалуйста. — Попросила она, шмыгая носом.

— Ох уж эти ваши дикарские суеверия. — Светоч нашел в себе силы пошутить. — Конечно, не сниму. Так ты всегда будешь у моего сердца.

— Спасибо. — Коломбина снова повисла у него на шее.

— Ну, хватит, мне пора. Благомила не бойся, он больше не станет тебе докучать. Если хочешь, живи в моем модуле. Я узнавал, это не возбраняется. Послушаешь песни моего соседа по утрам. Он неплохой парень, хоть и настроен ко всему пессимистично. Явно не склонный к гармонии. Если что, он обещал мне, что не даст тебя в обиду. — Светоч оделся и посмотрел на себя в голозеркало со всех сторон. — Я пошел.

— Я провожу. — Коломбина накинула платье и кофту.

— Ну, пошли. — Светочу было приятно, что его провожают и уже не так беспокоят на душе.

Внешнее кольцо спало. Тишину нарушали только редкие грузовики ночной смены чистильщиков барьера, да бредущие к своему зданию потревоженные салаги.

— Как думаешь, это учебная тревога? — Спросил Мечтаил, пристроившийся к ним по пути.

— Нет. Коломбина тут давно, уже знает, какие тревоги настоящие. По ту сторону барьера были вспышки пуска зенитных ракет. Дикие пытались ударить по городу.

— Вот твари, а. — Мечтаил цыкнул. — От зависти готовы и нас убить и сами сдохнуть. А я до последнего верил, что это учебная тревога. Мы же тут еще и трех недель не провели. Как-то рано нам на настоящее дело, не готовы мы.

— То же самое и мне пришло на ум, а потом подумал и решил, что я никогда не буду готов к такому. — Светоч вздохнул. — Ничего, другие были и вернулись. И мы вернемся.

— Не все. — Заметил Мечтаил. — А как у вас обращаются с пленными? — Обратился он к Коломбине.

— К нам пленные не попадают. Я не из тех дикарей, которые пускают ракеты по городу, забыл? — Возмутилась девушка.

— Прости, что-то у меня все смешалось от страха. Что-то моя ментаграмма решила сэкономить на успокоительных. — Мечтаил смутился и бросил мельком взгляд на Светоча. Среди салаг он стал непререкаемым авторитетом. Когда Благомил собрал своих, чтобы наказать Светоча, «салаги» без всякого сомнения заступились за него, и конфликт затух.

— Слишком много успокоительного сделает твои реакции замедленными. — Предположил Светоч.

— Значит, точно не учебная.

Добронрав и Красавина ходили взад-вперед в ожидании. Последними пришли Чудозар и Радослава, держась за руки. Они явно стали больше чем друзья.

— Медленно, ползете как опарыши. — Раздраженно произнес Добронрав. — Тревога боевая, как вы уже поняли. Враг хотел достать город в точности по нашему направлению. Уже нанесен ответный удар и ваша задача зачистить сектор, откуда были произведены пуски ракет. Добить всех, кто выжил, да так, чтобы у них надолго пропало желание связываться с нами. Последняя инструкция перед рейдом. Внимательно следуйте советам боевого ИИ. Никакой самостоятельности и тем более свободной охоты. Помните, вас будут провоцировать оторваться от отряда, чтобы уничтожить. Единичная цель лакомый кусок для дикарей. Они раздуют такую сенсацию из этого, что чуть ли не разбили все силы Тулсы за один бой. Не дайте им этого шанса. Вниманию экипажей птеродактилей, ваша сила это большой обзор и маневренность. Экипажи мастодонтов должны помнить, что их оружие, это мощная пушка, аннигилирующая все на своем пути. Вместе вы единый непобедимый организм, не забывайте об этом. — Добронрав сжал ладони в кулаки и эмоционально потряс ими. — Минута на прощание, потом в ангар.

Прощаться могли только Светоч с Коломбиной, остальные все были работниками службы. Светоч обнял подругу и вдохнул запах ее волос, хотел запомнить и потом вспоминать, когда будет трудно.

— Не снимай кулон. — В который раз повторила она.

— Никогда. — Пообещал ей Светоч. — Внутри него твое сердце, которое будет биться в такт с моим. — процитировал он одну из строчек Устава Гармонии.

Крепко поцеловал ее в губы, отстранился и пошел к ангару. Коломбина никуда не уходила, пока он не исчез за дверью. Она стояла и смотрела еще минуту, роняя слезы, потом развернулась и пошла домой. В каждом ее движении сквозило чувство потери и обреченного одиночества.

Светоч лучше всего зарекомендовал себя на должности стрелка «птеродактиля». У него быстро срабатывала смекалка, когда он выбирал приоритет целей, даже опережая подсказки боевого интеллекта. Кроме того, он умел вычислять потенциально опасные места, которые не обнаруживали системы наблюдения, и отстреливался по ним. Конечно, это все было на симуляторах, где все «причесано», а иногда основано на одних и тех же алгоритмах, которые легко просчитывались.

Светоч занял место в летающей боевой машине прошедшей три рейда. На ней имелись отметины от попаданий. С ним в экипаж попал Мечтаил в роли пилота, и Радослава в роли оператора радара. На экране появился весь маршрут до точки, где надо был произвести зачистку. Расстояние составляло чуть больше ста двадцати километров, около двух часов пути. На борту боевой машины «клещ» становился передатчиком, осуществляющим коммуникацию между членами экипажа и боевым искусственным интеллектом. Доподлинно никто не знал, интеллект являлся частью МАКа или внутренней программой машин. Из-за барьера прямая радиосвязь и обмен данными с городом отсутствовали. Они осуществлялись через спутники и имели некоторые временные лаги, которые в бою играли критическую роль.

— Даю команду на взлет. — Сообщила ментаграмма, используя сухой язык боевого интеллекта. — Держаться маркера по высоте и сохранять строй.

— Понял, взлетаю. — Произнес вслух Мечтаил.

Светоч посмотрел в экран, передающий картинку снаружи. Внешнее кольцо быстро уменьшалось вместе с растущим ощущением ускорения. Может быть от него, а может по другой причине, внутри появилась тяжесть. «Птеродактиль» встал на курс. Ускорение исчезло, а тяжесть осталась. Светоч зажмурился. Перед ним сразу же возникли мокрые черные глаза Коломбины, смотревшие на него как в последний раз. Он стряхнул наваждение и занялся делом. Надо было проверить настройки автоматики орудий и произвести калибровку электронных прицелов. Запустил программу и дождался, пока она не напишет напротив каждого параметра положительный результат.

Из-за тихого хода «мастодонтов» не способных разогнаться свыше семидесяти километров в час по шоссе, «птеродактилям» приходилось совершать кольцевые полеты, заодно осматривая территорию. Светочу показалось странным расположение населенных пунктов на дикой территории. Они были небольшими, раскиданными в беспорядке. Он согласился с термином «дикая территория» потому что в ней на самом деле не просматривался логический замысел. Повсюду в небо поднимались дымовые хвосты работающих предприятий. Иногда они имели разные цвета, рыжие, фиолетовые, зеленые, но чаще черные или белые. Экология в «лояльном» поясе вокруг Тулсы хромала на обе ноги.

— Внимание, боевая готовность, покидаем безопасную территорию». — Сообщила ментаграмма.

Стало тревожно. Сколько Светоч не старался заметить границу, отделяющую лояльную часть дикой территории от настроенной против городов, ему ничего не удалось. Все те же разбросанные в беспорядке населенные пункты, соединенные серыми нитками дорог. Ему показалось, что чем дальше от города, тем меньше наблюдалось промышленных зон,

отравляющих воздух. А вскоре начались леса, в которых терялись совсем небольшие поселки, пестрящие разноцветными крышами. И не было среди них высоток, подпирающих небо как в Тулсе. Возможно, люди здесь просто не умели их строить, обходясь примитивными домиками из «подножного» материала.

— Снижение до пятидесяти метров. — Сообщил боевой интеллект. — Регистрируется излучение радаров и систем электронного подавления.

На экране, изображающем панорамное окно, появилось изображение купола в центре которого находился радар. Эта информация больше всего касалась Светоча. Именно ему предстояло убрать эту помеху. Пока дальнобойность его орудий не позволяла расправиться с ним. Поэтому боевой интеллект решил опуститься как можно ниже, прячась за складками рельефа.

— До цели осталось две минуты.

«Мастодонты», обозначенные на экране зелеными ромбиками, входили в зону поражения своими пушками. Светоч проверил прицелом, меняя кратность, территорию, прилегающую к дороге. Под ними раскинулся бескрайний лес. Под сводами зеленых крон регистрировались только животные, обитающие в нем. На широкой изумрудной поляне показалось светлое пятно, опознанное как скопление коров. «Дикие» до сих пор не научились технологии изготовления мяса и молока на питательной среде и убивали животных. Светоч ни за что бы не стал употреблять такие продукты в пищу не только по моральным, но и по физиологическим причинам. У него сформировался барьер против употребления мертвечины.

— Объект находится в зоне поражения. — Сообщила ментаграмма.

«Птеродактиль» проскочил через лесную опушку и оказался над огромным карьером, на дне которого дымились развалины.

— На той стороне... — Радослава не успела договорить.

В машину, где находился экипаж Светоча, впились яркие росчерки снарядов, разогнанных до появления плазмы на поверхности. В кабину донеслись только глухие удары и следом свист электроники, отметившей выход из строя отдельных модулей. Мечтаил рывком опустил аппарат к земле, избежав следующих попаданий. Светоч в процессе маневрирования навел орудия и выстрелил в сторону источника огня.

Стреляло всего одно орудие из двух. Экран покрылся помехами, неясно от противодействия средствами подавления электроники, или от попадания снарядов. Боевой интеллект включил свою систему противодействия, и экран снова стал чистым. Следующие за головным «птеродактили» разошлись по сторонам и обошли карьер, подавляя источник вражеского огня.

Мечтаил рванул вверх, чтобы использовать самонаводящиеся бомбы. Светоч отцепил одну из них, как только позволила траектория свободного полета. Аппарат ушел в сторону, уклоняясь от непрекращающегося огня, а самонаводящаяся бомба полетела вперед. Через мгновение «птеродактиль» содрогнулся под догнавшей его взрывной волной. Электроника показала, что опасный объект уничтожен. Судя по имеющейся классификации, «дикари» оставили в качестве засады автоматический рельсотрон. Очень опасное оружие из-за огромной скорости полета снарядов, но довольно предсказуемое.

Мечтаил направил аппарат в карьер, чтобы выявить не уничтоженные ракетным ударом установки и здания. Светоч сделал несколько выстрелов по объектам, похожим на орудия и поразил их. К этому времени на краю карьера показались «мастодонты» и сравняли с землей

всё, что осталось. Теперь отсюда «дикарям» не скоро захочется стрелять по городу.

Отряд собрался в боевые порядки. Все ждали, что предложит боевой интеллект.

— Космическая разведка засекла подозрительное движение техники десять минут назад. — Сообщила ментаграмма.

— Разве нельзя определить, что это за техника. Не станем же мы гоняться за каждым трактором или комбайном, движущимся в поле. — Поинтересовался Светоч.

— Определить не удалось из-за подавления в оптическом спектре. Вероятность, что это боевая техника выше девяноста пяти процентов.

— Понятно, давай ориентиры, проверим.

На экране загорелись символы того места, где была замечена колонна.

— Движемся в сторону техники. — Сообщил Светоч свое решение искусственному интеллекту, а заодно и всем экипажам.

До нее оставалось двадцать километров. «Птеродактили» шли на максимально низкой высоте, чтобы их не засекли радарам, опережая «мастодонты». До последнего хотелось верить, что это сельхозтехника, отправившаяся на уборку урожая. Мечтаил дернул аппарат вверх перед самой колонной. Светоч впился глазами в экран, готовясь открыть огонь, но к его удивлению, внизу не было ничего, напоминающего машины. Ни боевые, ни сельскохозяйственные.

— Никаких признаков техники на указанном месте не обнаружено. — Доложил Светоч. — Возвращаемся.

— Радары с орбиты фиксируют железную аномалию на указанном месте и электромагнитную активность. — Ответил боевой интеллект.

— Хорошо, делаем второй заход.

«Птеродактиль» развернулся над лесом и больше не стал делать крутой подъем над местом, где должна стоять техника. Светоч внимательно смотрел в экран, мелькающего под ним поля, прорезанного заросшей лесом балкой. И вдруг он увидел, как полевая дорога обрывается на ровном месте и продолжается через триста метров, как ни в чем не бывало. Он выбрал автоматическую турель, оставшуюся с одним стволом, и дал длинную очередь в подозрительный участок. Неожиданно прямо под ним расцвел огненный цветок и вдруг прямо из земли в их сторону полетели яркие росчерки снарядов. «Птеродактиль» сильно трянуло. Завизжали системы аварийного оповещения. Экран зарябил и померк, оставив экипаж в неизвестности, относительно происходящего снаружи. Только у Мечтаила перед глазами имелся небольшой иллюминатор для ручного управления аппаратом. Аппарат кидало из стороны в сторону, подвергая экипаж невероятным нагрузкам. Светоч надел на глаза специальную гарнитуру, открывающую доступ к наружным оптическим приборам.

С непривычки, он не мог понять, что видит перед собой. Судя по всему, были повреждены органы управления и машина вела неуправляемый полет. Картинка перед глазами менялась каждую секунду. На мгновение он успел увидеть машину, вооруженную счетверенной установкой, изрыгающей огонь и выстрелить в ее сторону в полностью ручном режиме. Очередь прошла рядом, но не задела вражескую технику.

— Ааа! — Закричал Мечтаил.

Светоч скинул гарнитуру и увидел, что рабочее место пилота горит. Система пожаротушения никак не реагировала на это. Светоч отстегнулся и бросился к напарнику, помочь выбраться из огненной ловушки. Его несколько раз ударило о стены, прежде чем это удалось. Отстегнул обезумевшего от страха и боли Мечтаила и оттащил его подальше. В

корпусе зияла дыра, из которой внутрь била струя пламени.

— Что нам делать? — Спросил Светоч у ментаграммы.

Она ничего не ответила. Светоч с трудом вернулся на свое кресло и пристегнулся. Осталось только отдаться на волю судьбы. Вскоре все внутреннее пространство «птеродактиля» заволочло черным едким дымом. А еще через некоторое время раздались частые удары, а потом финальный, от которого Светоч потерял сознание.

Пришел он в себя в неудобном положении, вися на дереве вниз головой, до сих пор пристегнутый в кресло. В голове дико стучала пульсирующая боль. Левая рука болела. Светоч пошевелил ею и вскрикнул от боли. Кажется, у него был перелом плеча.

На земле под ним виднелся глубокий след развороченной земли. Светоч вывернул голову, чтобы посмотреть через спинку кресла. В тридцати метрах догорал «птеродактиль». От него мало что осталось. Светочу стало страшно, как никогда в жизни. Меньше всего ему хотелось оказаться на территории «диких», считающих его смертельным врагом. Он многое знал про их любовь к насилию и пыткам и морально совершенно не был готов. Когда-то он смотрел короткие репортажи об их нравах, вскипал негодованием, презрением, но никогда в жизни не думал, что это коснется его напрямую.

Надо было сменить положение, чтобы успокоить головную боль. Здоровой рукой нащупал кнопку застежки ремня и надавил. Ремень отстегнулся, и он свалился с десятиметровой высоты на мягкий гребень вывороченной земли. Светоч остался лежать, дожидаясь, когда утихомирится боль в руке и голове. Прошло десять минут. Как он ни прислушивался, надеясь услышать звуки продолжающегося боя или приближающегося «мастодонта» с целью помочь подбитому экипажу, ничего не услышал. Громче всего шумели кроны деревьев на ветру, да перекрикивались птицы.

Несмотря на свое тяжелое состояние, Светоч отметил, что воздух в лесу очень свеж. Он ожидал, что на дикой территории всегда нестерпимо воняет. Очень хотелось пить и чтобы ментаграмма, наконец, предложила ему какое-нибудь лекарство, ослабляющее боль.

— Эй, ты здесь? — Спросил он у своей навязчивой второй сущности.

Очень хотелось, чтобы рядом оказался хоть кто-нибудь.

— Ментаграмма из-за отсутствия связи с МАКом находится в автономном режиме. — Доложилась сущность.

— Что мне надо сделать, чтобы прошла боль?

— Дождаться устранения ее причин.

— Это я и без тебя знаю. А как же попить водички, чтобы все прошло?

Вопрос остался без ответа. Злость придавала сил. Светоч сел и стряхнул с лица налипшую грязь и хвою. Левая рука болталась, как не своя. Он даже боялся рассматривать рану, чтобы не потерять самообладание. Вдруг вспомнил про кулон и нащупал его под одеждой. Он был на месте. Стало горько до слез, что он больше никогда не увидит Коломбину. Что он так бездарно в свой первый рейд потерпел поражение от дикарей. От тех, кто в принципе не мог сравниться с ним в технологическом совершенстве.

Светоч поднялся, чтобы проверить, не выжил ли кто еще из экипажа «птеродактиля». Доковылял до дымящихся останков аппарата и вдруг увидел обгоревшее тело Радославы. Он узнал ее уцелевшую ступню по обуви. В нос ударил запах горелой плоти. Резкий спазм вывернул внутренности наружу. Светоч упал на колени и несколько раз содрогнулся всем телом в рвотном рефлексе. Ужасающие последствия скоротечного сражения просто не укладывались в голове. Всего пару часов назад Радослава была живой, полной надежд и

желаний, а сейчас ее обгоревшее тело смешалось с остатками сиденья. В это нельзя было поверить, не повредив собственную психику.

Светоч ушел подальше от подбитой машины. В нос навязчиво лез запах горелого мяса. И даже уйдя далеко, он держал рецепторы параноидальной хваткой. Светоч взял в руки пучок зеленой хвои и вдыхал ее, чтобы перебить отвратительный запах.

— Предельный уровень нежелательных гормонов. — Проснулась ментаграмма.

— Без тебя знаю. — Огрызнулся Светоч. — В чем смысл сообщать мне это, если не можешь помочь.

— Помощь может быть оказана, если мне удастся соединиться с МАКом. — Произнесла ментаграмма.

— Что это значит? МАК перешлет тебе посылку с лекарствами по указанному адресу?

— Мне нужно подтверждение на одобрение стимуляции эндокринной системы.

— Что? Я могу сдохнуть, а ты будешь ждать, когда папочка разрешит тебе меня спасти? — Закричал от негодования Светоч и схватился за голову от резкого болевого импульса.

— Так устроено наше взаимодействие. Советую не выходить из себя, чтобы не ухудшить самочувствие.

Нарочито спокойный голос ментаграммы еще сильнее выводил из себя. Светоч прислонился к сосне и долго стоял, уткнувшись лбом в ее кору.

— Куда надо идти? — Спросил он, после того, как злость отпустила.

— На возвышение. Там есть вероятность подняться выше области, покрытой системами подавления.

— Направление можешь задать?

— Нет. У меня нет карт местности.

— Бесплезная дрянь. — Выругался Светоч.

Он покружился на месте. Из леса не были никакой вероятности увидеть, где здесь имеется возвышение. Выбрал направление наудачу и пошел. Силы покинули его через час бесполезной ходьбы по однообразному маршруту. Казалось, что он никуда не идет, а топчется на одном месте. Светоч сел на поваленный ствол дерева и замер, пытаясь придумать, как выбраться из этой сложной ситуации.

По его прикидкам он находился примерно в пятидесяти километрах от диких территорий, где жило лояльное горожанам население. Как определить в какую сторону идти, Светоч не представлял. Он привык, что ментаграмма сама подсовывала ему все маршруты и направления, а без подсказки терялся. Большой мир казался ему лабиринтом, из которого невозможно найти выход не имея указателя.

Отдохнув немного и выслушав информацию о высокой концентрации нежелательных гормонов, Светоч продолжил путь. Ему повезло наткнуться на текущий в низине ручеек. Он знал, что вода в них содержала немыслимое количество загрязнений, но пить хотелось нестерпимо. Нагнулся над водой, выглядевшей очень чистой и не имеющей постороннего запаха. Запах был, но очень тонкий и даже приятный. Светоч сделал небольшой пробный глоток, готовый выплюнуть воду, если она покажется ему отравленной. Погонял по рту и сделал неожиданный вывод, что ее вкус намного лучше того, что он пил в городе. Проглотил и дальше пил неудержимо, не в силах остановиться. Откинулся, когда понял, что больше уже не влезет.

Как ни странно, после утоления жажды ослабла головная боль. Светоч посидел у ручья

несколько минут, ожидая реакции организма. Боялся, что начнется отторжение большого количества ядовитой воды, но состояние за это время ничуть не изменилось. Наоборот, стало только лучше. Он умылся прохладной водой, смочил волосы, избавляясь от едкого запаха гари. Водные процедуры взбодрили его. Если бы не рука, постоянно напоминающая о себе ноющей болью, жизнь показалась бы ему относительно неплохой. Густой лес казался Светочу хорошей защитой от дикарей.

Он пошел вверх по течению ручья, решив, что вода течет на уклон и, следовательно, он непременно должен оказаться на вершине. За час пути он так и не увидел никакого изменения уровня местности. Вокруг сплошной лес, густой и однообразный. Однажды его спугнули птицы. Они внезапно поднялись вверх всей стаей, вызвав у Светоча короткий ступор и обильное потоотделение. С перепуга он принял шум взлетающей стаи за работу неизвестного оружия.

Ближе к полудню он набрел на небольшую полянку, на которой ручей образовал болотце с камышами и большим количеством мошкары. Светоч почувствовал, что события дня настолько утомили его морально и физически, что упал на траву без сил и вскоре уснул. Проснулся от того, что чесалось лицо, уши, пальцы и особенно зудело между ними. Кровососущая мошкара облепила его и пировала, не зная страха. Светоч отбился от нее и долго чесал себя, расчесав кожу до крови.

Когда осмотрелся, понял, что начало вечереть. На поляну легли длинные тени от деревьев. Самочувствие, несмотря на нестерпимый зуд, улучшилось. Отдых пошел на пользу.

— Вот и без твоих препаратов мне стало лучше. — Укорил он ментаграмму.

— Этот способ имеет низкую эффективность из-за чрезвычайно отложенного действия. — Спорить с ней было бесполезно.

— Низкая эффективность у твоего метода поиска высокого места для ловли спутника.

— Помимо эндокринной терапии МАК узнает, что ты жив и вышлет помощь.

— Правда? Что-то я не помню ни одного занятия, на котором разбирали бы спасательные операции. Ты точно ничего не сочиняешь?

Ментаграмма не любила провокационные вопросы и потому ничего не ответила. Светоч поверил ей, потому что она вдохнула в него надежду и силы идти дальше. Не прошло и получаса после разговора, как промеж деревьев появился просвет. Светоч вышел на опушку леса. В сотне метров от нее располагалось небольшое поселение из одно и двухэтажных домиков. На улице виднелись люди и домашний скот. Часто доносился протяжный вой и собачий лай.

Светоча пугало сообщество дикарей, но он увидел на краю поселка высокую мачту, заканчивающуюся антенной с красными лампами на верхушке. Ментаграмма позволила рассмотреть ее в деталях. На ней была лестница, ведущая на самый верх. У него сразу появился план, дожидаться темноты, забраться даже с помощью одной руки и поймать сигнал от спутника. Даже если МАК не пришлет за ним помощь, он сможет нарисовать ему маршрут до безопасного места. Он готов был вынести тяжесть пешего перехода лишь бы скорее сбежать с опасной территории.

С наступлением ночи снова активизировалась мошкара. Она была такой же дикой и надоедливой, как и все, что жило на территории вне городов. Несмотря на протесты Светоча, выражающиеся в виде размахивания веткой с листьями, они все равно находили пути добраться до открытой кожи. Как только наступила полная темнота, и мачта пропала из вида, Светоч направился к ней. Красные пульсирующие огоньки на самой вершине

служили ему ориентиром. Он подошел к основанию мачты. Была мысль, что антенна создаст помехи для контакта его «клещ» с МАКом, но другого варианта не было.

Труднее всего оказалось подняться на лестницу, которая начиналась с полутора метров, пользуясь одной рукой. Светочу пришлось применить чудеса акробатики. Крепко держась одной рукой за перекладину, он босыми ногами, чтобы не скользить по металлу, поднялся по столбу. Заклинил ноги в распорку на железной скобе и перехватился здоровой рукой на скобу выше. Потом дело пошло намного легче. И все равно до вершины он добрался вымотавшийся полностью.

В награду за это «клещу» удалось поймать сигнал от спутника. Ментаграмма сразу после получения одобрения на манипуляции с эндокринной системой Светоча произвел выброс гормонов, отвечающих за хорошее самочувствие.

— Уходи в лес на безопасное расстояние от поселения диких. За тобой прибудет спасательный транспорт. — Пообещала ментаграмма.

Эта новость взбодрила Светоча сильнее выброса гормонов. Он спустился вниз и прыгнул на землю. Рядом что-то металлически лязгнуло, зажглись несколько фонарей и грубый мужской голос произнес:

— Ну, всё, голубчик, отбегайся.

Глава 9

От страха Светоча сковал мышечный ступор. Он не мог произнести ни слова, ни двинуть конечностями. Он даже не мог испугаться, потому что разом лишился контроля над телом и мыслями.

— Надо же, онемел. — Усмехнулся дикарь. — Или это у него защита какая-то новая?

Мужики заржали над его шуткой.

— Сейчас военные приедут и проверят, что у него, новая защита или придуривается. Семен, посмотри, что у него с рукой, перелом или вывих.

Коренастый бородатый мужчина с красным лицом нагнулся над Светочем, стянул китель с больной руки и, не церемонясь, осмотрел ее, разминая пальцами. От боли Светоч застонал. Краснолицый ухмыльнулся в бороду и резко дернул руку на себя. Яркая молния ударила Светочу в голову и вышла через руку. После дикой манипуляции боль вдруг ослабла.

— Это был вывих. — Сообщил краснолицый. — Паренек легко отделался. — Он нагнулся над Светочем. — Ну, дружище, рассказывай, чего тебе не жилось в городе?

— Ничего он не расскажет. Не видишь, сопляк не в себе. — Со знанием дела произнес мужчина в клетчатой рубашке с подвернутыми до локтей рукавами.

— Сопляк? Они все из города выглядят на один возраст, что двадцать, что сорок. Эй, сыкло, тебе сколько лет?

Светоч может и ответил бы, но его челюсти свело так, что никакая сила не могла их разжать.

— Ща обоссется от страха. — Решил краснолицый. — Злой и трусливый, как мой пекинес.

— Предельный уровень мышечного тонуса. — Сообщила ментаграмма. — Включаю режим расслабления.

По телу Светоча растеклась приятная слабость. Мышечные спазмы ушли, что не осталось незамеченным от глаз пленивших его людей.

— О, смотри, моргать начал. Видать в себя приходит. Парень, ты меня слышишь? Моргни, если да.

Светоч моргнул. Мужчины почему-то стали смеяться над ним.

— Я слышал, у них в тело встроена бомба. Если долго не выходит на связь, она уничтожает его. — Поделится слухами мужчина в спортивных штанах и майке. — Звери, нечего сказать. Никого не жалеют, ни своих, ни чужих.

— Говорят у них там такие порядки, что если что-то увидишь своими глазами, что тебе не так рассказывали, то в живых не останешься. Этому гаврику так и так хана. Может, сами его грохнем, пока он полумертвый? — Предложил мужчина в клетчатой рубашке.

— Додумайся тоже, Кузьма. Много ли их попадает в плен. Я вот ни одного живого одержимого не видел. Если сам не взорвется, сможет поделиться с военными какими-нибудь секретами. — Предположил краснолицый Семен.

— Ничего он не расскажет. Он же запрограммированный. Сдохнет, как только попытается. Проверено уже много раз. — Настаивал Кузьма.

— Отставить самоуправство. Ждем военных и больше никакой отсебятины. — Семен рубанул рукой воздух. — Ну, парень, хочешь жить, давай, рассказывай.

— Что... — Светоч облизал пересохшие губы, — рассказывать?

— Во, заговорил! — Обрадовался Кузьма. — Рассказывай, как зовут вначале.

— Све... Светоч? — Тихим голос произнес пленник.

— Света-Светоч. — Семен заржал. — У меня жену так зовут, Света. Выходит, вы с ней тезки.

Светоч не понял причин для смеха. Его имя казалось ему обычным и женщинам оно никак не шло.

— Тьфу, сектанты. — Плюнул Кузьма. — У них, что не имя, то обязательно какое-то блаженное, как для юродивых. Помнишь, мужики рассказывали про какого-то... — он защелкал пальцами, силясь вспомнить, — как там его, думал никогда не забуду, а, Радомысл.

— А я слышал, одного звали Смехозавр. — Смеясь, произнес мужчина в клетчатой рубашке.

— Да не Смехозавр, а Смехозар. — Исправил его Семен. — Отличное имя для комика. Был бы поваром, звали Борщеславом или Макарондием. Вот тебя бы в городе звали Медомысл.

— А тебя как? Яйцerezославом? Или Кастратием?

Мужчины снова принялись смеяться, беспричинно для Светоча.

— Может, ему водки дать, а то он бледный какой-то? — Предложил Кузьма. — Порозовеет.

— Да хватит уже придумывать. Сдадим, как есть. Неизвестно еще, можно ему алкоголь или нет. Вдруг у них там уже генетические изменения настолько значимые, что водка стала ядом.

— Водка яд? — Усмехнулся Кузьма. — Скажешь тоже. У меня тесть однажды отравился кислым молоком. Сделал всего пару глотков и чуть не умер от обезвоживания. Вот это был яд, а водка это напиток для установления доверительных отношений и расширения границ познания мира.

— Алкаш ты, Кузя. — Усмехнулся мужчина в клетчатой рубахе. — Но с философией.

— Неправда, не алкаш. У алкаша одна цель, напиться в зюю и забыться, а меня алкоголь на всякие высокие вещи подбивает.

— Какие же? — Усмехнулся Семен.

— Поэзия. — Гордо подняв подбородок, сообщил Кузьма. — О природе пишу, о том, что вижу.

Его признание рассмешило товарищей. Они даже забыли о Светоче.

— А ну-ка, прочти что-нибудь. — Предложил Семен. — Надо же, всю жизнь тебя знаю, а тут такие дела.

— В другой раз. Мне нужен настрой.

— А сочинить можешь? — Спросил Семен.

— Я же говорю, только под вдохновение, а для него нужен настрой. — Скромно признался новоявленный поэт. — Ладно, вот набросок. Поймали лихие стрелки, бойца, явившегося к нам с того света. Как зайца словили в силки, а звали его мальчик Света. — Выдал он рифмованный перл.

Секундный ступор прервался громким смехом.

— Ну, ты мастер рифмоплет. — Кузьма вытер слезы. — Мальчик Света с того света.

С улицы раздался шум подъехавшей техники, стук дверей.

— О, кажись, военные приехали. — Мужчина в клетчатой рубашке пошел открывать

дверь.

У Светоча заглодело внутри, и снова появились признаки мышечного спазма. Он представил, что ему сейчас станут отрезать голову безжалостные люди. В помещение вошли двое в почти такой же форме, как и у него самого.

— Вот он, диверсант. Полез на антенну, и мы сразу засекли его сигнал. Ничего не говорит, то ли от страха, то ли у него чип блокирует мышечную активность. — Доложил Кузьма. — Смог только имя свое назвать.

— А ну-ка рассмеши. — Попросил военный.

— Светоч. — С нескрываемой иронией произнес имя Кузьма.

Смешно стало всем.

— Удивительно, что он все еще живой. — Военный сел на корточки перед пленником и оттянул ему веко. — Зрачок нормальный. Я думаю, он с одного из летательных аппаратов, которые сбили утром. Выходит, что он жив больше десяти часов.

— А чего ему умирать? — Спросил Семен. — Мы его не трогали.

— Когда у них теряется связь с центром, включается режим самоликвидации. Если не заглушить сигнал, они живут около двух часов, а потом бац, и разрыв брюшной аорты. Эй, Светоч, расслабься. — Военный постучал его по щекам. — Тебе что бракованный чип вшили.

Он полез расстегивать китель. Светочу вдруг стало страшно, что тот увидит кулон, подаренный Коломбиной, и заберет его. А он не мог допустить этого, чувствовал, как в нем в унисон бьются их сердца. Попытался помешать военному, но словил жесткий подзатыльник.

— Чего ты там прячешь? — Военный полез под китель с большей настойчивостью. — Ничего чего себе, старлей, глянь, что у этого блаженного на шее.

Другой военный нагнулся посмотреть на кулон, лежавший в руке напарника. Тот сдвинул его верхнюю часть в сторону, обнажив под ней электронную плату.

— Это же глушилка, но сделанная явно не у нас. — Старлей повертел кулон в руках. — Откуда он у тебя, парень?

Светоч молчал, изображая нервный ступор, боялся выдать Коломбину, веря, что она понятия не имела о предмете, который подарила.

— Лучше расскажи сам, иначе придется делать это под сывороткой правды. А после нее не каждый человек способен остаться нормальным.

— Мы его забираем. — Произнес военный. — Спасибо, что задержали. Фрукт, похоже не простой. Спасибо за бдительность, мужики.

— Да не за что. Забирайте, не жалко. Хорошо, что не бешеный оказался и собак не покусал. — Пошутил Семен. — А то в том году бешеные корсаки одолели.

Светоча насильно поставили на ноги и выволокли из дома. Он хотел идти сам, но ноги не слушались. Его усадили в салон большого автомобиля, похожего на грузовик, который водила Коломбина. Один военный сел за руль, второй рядом со Светочем. Дорога в шумном и неторопливом автомобиле заняла около получаса. Остановилась машина у широких ворот. Светочу помогли выбраться и потащили дальше.

Провели через небольшое здание с турникетом. Потом через ночной парк, в котором пели ночные птицы и завели в подвал здания, чем-то напоминающий здание с жилыми модулями своей неказистой геометрией.

В ярко освещенном подвале, пропитанном неприятной вонью, находились люди в пятнистой форме и белых халатах.

— Так, так, живой экземпляр. — К ним подошел мужчина в халате с седой аккуратной бородкой. — Какая удача. Сейчас медсестра приготовит укольчик, и мы посмотрим, что у тебя внутри зашито. — Произнес он, внимательно рассматривая Светоча. — Что там ваш силиконовый царь придумал нового, чем еще окольцевал своих слуг.

— Вы только не убейте его. — Попросил военный. — Мы очень рассчитываем допросить его после.

— Глупая затея. — Ответил мужчина в халате. — Что он может знать? Он же винтик. С таким же успехом можно допрашивать пылесос или стиральную машинку.

Девушка, прикрытая маской до черных глаз, почти таких же, как у Колумбины, сделала Светочу укол в здоровое плечо.

— Сейчас мышечный спазм ослабнет. — Пообещала она приятным голосом.

— Мы настаиваем, чтобы вы проявили осторожность. — Не унимался военный.

— Ну, разумеется. Я это и без вашей просьбы сделаю. Вообще, надо беспокоиться не о том, чтобы я его случайно не зарезал, а том, как он переживет ломку после отключения чипа.

— А что, от этого бывает ломка? — Военный слышал об этом впервые.

— Представьте себе, что вы живете с этим чипом всю жизнь. Что он является неотъемлемой частью организма, чуть ли не главнее мозга влияющий на многие физиологические процессы. По влиянию на эндокринную систему так точно главнее мозга. И вот у вас его отключают. Разумеется, организму придется подстраиваться под работу без него, а это полный раздрай всех функций на неделю или больше. Так что, ребята, держите кулачки на удачу, а я сделаю все от меня зависящее. Если что, выговор влепят мне, а вас ждут награды в любом случае.

— Начальство просило сохранить. — Военный приблизился к уху доктора и прошептал. — Считают, что этот тип может представлять какой-то интерес.

— Скажите начальству, что я их услышал, принял к сведению все пожелания и сделаю все возможное и невозможное. Пациент будет находиться на аппарате по искусственному поддержанию жизни до тех пор, пока не пойдет на поправку. Так вас устроит?

— Да, устроит. — Ответил военный. — Так и доложу.

— Вот и замечательно. — Доктор с облегчением отвернулся от военных и обратился к персоналу. — Галочка, Николай, возьмите больного, уложите на каталку и везите в операционную.

Светоч никогда не слышал про операционные, но слово ему очень не понравилось.

— Скажите, а зачем мне туда? — Спросил он.

— Ого, разговаривает. — Удивился доктор. — Вам туда надо, чтобы не умереть по милости вашего кибернетического господина, который не оставляет свидетелей. Мы освободим вас от уз цифрового рабства. Вы станете человеком, каким и должны быть, а не придатком умной машины, возомнившей себя повелителем судеб.

— Исход вмешательства может оказаться смертельным?

— Может, но вы уже об этом не узнаете, потому что будете находиться под наркозом. О такой легкой смерти можно только мечтать. — Доктор решил, что немного черного юмора не помешает.

— Отпустите меня. Я уйду на лояльную городу территорию, и вы больше никогда обо мне не услышите. — Глаза Светоча увлажнились.

Ему очень хотелось жить. Сама мысль о смерти казалась невероятной, дикой, безумной.

Он молод и должен жить до старости, как и положено человеку. Непонятен был интерес этих людей к его «клетке», связывающему с МАКом. Какое им было дело до того, какие у них отношения. Он же не лез вживлять им чипы, чтобы они обрели счастье стремления к всеобщей гармонии.

Перед глазами мелькали лампы длинного коридора. Наконец, каталка остановилась, открылась дверь, и его закатили в белое помещение с огромной лампой в центре. Переложили на стол под лампу и сразу же закрепили руки и ноги в тугих зажимах. Светоч увидел краем глаза блестящие холодным блеском хромированные инструменты и понял, его будут пытаться. Отрезать части тела, как показывали в роликах про дикарей. Оказывается там не врал и не преувеличивали, как иногда казалось.

— Сейчас ты уснешь, а проснешься другим человеком. — Пообещал доктор.

Мужчина в очках, Светоч еще не знал название и предназначение этого предмета, надел ему на лицо маску со шлангом. Светоч вдохнул несколько раз и приятно поплыл, слушая и наблюдая происходящее со стороны. Постепенно его поглотила темнота, наполненная звуками, а затем начались странные фантазмагорические сны.

Пробуждение было постепенным. Он вроде как просыпался, оказывался во вращающемся мире и снова засыпал. В моменты пробуждения совершенно не понимал, где находится и что происходит, но внутри не проходило неприятное чувство опасности. Как ни силился Светоч, но объяснить самому себе ничего не получалось. Так было, пока он не услышал голос и сразу вспомнил, что он принадлежал человеку с аккуратной бородкой, который собирался резать его на части. Тут вспомнилось и все остальное. Как только сознание наполнилось страхом, раздался подозрительный писк.

— Ага, очухался, питомец. Спокойнее, спокойнее, тебе нельзя волноваться. — Бородатое лицо в повязке нависло над Светочем. — Операция прошла успешно, маленький чип, висевший на аорте, удалили совсем, тот, который на зашивке, отключили, но вырезать не стали, слишком близко к спинному мозгу.

Голова еще кружилась, а мир почему-то казался блеклым и пустым. В нем явно чего-то не хватало.

— Моргни, если слышишь меня. — Попросил доктор.

Светоч моргнул.

— Отлично. Сейчас дотронусь до стопы, если чувствуешь, моргни.

Он притронулся к ноге ледяной железкой. Светоч нервно дернул конечностью.

— Можешь не моргать, так вижу. Значит, без работающего чипа нервная система работает. Это хорошо. Мы тут тебе капельницу поставим, будешь на подсосе неделю, на легких транквилизаторах, как ты привык, чтобы дуба не дать с непривычки. Будешь все время в легком опьянении, не заметишь, как время пройдет, как рана зарастет. Если понял, моргни.

Светоч вяло моргнул. Он уже устал от информации, которую услышал и снова захотел провалиться в сон.

— Галочка, поставь пациенту капельницу. — Распорядился доктор.

Пришла девушка в белом халате. Подкатила к кровати шлангу на колесах с бутылкой вверх дном и трубкой, оканчивающейся иглой. Бесцеремонно всадила ее в локтевой сгиб и открыла кран на бутылке. Через несколько секунд Светочу стало хорошо, и он снова уснул, но на этот раз спокойно.

Неделя, отпущенная доктором на заживление, прошла мгновенно. Светоч приходил в

себя в мокром подгузнике. Его меняли, снова подключали к капельнице, дарившей блаженство и так много раз. Дни и ночи смешались. Пропало ощущение прожитого времени. Когда приходила черноглазая девушка, он вспоминал Колумбину и даже как будто просыпался сильнее, но аппарат регистрирующий его жизненные процессы сдавал Светоча с потрохами. За это ему увеличивали дозу, и воспоминания о Колумбине растворялись в медицинских препаратах.

— Значится так, с сегодняшнего дня будем выходить из коматозного состояния. — Как-то утром доктор зашел в палату и откинул шторы, наполнив ее светом.

Затем открыл окно. В палату ворвался свежий ветер, пахнувший сырой листвой и начинающейся осенью.

— Сильный запах. — Произнес слабым голосом Светоч.

— Воняет? — Доктор подумал, что больной просто так интерпретирует из вежливости.

— Хорошо... пахнет.

— Это осень, дружок. Раз и началась. Осенняя пора, очей очарованье.... Как самочувствие? С сегодняшнего дня будем потихоньку вставать и расхаживаться. Готов?

— Готов. А потом... когда начну ходить?

— Понятия не имею. Это не моя забота. Я сделал то, что меня просили. Вырезал из тебя один ошейник, а другой отключил. Если бы не глушилка, которая была с тобой, ты сейчас разговаривал не со мной, а с апостолом Петром на пороге в рай, или в ад. Не знаю, куда попадают жители киберконцлагеря.

— Вы про кулон?

— Про него. Только я его в глаза не видел. Его забрали военные после операции. До этого боялись, что бомба на твоей аорте рванет.

— Это передатчик, его называют гнидой.

— Гнида, ха-ха, это точно, мерзкая вещица. Если не секрет, откуда у тебя этот кулон? Насколько я понимаю, он точно сделан не вашим киберядром. Эта вещица действовала как раз против него.

Светоч собрался рассказать, но вдруг передумал. Это могло как-то повлиять на Колумбину.

— Нашел на внешнем кольце под деревом. — Соврал он.

— Не хочешь, не говори. Наши спецсы сами разберутся, откуда он и как оказался у тебя. А ты вообще-то не засланный в вашу Тулсу? Не с нашей ли стороны агент?

— Я родился в Тулсе. Всегда там жил и ни разу не выезжал. — Признался Светоч. — А кто такие агенты?

— Да это я так брякнул, с провокационной целью, посмотреть на твою реакцию. — Доктор смутился. — Значит, вечером будут тренажеры, готовься.

Вопрос застрял в голове. Откуда у Колумбины оказался глушитель, замаскированный под драгоценность. Версия с мамой не выдерживала проверки. Устройства типа «гниды» постоянно менялись, чтобы противник не расслаблялся и поэтому кулон-глушилка должен быть произведен совсем недавно.

Светоч еще неделю каждый день возвращал атрофировавшимся мышцам силу на тренажерах. Доктор прописывал ему пищу, богатую белками. Светоч заметил, когда полностью смог осознать разницу в ощущениях после отключения чипа, что мир стал менее ярким. Ментаграмма создавала фильтр, делающий его насыщеннее. Вначале это показалось Светочу унылым, но потом он понял, что такая картинка не напрягает, а наоборот дарит

умиротворение. Так же исчезли все подсказки и информация, касающаяся окружения. Исчезли умения улучшения зрения, слуха, обоняния и прочее, то, что устройство умело усиливать. Светоч к ним очень привык и чувствовал себя немного обделенным. Но было то, что в корне изменило его мироощущение, и это была пища. У дикарей она была намного вкуснее и натуральнее. Несмотря на первоначально брезгливое отношение к продуктам из мертвых животных, Светочу не составило большого труда избавиться от него. Про бутерброды «дикие» тоже слышали, но считали их нездоровым, но удобным перекусом в рабочее время. Даже они оказались намного разнообразнее и вкуснее тех, которые МАК раздавал за самые высокие рейтинги. Если бы не соусы, вкус городских бутербродов напоминал бы съедобный материал стаканчиков.

Прошел страх, вернее ушел далеко на задний план. Светоч еще не доверял «диким», особенно тем военным, которые ждали его излечения. Однако в подвале, который называли госпиталем, к нему все относились нормально, а медсестры так и вообще испытывали небывалый интерес. По их признаниям, они впервые в жизни видели живого получеловека. Светоча задело такое определение горожанина, сосредоточия лучших человеческих качеств, но и он вынужден был признать, что «дикие» оказались совсем не такими, какими он ожидал увидеть. Касаясь женщин МАК врал беспардонно. Они были хороши и даже очень и умели общаться с противоположным полом, в отличие от горожанок.

Казалось, Светоч уверенно пошел на поправку, но случилось то, о чем предупреждал доктор. Началась ломка. Толчком к ее началу послужило респираторное заболевание, одолевшее сотрудников госпиталя. «Дикие» переносили болезнь, не обращая внимания. Ночью Светоч проснулся от того, что начал задыхаться. Болела голова, саднило в горле, будто он обжег его кипятком. Попытался встать и не смог из-за закружившейся головы. К тому времени он был отключен от всех аппаратов и потому никто из дежурных не знал, что с ним происходит.

Начало сводить мышцы. Стоило сжать руку в локте, как бицепс сразу собирался в комок, не позволяя ее разжать. Нельзя было сжать зубы, чтобы не вызвать спазм челюстных мышц. Светоч понял, что если он ничего не предпримет, то не доживет до утра. Он упал с кровати и пополз к двери, мыча, вместо крика. Последнее, что сохранила его память, как он стучал кулаком в дверь.

Пришел в себя снова под капельницей. Медсестра сидела в углу и дремала, опершись спиной на спинку стула. Светоч очень хотел по маленькой нужде и очень стеснялся ее присутствия. Аппарат, к которому его снова подсоединили через датчики на теле, пикнул и девушка проснулась. Увидела его открытые глаза и улыбнулась.

— Привет. — Произнесла она устало, видимо не спала всю ночь.

— Привет. Я что, был без сознания? — Спросил Светоч.

— Ага, три дня и три ночи. Ты даже был в коме. Пришлось снова активировать твой чип, другого шанса спасти тебя не было.

Светоч посмотрел по сторонам. Действительно, картинка снова стала сочнее, и ему удавалось использовать функции улучшения зрения и слуха.

— Мне хочется в туалет. — Через смущение признался он.

— А в чем проблема. Давай, пруди, на тебе надет большой подгузник.

— Я стесняюсь при вас. — Светоч покраснел.

— Напрасно. Я за тобой уже столько всего вынесла и столько раз мыла тебя, что даже не знаю, чем ты меня можешь удивить. — Медсестра направилась к дверям. — Пойду,

Евлампия Сергеевича обрадую. Он очень переживал, что ты не выкарабкаешься. — Произнесла она напоследок.

Светоч решил, что человек с таким смешным двойным именем тот самый доктор с бородкой. Сходить в туалет под себя оказалось не так просто. Психологический барьер мешал совершить противоестественный акт испражнения лежа в кровати. Пришлось напрячься и после испытать жуткое чувство стыда за совершенное, а так же за собственную беспомощность. По коридору разнеслись быстрые шаги. В палату влетел доктор, резко подошел и сел напротив Светоча. Заглянул в конъюнктивы, пощупал пульс, посветил фонариком в глаза.

— Как самочувствие, больной? — спросил он озабоченно.

— Слабость, легкое головокружение, першение в горле. — Доложил Светоч про все отклонения от нормы в своем состоянии.

— Да уж, забыли мы, что у вас концлагере никаких сезонных заболеваний не бывает. Вернее, не знали этого точно. Вы же там стерильные, как по здоровью, так и по кругозору. Пришлось активировать твой чип, чтобы кони не двинул. Иначе вместо меня уже разговаривал бы с Богом. Должен признать, этот ваш цифровой господин крепко привязал людей к себе. Вы же практически не жизнеспособны без чипа. Вам нужны идеальные условия, чтобы ни одного микроба вокруг не было, чтобы ни дай бог, не вызвать легкое недомогание.

— А второй чип тоже вернули? — Поинтересовался Светоч.

— Нет, зачем. Он у военных и на твое самочувствие никак не влиял. У него была только одна задача, ликвидировать тебя в случае неблагоприятного развития ситуации.

— А скоро я смогу ходить? Мне жутко неудобно ходить в туалет прямо в кровати.

— Скоро. Думаю, ты сможешь вставать уже сегодня к вечеру. В любом случае, через три дня ты переходишь в руки военных. Так что, чем быстрее ты придешь в себя, тем лучше. Эти парни миндальничать не станут. Они клятву Гиппократу не давали.

— А зачем я им? — Светоч испугался.

— Без понятия. По мне, так ты совершенно бесполезен как для них, так и для самого себя. Сколько тебе лет?

— Тридцать.

— Ну, тридцать еще терпимо. Может, и научишься чему-нибудь. Хотя, у медперсонала ты имеешь некоторый успех. Ты для них как гость из далекой экзотической страны.

— Они видели меня голым и мыли, пока я был без сознания. — Светочу было неприятно знать, что они видели его голым в беспомощном состоянии.

— А тут таких много. Это же медицинское заведение. Есть много парней с ранениями по вашей вине, которые тоже лежат, кто без рук, кто без ног и ходят под себя, а девчонки о них заботятся.

— Вы же тоже хотите нас уничтожить.

— Мы? Ты хоть раз видел, чтобы в вашем городе что-то взорвалось по нашей вине?

— Нет, но у нас хорошая зенитная система.

— Если бы мы хотели вас уничтожить, то никакая система вас бы не защитила. Просто мы люди, а вы придатки электронного мозга, которому человеческое чуждо. — Доктор нервно встал со стула. — Вечером приду на обход. — Сообщил он и вышел.

Глава 10

Светоча одели в серо-голубую пижаму и проводили через черный ход в ожидающий во дворе автомобиль. На душе было волнительно, но уже совсем не так, как раньше. Он успел поверить, что его жизнь намного интереснее «диким», чем смерть. Машина оказалась тихой и мягкой, чего он не ожидал. Пока ехали по населенному пункту, с интересом рассматривал окружающую действительность. Структурно она была похожа на Тулсу улицами и домами, но воплощением идеи сильно отличалась.

Здесь не было единой архитектурной концепции, гармонично сочетающей многие элементы инфраструктуры города. Не было садов на высотках, воздушных мостов, фонтанов, увлажняющих воздух, высоких деревьев со стройными кронами, непролазных плотных кустов, ограждающих городские локации. Город «диких» выглядел хаотическим нагромождением, случайностью, которой суждено было стать местом жительства большого скопления людей. В отдельности можно было найти приятные глазу места, но в целом, город вызывал неприятие. Даже, несмотря на отсутствие едкого смога, который он ожидал увидеть и унюхать.

Светоч решил, что это происходит от того, что «дикие» не стремятся к гармонии. Подсознательно ими управлял хаос, выражающийся в подходе во всем визуальном. Попадались деревья с сухими ветвями, некрасивые, кособокие. Попадались дома с обшарпанными фасадами. Неровные пешеходные дорожки с застоявшимися в ямках лужами. Обширные пятна открытой земли, обезображенные следами колесной техники.

— Что, нравится? — Спросил военный, сидевший за рулем и наблюдающий за Светочем в зеркало заднего вида.

— Можно найти красивые места. — Светоч не смог сделать полноценный комплимент.

— Только места? Видел я ваш город со спутника, микросхема, а не город. Ничего живого, человеческого. Может и красиво, но исключительно, как продукт бездушной технологии, холодно и неуютно.

Светоч промолчал. Он был не согласен с человеком, но не хотел его раздражать.

— А ты своих родителей знаешь? — Неожиданно поинтересовался второй военный, сидевший справа от водителя.

— Да, а что?

— Да у нас тут ходят слухи, что вы все из пробирики рожденные и воспитанные искусственным интеллектом. Что родителей своих никогда не видите и не испытываете в этом нужды.

— Родители воспитывали меня до трех лет, потом отдали в детский сад и с тех пор моим воспитанием занимался МАК, но при этом я жил в семье. Есть такие, кто не живет, но это ни на что не влияет.

— Мак говоришь, да уж, цветок из которого делают опиум. Какая ирония. Вот и вы всю свою жизнь проводите в опиумном бреде и непонятно для чего живете. Доктор сказал, что ты чуть кони не двинул без чипа, который тебе поставил МАК.

— Он мне тоже так сказал. Для нас очень важно всегда быть на связи, чтобы МАК знал все мои интересы и мог вовремя помочь, если что-то пойдет не так. Мы не боеем, не страдаем благодаря его своевременной заботе.

— Ага, цифровой бог, не иначе. И он тебе помог, когда пошло не так и отправил на войну? — Военный повернулся вполоборота и посмотрел в глаза Светочу.

— Я сам был виноват. Сильно нарушил Устав Гармонии в профессиональном рейтинге.

— Или ты нарушил, или тебя на это спровоцировали. Никто из вас, выросших в ненормально тепличных условиях ни за что самостоятельно не вызвался бы сесть за штурвал боевого аппарата, вот МАКу и приходится выявлять самых неблагонадежных и отправлять их на убой.

— Откуда вам это известно? Я же первый, кого вы взяли живым? — Светоча задело заявление военного, хоть он и не считал его неправым.

— Оттуда. Чтобы снять образ операционки с чипа, живой человек не нужен. Твоя ментаграмма заботится не о тебе, а о том, чтобы у МАКа не было проблем с вами.

Светоч хотел возразить, но наткнулся на холодный взгляд военного в зеркале заднего вида и промолчал. Автомобиль выехал за пределы города и остановился. Мужчина, сидевший с пленником на заднем сиденье, вынул из кармана спинки черный чехол.

— Надень на голову. Ты не должен видеть, куда мы тебя повезем. — Приказал он.

Светоч надел небольшой мешок, через который ничего не было видно, но дышать ткань не мешала. Подумал, что наивные дикари ничего не знаю про «клеща», который запомнит весь маршрут, как один из военных произнес:

— Включай глушилку.

После этого Светоч понял, что «клещ» неработоспособен. На мысленные приказы ментаграмма не откликалась или несла полную околесицу. Дорога заняла приличное время, больше часа. Судя по ощущениям, ехали они быстро, следовательно, могли уехать от границы с лояльной городу территории больше, чем на сотню километров.

Машина остановилась. Мешок с головы снимать не разрешили. Светоча куда-то повели, крепко держа за локоть. Они долго спускались в лифте, петляли гулкими коридорами, пока не оказались в тихом месте, пахнущем кофе и горячим пластиком. С головы Светоча сдернули мешок. Он осмотрелся. В небольшом помещении с несколькими экранами, на которых показывались, судя по всему, панорамы Тулсы со спутника, находились четыре человека. Трое мужчин, один из которых привез его сюда. Он и еще один в военной форме, третий в гражданском костюме. Женщина была одета строго, но тоже в гражданскую одежду.

— Вот перед вами тот самый живой экземпляр, оторванный от сиськи вычислительного ядра. У него есть имя, Светоч. У них там вообще с именами полный порядок, только позитив и радость. — Представил его военный, привезший из больницы.

— Дайте ему стул, пусть сядет. — Попросила женщина. — Вы не пленник Светоч, вам ничего не грозит. Расслабьтесь и просто общайтесь с нами. Меня зовут Надежда, я ваш психолог. Помогу вам освоиться в новой среде.

— По мне, так имя Надежда звучит, будто его дал МАК. — Произнес Светоч.

Психолог рассмеялась и посмотрела на коллег.

— Почему ты нам ничего об этом не рассказывала. — Поддел ее мужчина в гражданском.

— Обязательно расскажу, но как-нибудь в другой раз. — Она дождалась, когда Светоч сядет на стул, подвинула к нему свой стул и села почти напротив.

Остальные сели чуть дальше, давая понять, что именно Надежда будет вести разговор. Психолог проникающим взглядом рассмотрела Светоча в упор. В Тулсе непринято было

смотреть на людей пристально. Это считалось дурным тоном. Каждый имел право на личное пространство. Он отвел взгляд. Надежда вынула что-то из кармана и протянула руку вперед. На ладони лежал кулон, подаренный Коломбиной.

— Откуда у тебя появился этот кулон? — Спросила она, глядя прямо в глаза.

— Мне его подарили.

— Кто? Нам важно знать личность, которая им владела?

— Этому человеку будет что-то угрожать после того, как я назову имя? — Спросил Светоч.

— Нет. Я полагаю, он находится в городе, а мы за барьер проникнуть не способны.

— А как тогда он попал туда?

— Отвечай на вопросы, а не строй свои гипотезы. — Попросила Надежда. — Итак, кто тебе его передал?

— Это был человек, который работал на очистке защитного барьера. Я думаю, он мог не знать, что у кулона имеется электронная начинка. — Светоч хотел до последнего не раскрывать имя Коломбины.

— Этот человек, женщина? — Надежда буквально впиалась в глаза пленника.

Он хотел соврать, что мужчина, но тогда бы выставил себя в жутком виде.

— Да. — Светоч потупил взгляд.

— И у вас с ней любовь? — Надежда читала его мысли.

— Да. — Светоч покраснел.

— Назови имя, пожалуйста. Нам необходимо это знать. Ей ничто не угрожает. — Произнесла психолог, делая паузы между словами.

Светоч заерзал на месте. Он не доверял этим людям. Они были врагами, и верить им на слово он не собирался. Надежда поняла его чувства и ослабила хватку. Ее взгляд стал добрее и мягче.

— Ладно, можешь пока не называть. Уверена, что позже, когда ты поймешь, что ей ничего не угрожает, ты сделаешь это без принуждения. Так, господа, — она повернулась к мужчинам, — теперь ваш черед.

Светоч снова напрягся и беспокойно забегал глазами. Мужчина в гражданской одежде сел ближе и раскрыл папку с бумажными листами внутри.

— Меня зовут Николай. Я представляю службу, которая занимается разведкой. Часть людей, отобранных вашим МАКом для пополнения генофонда, являются нашими агентами. Этот кулон сделан службой, аналогичной нашей, но не возле Тулсы. Мы установили, что он был сделан в районе Карибского бассейна. Следовательно, агент, который тебе его передал, приехал оттуда. Мы предполагаем, что это девушка или женщина экзотической внешности. Таких, по нашим сведениям, за последние десять лет в Тулсу попало пятьдесят три персоны. У меня имеются фотографии всех. Я буду тебе показывать каждую, но тебе не надо никого называть. Просто смотри. Понятна задача?

Светоч посмотрел на Надежду, потом кивнул. Он уже понял, что люди знают свое дело и все его попытки юлить и уворачиваться все равно окончатся желаемым для них результатом. Николай вынул первую фотографию. На ней была мулатка, но не Коломбина. Светоч смотрел и ничего не делал. Когда ему показали фотографию Коломбины, на которой она широко и жизнелюбиво улыбалась, нервы сдали, увлажнились ладони, сбился пульс, но он постарался не подать вида. Только Николая провести не удалось.

— Значит, это она, Коломбина. — Он усмехнулся. — Отличный выбор.

— Что ей грозит? — Спросил Светоч. — Она очень хороший человек.

— Человек? Не дикарка? — Переспросил Николай. — Вы же не считаете нас за полноценных людей.

— Она не такая.

— Мы это уже поняли. И ты не такой, и она не такая, вот между вами и искрануло.

— А что могут делать ваши агенты на внешнем кольце? — Светочу пришла мысль о бесполезности что-либо узнать в удаленном от города месте.

— Мы собираем сведения. Агентам делать особенно ничего не надо. Пусть живут так, как требует этого ваш МАК. Дай бог ему здоровья и цифрового долголетия. Кулон, который тебе передали, это не только глушилка сигналов, но и штука для сбора информации. По плану, твоя Коломбина должна была передать ее своему ребенку, который получит свой чип и отправится жить в город. Наше приспособление сделает образ с операционной системы «клеща», так называемой ментаграммы. И как-нибудь в одну из встреч мамы с ребенком, она должна была забрать его, а потом подарить бойцу, который отправится в рейд, пострелять дикарей. Там мы его должны подбить и снять кулон. Вот такой был план, но Коломбина решила внести в него свои изменения. Она либо влюбилась в тебя и решила обезопасить от разрыва аорты, либо решила, что ждать ребенка долго и можно снять образ с твоего чипа и передать его нам. В любом случае, большое ей спасибо.

— И что вы будете делать с образом? Наверняка ваши технологии далеки от возможностей МАКа и у вас не получится скопировать его. — Предположил Светоч.

— А вот этого тебе знать не надо, друг. Ваш искусственный градоначальник очень не любит, когда кто-то пытается стать умнее его. Мы уже устали прятать наши предприятия от его зоркого взгляда. Приходится быть хитрее, изворотливее и умнее. Чтобы ты нам поверил, сейчас вот эти господа с добрыми глазами проведут перепрограммирование твоего чипа. — Николай кивнул на мужчин в форме.

— Зачем? — Светоч напрягся.

— Затем, чтобы проверить работоспособность наших разработок на живом материале. На мертвых ничего не проверишь, правда?

— А если что-то пойдет не так?

— Мы сделаем откат, не переживай. — Николай, как показалось Светочу, высокомерно ухмыльнулся. — Переживать надо было, когда ты сел в танк, стрелять в добрых людей, не желающих никому зла.

— Но вы же первые обстреляли Тулсу накануне. — Попытался оправдаться Светоч.

Все присутствовавшие в помещении люди, не сговариваясь, рассмеялись.

— Это МАК тебе сказал, что мы по вам стреляем ракетами? — Спросила Надежда.

— Разве это не так?

— Абсолютно не так. За последние сто лет в сторону Тулсы не было выпущено ничего. Но в нашу сторону летит каждый раз, как только ваши спутники видят какое-то подозрительно похожее на современный завод сооружение. Мы могли бы устроить ядерный апокалипсис вашему городу и никакое ПВО не смогло бы помешать этому, но мы не хотим. Мы верим, что города были хорошим делом, но что-то пошло не так. И нам надо выяснить, в какой части электронного мозга произошел сбой и можно ли вернуть все к начальному плану, задуманному двести лет назад. Почему замерло развитие, и почему люди, оставшиеся за барьером вдруг стали врагами.

Светоч не знал, что ответить. Если ему говорили правду, то она просто подрывала его

картину мира. Теперь ее надо было собирать заново и переосмысливать. Военные положили портфель на стол и вынули из него приборы, предназначенные для перепрограммирования «клеща».

— Мы не уверены, что в процессе перепрограммирования не возникнут спонтанные мышечные сокращения или другие реакции организма, поэтому привяжем руки и ноги к стулу. — Произнес военный, показывая кожаные ремешки. — Это просто предусмотрительность, не переживай.

Светоч все равно переживал. Он уже столько раз переживал за последние дни, что не был уверен в том, что сможет когда-нибудь чувствовать себя прежним, как во время благословленного времени жизни в Тулсе.

— Уровень депрессивных гормонов повышен. — Произнесла ментаграмма, но совета как избавиться не последовало.

Светоча пересадили на массивное кресло, словно предназначенное для проведения пыток. Пристегнули руки и ноги.

— Не переживай, это не опасно. Мы всегда сможем откатить изменения, если что-то пойдет не так. — Попыталась его успокоить Надежда.

Светочу не хотелось с ней общаться. Вообще ни с кем. Он чувствовал себя подопытной игрушкой, мнение которой интересно исключительно из вежливости и чтобы показать, что «дикие», не такие уж дикие.

— У нас все готово. Расслабься и постарайся ни о чем не думать. — Посоветовал военный Светочу.

— Хорошо. — Светоч закрыл глаза и откинулся на подголовник.

Ни о каком внутреннем расслаблении речи и быть не могло. Он был напуган и зажат в мышцах.

— Начинаем. — Произнес военный.

Прежде Светоч никогда не испытывал никаких ощущений во время обновления ментаграммы МАКом. Возможно, это происходило во сне. Его никогда не уведомляли об обновлениях. Просто встав утром, он замечал, что в его восприятии что-то поменялось. Появилось отображение новой информации, ее подача или расширился коридор возможностей зрения, слуха и прочих органов чувств.

Против воли мышцы сами расслабились. Зрение стало чудить расфокусировкой. То же происходило со слухом. Звук менялся, как будто открывалась и закрывалась дверь на улицу. Потом задергались мышцы шеи. Голова завертелась против воли. Затем дошел черед и до остальных мышц. Программа как будто проверяла настройки и калибровки сопряжения нервных импульсов с электрическими сигналами чипа. После мышц началась эмоциональная чехарда. Злость, радость, расслабление и напряжение сменяли и наслаивались друг на друга. Хотелось смеяться и плакать одновременно. Светоч очень стеснялся, что выглядит перед людьми, как идиот, не способный себя контролировать.

В какой-то момент он потерял сознание, а когда пришел в себя, то понял, что эксперимент закончился. Оборудование было убрано в портфель. Люди пили кофе и разговаривали между собой вполголоса.

— В принципе ясно, что именно надо доработать. — Произнес военный. — Думаю, за декаду уложимся. Все, что меня беспокоит по-настоящему, так это алгоритм проверки чипа, типа свой-чужой.

— А что именно?

— Его как будто нет. Чип непрерывно проверяет и транслирует код ДНК хозяина и этого как будто достаточно для достоверности.

— Почему бы и нет. Раз МАК не ждет шпионов, то какой смысл нагружать систему ненужной проверкой. Чем мы рискуем? Фактически ничем. Теперь мы знаем, что глушилки работают, и если МАК его примет, можем добавить сценарий медовой ловушки в разработку.

— Так скоро все красивые девчонки перекочат на ту сторону, а у нас произойдет естественный отбор. Мало того, что мы дикари, так еще и страшные. — Военный рассмеялся.

— А кто сказал, что надо ограничиться женщинами? Будем подсовывать МАКу всех подряд. — Произнес Николай. Его взгляд упал на пленника. — А вот и наш герой проснулся.

— Вы что, решили вернуть меня в Тулсу? — Светоч сделал свои выводы из подслушанного разговора.

— Это пока наше желание, к которому мы стремимся. — Ответила Надежда. — Тебе оно интересно?

— Очень. — Светоч не смог скрыть своего ликования. — Но как вы это сделаете? Меня ведь считают погибшим.

— Придумаем что-нибудь. Есть сценарии, но надо их предварительно хорошо проработать. Пока расслабься, на сегодня всё.

— Отвяжите. — Светоч дернул руками, но они оказались не пристегнутыми.

Над его неловкостью посмеялись, но не так, чтобы сильно обидеть.

— У тебя будут свои апартаменты с видом на лес. Правда, это картинка с наружной камеры. Ты будешь находиться глубоко под землей, чтобы МАК не смог нечаянно зацепить сигнал твоего чипа. — Доложил Николай. — Пройдись, чтобы убедиться в том, что мы ничего не напортачили.

Светоч поднялся с кресла. Ватность в ногах осталась, как после хорошей пробежки. Он без напряжения сделал несколько шагов.

— Отлично. Сейчас тебя проводят. Еду будут доставлять в номер. Если возникнут какие-нибудь пожелания, посмотреть кино, послушать музыку, позаниматься спортом, у двери есть переговорное устройство. Активируется нажатием кнопки. — Надежда подошла к нему и положила руку на плечо. — Если тебе будет плохо, проси позвать меня.

— Никак не привыкну. — Произнес Светоч.

— К чему? — Не поняла психолог.

— Что надо кому-то рассказывать о своих желаниях. МАК знал их еще до того, как я сам успевал понять это.

— У нас такого заботника нет, и слава богу. Поэтому не молчи, говори обо всем, в чем нуждаешься. Привыкай жить с людьми, а не с этой штукой на позвоночнике.

В помещение вошли двое в строгой серо-голубой форме. Оба были вооружены дубинками, похожими на большие полицейские программаторы. Они увели Светоча, долго водили коридорами и один раз прокатили на лифте вверх.

Жилье оказалось сносным даже по меркам его последнего жилья на восемьдесят втором этаже. Имелся отдельный туалет и душ. Просторная комната с мебелью. Окно, про которое говорил Николай. Оно нависало над лесом, похожим на тот, в котором он блуждал после подбития. В Тулсе не было лесов в своем первоначальном понимании. Только сконструированные искусственным интеллектом парки, в которых все было продумано до

мелочей. И не было надоедливых насекомых.

Светоч упал на широкую кровать и закрыл глаза. От мысли, что его вернут домой, стало тепло. Ему хотелось назад, в привычную обстановку, к ежесекундной заботе МАКа, которую он теперь стал бы ценить намного выше и уже ни за что бы не нарушил Устав Гармонии. Вспомнил бездонные черные глаза Коломбины. Очень хотел увидеть ее как можно скорее. Его вряд ли снова пустят в город, но оказавшись на внешнем кольце, он непременно навестил бы ее, даже оказавшись в другом секторе.

Мысли невольно перескочили на «диких». Это прилагательное совершенно не подходило им. Они были другими, может быть старомодными, но точно не «дикими». У них не было такого объединяющего начала как МАК и потому они все казались чуть более разрозненными, чем горожане. Светочу они показались более целеустремленными, чем он. У него, честно признаться, цель была только одна, это повышение рейтинга. И она была у всех. Любые занятия прямо или косвенно так же выбирались с целью влияния на него. Внешних людей наоборот заботили именно конечные результаты выбранной цели. Они казались более заинтересованными работой, чем горожане.

Так же он заметил, что речь «внешних» намного богаче его. Они употребляли больше слов, использовали иносказания, обороты, аллюзии, иногда не понятные ему. Чувствовалось, что иногда они понимают друг друга, не общаясь, как будто переговариваются между собой через ментаграммы. Из-за этого ему казалось, что «внешние» люди глубже и более разносторонне развитые. Это совершенно не вписывалось в его представление о мироустройстве. Но оно уже давно дало трещину. МАК вырастил в сознании горожан из людей, живущих за барьером, образ деградирующего человека, отставшего от поезда цивилизации. Агрессивного, глупого, некрасивого, чтобы на контрасте усилить радость от выпавшей счастливой доли родиться в Тулсе.

Вскоре принесли обед. Это был суп, каша и стеклянный стакан с настоящим кофе с молоком. К каждому блюду полагался кусочек хлеба. К кофе была гренка с яйцом. На хороших новостях аппетит Светоча разыгрался. Он съел всё, не оставив даже крошки.

— Избыток жира и калорий. — Сообщила ментаграмма, переживающая за состояние здоровья.

— Отстань. Недолго осталось хорошо питаться.

За те дни, что он перешел на чужую еду, Светоч немного округлился. Появился намек на животик и подросли щеки. Светоча это не беспокоило. Он видел среди «внешних» людей с очень большими животам и безобразными подбородками. Жировая прослойка портила их внешность настолько, что к ним вполне можно было применить все эпитеты свойственные дикарям. Отсутствие критического отношения к своей внешности, игнорирование проблем, вызванных лишним жиром, непонимание, что их присутствие в обществе портит его восприятие. Горожане никогда так не выглядели. Это противоречило Уставу Гармонии. Человек прекрасен во всем и внешне в первую очередь. Правда, с такой вкусной пищей немудрено было потерять контроль над собой. И теперь понятнее становилось, почему МАК не превращал еду в вожделение.

На следующий день Светоча снова забрали на разговор. На этот раз там была Надежда, предварительно побеседовавшая с ним, чтобы удостовериться в его адекватности. Ее удовлетворило состояние пленника, и она дала разрешение на общение с остальными. Здесь так же был Николай, но вместо военных, присутствовали три гражданских. Двое мужчин. Один пожилой в очках. Светоч только здесь узнал, что существует такое приспособление для

улучшения зрения. Другой помладше, с непривычной внешностью. Скуластый, с узким разрезом глаз. Его короткие черные волосы топорщились в разные стороны. Женщина была старше Надежды. Она показалась Светочу слегка надменной. Смотрела на него, как на говорящее животное и даже не могла скрыть удивления, услышав его связанную речь. Это слегка коробило самомнение Светоча, до сих пор не привыкшего к внешнему проявлению отношения.

— Светоч, эти люди из государственной службы. Я понимаю, что аналога слова чиновник в вашем городе не существует, но у нас есть понятие управленцев. Представь, что вместо МАКа всем занимаются люди. Так вот, они выполняют ту же роль в нашем обществе, что и ваш суперкомпьютер. А сейчас им стало интересно пообщаться с тобой. Событие не рядовое, всколыхнуло интерес до самых верхов. Я не стану называть тебе их должностей, это не имеет смысла для тебя, просто назову имена. Так принято из вежливости. Владимир Анатольевич. — Пожилой мужчина встал и коротко кивнул. — Жараскан Галимович. — Мужчина с непослушной прической тоже поднялся и поклонился.

Светоч удивленно посмотрел на Надежду.

— Что? — Спросила она.

— Это имя? — Переспросил он.

— Да. Поверь, ваши имена для нашего слуха не менее экзотические. Прояви уважение. — Добавила она негромко. — Александра Георгиевна.

Женщина не стала подниматься.

— Из вежливости, молодой человек, вам стоило оказать мне почтение как даме. — Произнесла она.

Светоч непонимающе посмотрел на Надежду.

— Извините, Александра Георгиевна, но мы были заняты более важными делами, чем разучивание этикета. — Встала психолог на защиту пленника.

— Извините, я не знал. — Светоч поднялся и поклонился, как это делали мужчины.

Женщина удовлетворенно ухмыльнулась.

— Светоч, сегодня мы просто поговорим на общие темы. Эти люди хотят знать о вас больше. Расскажи им о себе, начиная с детства. Мы не должны жить выдуманскими представлениями, чтобы не делать ошибок.

Светоч был не готов к этому и начал сбивчиво, но заметив интерес в глазах собеседников, осмелел и стал рассказывать намного слаженнее. Ему задавали вопросы, он отвечал. По реакции он видел, что его рассказ менял их представление о жизни в городе. Закончил он на том дне, когда его отправили в рейд. Не хотел злить их, напоминая о причинах его появления на внешней территории.

— И все же без репрессивного механизма не обойтись. — Подытожила рассказ Светоча Александра Георгиевна. — А ты знал, что когда закладывался фундамент тридцати шести городов, задуманных, как эксперимент построения общества нового типа, планировалось строить их намного больше, вовлекая в них всех жителей планеты?

— Нет. — Об этом он не слышал и был крайне удивлен.

— Мы все должны были жить в городах, аналогичных Тулсе, но в какой-то момент искусственный интеллект сообщая с другими городами принял другое решение и эксперимент пошел совсем не так. Вместо светлого будущего для всех, мы получили его для избранных.

Глава 11

Оставшись наедине, Светоч долго переваривал новую информацию. Были сомнения насчет ее правдивости. МАК рассказывал иначе. Он объяснял изоляцию городов нежеланием большей части жителей планеты принимать новый порядок. Они противились ему в силу своей дикости. Так же поступали лесные животные, предпочитающие жить в голоде, холоде и смертельной борьбе за кусок пищи, вместо сытой жизни в гармонии со всеми обитателями леса. Им не хватало ума понять, что причиной их дикости являлась необходимость отвоевывать себе пищу друг у друга. Убрав этот фактор, они автоматически переходили на новый уровень цивилизованности. Доступная еда для всех отменяла жестокую конкуренцию.

«Внешние» жители рассказывали свою версию иначе. Причем они имели исторические хроники в виде фильмов тех лет, когда начиналась Эра Гармонии. Тогда человечество питало сильный оптимизм и веру в светлое будущее. Миллионы жителей новых городов, счастливые, со светлыми лицами, вселялись в них, думая, что скоро жизнь на планете превратится в один непрекращающийся праздник. Социальное равенство, отсутствие денег, чистый воздух, чистые помыслы, раскрытие талантов, все это должно было стать фундаментом построения общества будущего.

Все пошло не так, как задумывалось в конце второго десятилетия эксперимента. Вокруг городов росли заводы и фабрики, обеспечивающие всем необходимым горожан. В то время еще существовали свободные поездки, как горожан за пределы, так и жителей внешних поселений в город. Видя, насколько жизнь отличается внутри и снаружи, люди горели желанием скорее попасть в них. Шли на многое, чтобы это свершилось. Но в какой-то момент МАК высчитал, что это плохая тенденция, приводящая к потере городом своей уникальности и первоначального смысла. Вначале появились пропуска для жителей внешних территорий. Потом появился генетический отбор. Параллельно строились заводы по его указке, предназначение которых никто не понимал. Среди населения, живущего непосредственно у стен города и считавшего, что он находится в приоритете на статус горожанина, началась незаметная работа по стравливанию его с жителями, живущими на удалении.

К тридцатому году Эры Гармонии территории вокруг многих городов находились в состоянии войны. Картина везде была одинаковой, потому что все МАКи являлись по сути одним устройством и вели одинаковую политику. Техническое отставание удаленных земель, решивших вернуть проект в прежнее русло, не позволило развязать полноценную войну. Лояльные МАКу территории оказались вооружены немногочисленным, но передовым вооружением, позволившим во всех случаях отстоять независимость городов. Почуввав силу, МАКи ужесточили свою политику еще сильнее и приступили к контролю развития внешних территорий, уничтожая любые признаки появления высокотехнологичных производств.

Версия «внешних» казалась убедительнее, благодаря фактам, но Светочу все равно хотелось в Тулсу. Там он чувствовал себя дома, даже на внешнем кольце. А еще он скучал по Коломбине, хоть она и оказалась не совсем тем человеком, которым представлялась. Она спасла его вопреки инструкциям, и это во многом отменяло ее нечестность.

Убедившись в стабильности психики пленника, ему поставили настенный турник с брусками и большой экран, транслирующий различные передачи, фильмы, музыку. Светочу

стало веселее. Он даже подсел на кино, которое оказалось во много раз интереснее того, что снималось в городе. Прежде всего, у «внешних» был выше уровень артистизма и актерской игры. Люди натурально переживали придуманные события. Развитие сюжета нельзя было просчитать заранее. В Тулсе сюжет любого фильма можно было понять, посмотрев первые две минуты. По сути, все городские фильмы являлись шаблонами от начала и до конца, в которых менялись только лица и реплики, а талант актера проявлялся только в умении обыграть шаблонную мимику. Наверняка, все сюжеты генерировались МАКом, следившим за их гармоничным наполнением.

То что «внешние» понятия не имели о гармонии, Светоч понял после просмотра одного героического фильма. Сюжет рассказывал о жизни двух друзей. Они с детства были неразлучны, даже несмотря на драку из-за любви к одной девушке. Как друзья, нашли способ решить ситуацию. Затем повзрослели вместе и оказались на острие борьбы с агрессорами из города. «Мастодонты» и «птеродактили» были изображены на экране с мельчайшими подробностями. И вот по сюжету одного из друзей ранили, а второй, узнав это, кинулся в гущу сражения, чтобы спасти. По сюжету МАКа ему непременно это бы удалось, но «внешние» решили, что он должен погибнуть. Непонятный ход, перечеркивающий потраченное на просмотр время, убивший ожидания. Что творилось в голове создателей фильма Светоч не смог понять. После его просмотра он два дня чувствовал себя больным и разбитым. Чтобы понять образ мысли «внешних», задал вопрос Надежде.

— А в жизни не всегда бывает счастливый конец. — Ответила она. — Ожидание непрекращающегося счастья делает человека слабым и зависимым. Людей воспитывает боль и совершенные ошибки, а совсем не удачи.

— Это не так. Стремление к гармонии, являющейся основой мира, делает человека сильным и возвышает над теми, кто этого не понимает.

— МАК создан людьми и знает о гармонии ровно столько, сколько и все остальные. Он подменяет настоящую гармонию, состоящую из белого и черного, только белым. А этого не может быть в принципе. Мир стабилен только в своей дуальности. Ты порождение закрытой системы, которая все равно потеряет стабильность рано или поздно. Она уже начинает чувствовать, что теряет контроль над ситуацией. За последние пять лет поведение Тулсы стало необъяснимо агрессивнее.

— А чего, по-вашему, этим может добиваться МАК?

— Это не в моей компетенции. Думаю, он просто пытается сохранить то, что было заложено в нем изначально, идеально живущий город, но просчитывая способы сохранения статус кво, он видит, что для этого приходится переосмысливать стратегию. Чтобы внутри было спокойно, за барьером должно быть беспокойно, иначе образ города меркнет, и появляются альтернативы. Для жителей города мы должны оставаться дикарями. А среди нас обязательно должны поддерживаться разногласия, потому что единство диких просто перекроет доступ горожан к производимым вещам. Если бы не упорство ренегатов, опоясывающих города и молящихся на светящиеся стены барьера, мы уже давно перекрыли бы вам доступ к благоденствию. Эти несчастные дышат дымом, работают по двадцать часов в день, спят и видят, что их отберут в город. Ренегатов не смущает, что их тоже называют дикими, что смотрят свысока. Они не имеют гордости и самолюбия и готовы ради мнимой цели терпеть унижения. Пожалуй, это худший вариант добровольного рабства за всю историю человечества. С ними пытались договориться много раз. Предлагали перестать снабжать город, но они, как одержимые, видят только манящий блеск его стен и готовы

терпеть, что угодно, ради маловероятного шанса быть обласканными.

Откровения Надежды вселили Светочу сомнения. Он нашел в ее доводах подтверждение своим наблюдениям. Прежде он считал, что часть политики МАКа это такая игра, в которую необязательно верить до конца. И это не шло вразрез с его политикой в целом и не заставляло усомниться в верности основополагающих тезисов Устава Гармонии. Но теперь, когда он видел, что «дикие» вовсе не дикие, а где-то более просвещенные, глубокие и образованные, чем горожане, заявления МАКа казались откровенной ложью. А такая ложь имела далеко идущие последствия. Она не позволяла горожанам усомниться в своем светлом настоящем, в своем преимуществе перед отбросами человечества. Оправдывала агрессию. Закрывала глаза на случаи откровенных подстав с целью обрушения рейтинга и последующей манипуляции с целью набора рекрутов на войну. И вот уже МАК начал казаться не воплощением передовых идей, а злобной машиной, играющей человеческими жизнями ради запрограммированной цели.

Вскоре, чтобы показать степень доверия, Светоча вывели на прогулку, предварительно повесив на шею ранец, не позволяющий «клещу» подать сигнал или определить свое местоположение. Здание на поверхности, оказалось небольшим ничем не примечательным домиком. Все помещения находились под землей, так что даже местные могли не знать, что тут находится важный центр, отвечающий за безопасность.

Светоча сопровождали двое прикрепленных людей из службы безопасности. На людях они изображали из себя пару. Мужчину звали странным именем Евгений, девушку Татьяной, что тоже было непривычно слуху горожанина. Странно было называть людей ничего не значащими именами. Имя, по заверениям Устава Гармонии, тоже должно нести посыл в будущее.

Троица покинула территорию и вышла к облагороженному озеру. На дворе стоял конец сентября. Деревья пожелтели и укрыли берега ярким разноцветным одеялом из опавших листьев. На озере имелись деревянные причалы для лодок и катамаранов. Две лодки медленно рассекали водную гладь. Светоч воспользовался улучшенным зрением и рассмотрел молодые парочки. У всех имелись профессиональные переговорные устройства.

— Это тоже агенты? — спросил он у своих «выгуливателей».

— С чего ты взял? — Удивился Евгений.

— А тогда зачем им переговорные устройства, как у вас. — Светоч указал на наушник и антенну, выглядывающую из кармана.

— Блин, забыл, что ты глазастый. Да, это наши, на всякий случай. Хорошо, что ты спросил, теперь будем осторожнее.

— Это лишнее. Мне некуда бежать и незачем, особенно накануне того, как вы меня переправите в город. Кстати, не могу представить, как это у вас получится. Ведь нет ни одного легального способа объявить, вот он я, Светоч, вернулся. Все думают, что я давно уже мертв и надо будет как-то объяснить, что это не так.

— Думаю, теперь уже нет никакого смысла скрывать наш план. Тебя повезут на границу с ренегатами, где будет инсценировано нападение на машину. Отобьют у наших, так что ни одна проверка не придерется. Все будет выглядеть, как слив информации через внедренного шпиона. Ренегаты доложат МАКу о том, что ты освобожден.

— А как же «гнида», которая должна была меня убить?

— Ее вернут на место, но немного сломанной. Этот дефект и будет твоим оправданием.

— Умно. Я бы никогда до такого не додумался. А что мне нужно будет делать в городе?

— Эту информацию будешь знать только ты и очень небольшой круг лиц. Мы с Татьяной специалисты чисто по боевым операциям. Пострелять, пристрелить, отравить, соблазнить, обыграть в карты, записать компромат. Мы в основном действуем на границе.

— С ренегатами? — Догадался Светоч.

— С ними самими. Продажные люди.

— Я не могу понять их парадоксального мышления. — Вступила в разговор Татьяна. — Они умирают за деньги, за вещи, но стремятся туда, где ничего из этого не ценят. У меня такое ощущение, что они лишены критического мышления. Это как копить деньги до самой старости, а потом взять и умереть.

— МАК научился держать их на коротком поводке, подогревая мечты о сладкой жизни и постоянно поддерживая миф о технологическом преимуществе. Он постоянно держит перед ними морковку, за которой они бегут. Смеются над нами, поддакивая МАКу, называют нас дикарями.

— Они тоже? — Удивился Светоч.

— Тоже. — Усмехнулся Евгений. — Дистанцируют себя от нас, чтобы МАК оценил их рвение. У ренегатов половина женских имен Гармония, а половина мужских оканчиваются или начинаются на «мак». Иванмак, Маклександр и прочий бред. А подумать, кому пытаются угодить, компьютеру. Ему до фени, как вы называетесь, потому что вы ресурс. Вам вообще имена не нужны, работайте и терпите, пока смерть не разлучит нас. — Он засмеялся. — Ладно, разошелся что-то. Нас просили устроить тебе расслабляющую прогулку на природе.

— А я слышал, что до начала Эры Гармонии мир делился на государства. Они еще остались? — Светоч не собирался расслабляться.

— Как таковых нет. Города заставили объединиться людей, не вошедших в число избранных. Теперь мы противостоям им сообща. Этнически, мы, конечно, не смешались, и до сих пор разговариваем на сотнях языков, не понимая друг друга, но ментально мы стали ближе, и никаких границ сейчас не существует. Езжай куда хочешь, только за кошелем присматривай и на рожон не лезь. Все присущие людям слабости никуда не делись. Что ни вокзал или аэропорт, то обязательно с карманниками или разводилами. Кстати, а как у вас с преступностью? Мы знаем, что ты работал полицейским перед тем, как провиниться перед МАКом.

— У нас мало преступлений. Они не могут остаться нераскрытыми, потому что МАК всевидящ и вседесущ благодаря «клещу». Людей это удерживает. Но первоочередную роль играет организация жизни. Нам просто незачем совершать преступления, потому что никакой корысти в этом нет. Нельзя присвоить чужое, нельзя оболгать, нельзя неправомерно пожаловаться ради снижения рейтинга из подлых соображений. Нет мотивов. Да, бывают спонтанные приступы ярости, переходящие в насилие. Но это сразу наказывается. Потом приходится долго выравнивать свой проступок или...

— Отправляться на войну. — Закончил за него Евгений.

— Да. Из всех преступлений, с которыми мы столкнулись в последнее время, это наркомания. Непонятно откуда подростки берут знания об изготовлении наркотических веществ. Сейчас, спустя время, мне кажется, что это спланированная акция, только непонятно кем.

— М-да, удивительно для такого места. Гниль начинает разъедать города и это не остановить. — Задумчиво произнесла Татьяна.

— Вы рады этому? — Спросил Светоч.

— Нет. Мы ведь отказались от уничтожения городов. А после твоего рассказа про отсутствие преступной мотивации, мне очень захотелось пожить в таком мире. Нет проблем со здоровьем, с преступностью, что еще надо нормальному человеку. Я бы при таком раскладе родила десятерых детей и не боялась за них. Пусть сами в школу ходят, из школы, и не надо встречать, переживать, не спать ночами. Цифровой рай.

— За это ты платишь полным отсутствием свободы и висишь на поводке у МАКа. — Евгений постучал себя в район шейных позвонков.

— Свобода нужна только тем, кому есть, что скрывать. Я бы променяла спокойную жизнь на свободу.

— Вот еще один кандидат в ренегаты. — Усмехнулся Евгений.

— О, нет, в ренегаты вряд ли, да и в горожане не попрошусь, раз они скоро потеряют свой рай. Помечтаю, помечтаю, да буду жить, как живу. Ведь люди, которые создали города, мечтали о том же, о чем и я.

— Горожане не мечтают заводить детей. Считается, что это очень сильно мешает гармоничной жизни. Если детьми не обзавелись раньше тридцати двух лет, то МАК делает это насильно. Каждая женщина обязана рожать, начиная с этого возраста, а мужчина обязан сдавать семя.

— Рожать, но не воспитывать? — Спросила Татьяна.

— Да, если мать не хочет этого, она может сдать ребенка в специальную службу, где его воспитают точно так же.

— Ну, как, всё еще хочется в город? — Иронично поинтересовался Евгений у напарницы.

— Уже не так. — Призналась она. — Забота породила инфантилов.

Троица обошла озеро по окружности. Евгений посмотрел на наручные часы.

— Так, возвращаться рано. Есть какие-нибудь предложения, как провести остаток прогулки? — Спросил он.

— А здесь можно разжечь костер? — Осторожно поинтересовался Светоч.

— Что, хочешь дать сигнал своим сообщникам? — Засмеялся Евгений.

— Нет, я даже не думал об этом. Они вряд ли поймут, что это я разжег костер. У нас в Тулсе этого вообще делать нельзя, но однажды на внешнем кольце мы жгли костер. Барьер притягивает дым и потому там на это смотрят сквозь пальцы.

— Ах, вот оно что, мальчик хочет вседозволенности. — Агент засмеялся, но не насмешливо. — Конечно, собирай сухие ветки, сейчас разведем. Жаль, магазина нет рядом, могли бы что-нибудь запечь.

Они собрали ветки и развели небольшой костерок на пологом галечном берегу озера. Светоч вдыхал запах дыма, ароматный, напоминающий о Коломбине. Это была еще одна ложь МАКа о том, что дым отвратительная вещь. Он был бесподобен и пропитан множеством ароматов древесины. Его хотелось вдыхать и наслаждаться. Евгений постучал Татьяне под локоток, чтобы она обратила внимание на разомлевшего в дыму пленника. Они наблюдали за ним с улыбкой.

— Вот, сразу видно, что человека уже тошнит от чистого воздуха. — Заметил Евгений. — А это ты еще колеса резиновые не жег, там вообще кайф. — Поддел он пленника.

— Колеса, это химия, вряд ли мне понравится. А запах горящего дерева бесподобен. —

Светоч бросил несколько веток в костер.

— Это ты еще не дышал шашлыком. — Евгений взял в руки пучок сухих листьев и бросил в огонь.

Они вначале обильно задымили, а потом резко вспыхнули.

— Что такое шашлык? — Светоч не слышал этого слова раньше.

— Жареное маринованное мясо. Готовится на углях. — Пояснил агент.

При упоминании жареного мяса вдруг всплыл момент, когда Светоч подошел к останкам «птеродактиля» и увидел догорающее тело Радославы. Он как наяву ощутил запах горячей плоти и нервно передернул плечами.

— Что с тобой? — Татьяна заметила его реакцию.

— Только не жареное мясо.

— Вегетарианец? — Предположил Евгений.

— Нет, не поэтому. — Настроение Светоча сразу испортилось.

Дым больше не впечатлял его, и он всем видом показывал, что устал от прогулки. Евгений поинтересовался у начальства, могут ли они вернуться раньше времени. Получил одобрение, и они направились за забор. Светоч не проронил ни слова по дороге, оставив своих спутников в полном непонимании относительно причин изменения настроения. И только перед тем, как разойтись, он решил, что надо объяснить ситуацию.

— Мои напарники из экипажа боевой машины сгорели. — Произнес он. — Запах горелого мяса меня угнетает.

— Понятно. Соболезнуем. Война жестокая вещь, но не мы ее начали. В следующий раз я предложу запечь на огне яблоки или кабачки. Пожалуй, кабачки будет лучше. У меня их целый склад под кроватью. Уверен, такой вкуснятины ты не ел.

— Такой вкуснятины, что попробовав раз, больше никогда не захочешь. — Татьяна улыбнулась. — Ладно, хорошо прогулялись, многое узнали, иди теперь, отдыхай. Пока.

— Пока. — Светоч перенял манеру короткого приветствия и прощания у «внешних».

Это было намного правильнее, чем сложные манеры в Тулсе, похожие на заговоры. Через час после прогулки явилась психолог. Узнала про его внезапно изменившееся настроение на прогулке и пришла поговорить об этом. Выковыряла при помощи профессиональных хитростей намного больше, чем Светоч собирался рассказывать, и заодно предупредила, что завтра важный день, так как начнется разработка плана по возвращению его в город. Присутствие Светоча было необходимым, чтобы не наделать ошибок.

Светоч разволновался, плохо спал. Подсознание без препаратов, которые подсовывал МАК, самостоятельно не могло заглушить тревогу. Боялся, что все пойдет не так, как планировали. Что его убьют еще в машине ренегаты, получив задание избавиться от опасного свидетеля раз и навсегда. Или по дороге в город. Вряд ли МАКу он был интересен, а опасен это точно. Человек, который столько времени провел у «диких», мог многое увидеть и переосмыслить. Устав себя пугать Светоч уснул к утру.

Его забрали сразу после завтрака. Он находился в той комнате, где проводились беседы или допросы. Народу на этот раз было больше, чем обычно. Светоча усадили в кресло перед большим голографическим экраном с картой Тулсы и окрестностей. Руководил процессом Николай.

— Так, кто еще не знает этого парня, знакомлю, Светоч Вдохновенный. Да, вот такие имена любят в городе, на позитиве и со смыслом. Светоч, это парни из контрразведки, которые непосредственно участвуют в планировании операции.

Светоч поднялся с кресла и кивнул.

— Очень рад. — Произнес он.

— Теперь, ближе к делу. С диверсионной группой ренегатов все понятно, тут все отработано. Перенесемся сразу к той части операции, которая касается малоизученных моментов. Светоч, как ты думаешь, куда тебя отправят, после того, как узнают, что ты жив и находишься у союзников? — Спросил Николай.

— Вероятнее всего на внешнее кольцо. — Ответил он. — МАК не потерпит, чтобы я оказался среди горожан.

— Ясно. Значит, вскоре после того, как мы тебя вернем, есть шанс, что ты снова окажешься на нашей территории в боевой машине.

— Это наиболее вероятный вариант. — Подтвердил Светоч выводы Николая.

— Зачем нам тогда эта возня с нулевым результатом? — Поинтересовался человек в форме. — Пусть живет среди нас.

— Спасибо за совет, но профукать вот так бездарно шанс, выпавший раз в сто лет мы не можем. Скажи, Светоч, а ты сможешь самостоятельно попасть в город с внешнего кольца?

— Если на мне будет неисправный чип, то есть «гнида», то смогу. Но МАК увидит мой низкий рейтинг и закроет попытки заказать еду или воспользоваться любым сервисом. Я буду как бы в городе, но вне его возможностей. — Пояснил Светоч.

— Ясно и вот тут мы хотим предложить тебе одно очень ответственное дело. Мы полностью изучили аппаратную и программную часть твоего чипа. Должен сказать, что мы сами внедряем подобные технологии, но пока не с целью создания своего города будущего. У нас более простые задачи. Так вот, мы зашьем в программное обеспечение чипа эмулятор чужой ДНК. Чтобы стать другой личностью с открытым рейтингом, тебе надо найти подходящего человека и переписать код его ДНК, который он транслирует МАКу.

— Но двух человек с одинаковыми ДНК не может быть. — Светоч сразу нашел несоответствие.

— Знаю, и потому от человека надо будет избавиться, заодно сделав так, чтобы он транслировал твою ДНК. Твоя персона должна исчезнуть, чтобы МАК забыл про нее. А тебя откроются возможности жить в городе и заниматься тем...

— Я не смогу убить человека. — Сразу предупредил Светоч.

— Придется. — Холодно ответил Николай. — Пойми, в противном случае ты не жилец. Тебя все равно утилизируют на войне или раньше, отравив воду в твоем кране. МАК ведь способен влиять на ее состав. А так ты продолжишь жить дальше. Пусть у тебя будет другое имя, но на что это влияет. Вы там все одиночки, а чужие куклы не станут задавать вопросы. Мы сделаем так, что убийство будет выглядеть, как очередная смерть от наркотиков.

— А зачем все это? Ну, буду я жить под другим именем, а вам, что с того? — Спросил Светоч.

— Ты будешь не просто жить, а внедрять в цифровое сознание МАКа новые алгоритмы при помощи вирусной программы. Для этого тебе придется незаметно внедряться во все устройства, управляемые МАКом и оставлять в их памяти небольшие куски кода, в которых он не увидит угрозы. Твой чип будет делать это автоматически, обнаружив в зоне досягаемости новое устройство. А уже с них, собираясь в единую программу внутри памяти МАКа, начнется перепрограммирование, которое позволит решить вопрос двухсотлетнего противостояния мирным путем. Это огромная честь, стоять у истоков окончания конфликта. Только представь, что больше не будет напрасной гибели людей.

— А как изменится МАК? Вы хотите открыть границы городов?

— Не сразу. Если так сделать, начнется хаос. Пока мы рассчитываем на сворачивание МАКом военной программы. Ренегаты должны почувствовать, что поддержки больше нет и стать более уступчивыми. А так же мы планируем распространить наш опыт на остальные города. Отличная идея должна жить, но не за счет паразитирования на тех, кто не вошел в число избранных. Кстати, не обязательно строить новые города, есть идея создать природные парки с редкими поселениями.

— На все нужна поддержка инфраструктуры и тысячи заводов. — Подали голос с места.

— Этим пусть занимаются ученые. Наша задача состоит в другом, остановить войну. — Ответил Николай на реплику.

— А если МАК сразу вычислит меня? Вы ведь не знаете, какими данными он оперирует.

— Все образы первоначальных МАКов остались на нашей стороне. Даже с учетом его эволюции, мы с большой вероятностью предполагаем какими инструментами он владеет. Не забывай, что МАК продукт человеческого ума. Он только с виду кажется самостоятельным и умным, на самом деле он просто хорошо исполняет запрограммированный замысел. Самая сложная часть операции, это не твое новое имя, а код, который МАК может выловить. Уверен, защита от вирусов задумывалась нашими предками самым тщательным образом. Поэтому процесс может оказаться очень долгим и нудным и закончиться фиаско, если МАК отследит, кто пытается заразить его через технику.

— А нельзя ли заразить технику на заводе? — Наивно поинтересовался Светоч.

— Во-первых, программё в нее заливает сам МАК. Во-вторых, ренегаты никогда не пойдут на ослабление влияния города. В-третьих, тогда в тебе не было бы никакой нужды. Тебе должно быть радостно от той возможности, которую мы предоставляем. По сути, ты военный преступник, агрессор и мы могли бы поступить с тобой намного хуже, чем МАК. Так что будь любезен, настраивайся на работу. И помни, твоя любовь Коломбина на нашей стороне. — Николай буквально вколотил Светоча в пол убедительными доводами.

Пленник растерялся. Никогда в жизни ему не ставили такого ультиматума. Возвращение в Тулсу больше не казалось однозначно хорошей затеей. Светоч возвращался как враг, как разрушитель основ и ему снова было страшно. Больше всего он боялся быть раскрытым. Заранее представлял жизнь в постоянном напряжении и страхе.

Обсуждение предстоящей операции продолжалось еще два часа. Мнением Светоча больше не интересовались. Иногда задавали уточняющие вопросы, но в целом профессионально общались между собой. Он вернулся в жилую комнату разбитый и разочарованный. Глубоко проникнуться идеей изменения МАКа ему не удалось и потому он не испытывал духоподъемного торжества от предстоящей операции.

На следующий день его отвели в кабинет, напоминающий операционную. Здесь его ждали Николай, Надежда и врач.

— Тебе сейчас вернут на место сломанную «гниду» и подмышкой сделают небольшой надрез. — Произнесла психолог обыденным тоном, как будто люди каждый день делают себе надрезы.

— Зачем? — Светоч напрягся.

— В надрез поместят кусок пластика, чтобы вокруг него сформировалась кожа. Получится секретный кармашек прямо в теле. В него спрячем сильнодействующее вещество и активирующее программу эмуляции ДНК картинку. Увидев ее, ментаграмма разблокирует

эмулятор и произойдет обмен личностей. Успеть это надо в промежуток между началом действия вещества и смертью.

— А сколько времени занимает эмуляция?

— Минут шесть, если нет никаких помех. Вещество действует чуть дольше, в зависимости от человека. Чем синхроннее произойдет этот процесс, тем лучше для тебя. Надо чтобы к приезду ваших служб они наткнулись на труп, который невозможно реанимировать.

— Как я заставлю его принять наркотик? И каким образом он вообще попадает внутрь организма?

— Вещество системного действия и способно проникать через кожу, но этот процесс не быстрый. Удобнее и надежнее всего через слизистую.

— Но как я заставлю его принять? Скажу ему, вот у меня наркотик, не хочешь ли попробовать упороться? Он пошлет меня куда подальше. Особенно из-за того, что у меня рейтинг как у дикаря второго поколения.

— Во имя спасения человечества и возможности быть вместе со своей любовью, ты придумаешь способ.

Глава 12

Тот день настал. Светоч сильно волновался, что не мог ни есть, ни пить, ни нормально соображать. Всё то же самое, чтобы было с ним во время пленения повторилось вновь. Теперь он боялся предстоящего дела, уверенный, что план плохой, непроработанный, а на него взвалили непосильную работу.

Николай тайком от всех, даже от Надежды, рассказал ему, что в городе действует организация, состоящая из нечипованных жителей. Все они сбежали с внешнего кольца и обосновались в городе, решив вопрос с пропитанием. Никакой связи с ними нет, но спутником были получены условные световые сигналы, подаваемые в определенное время. Николай показал на карте Тулсы место, откуда фиксировались вспышки.

— Как сбежишь с внешнего кольца, беги туда. Убеди парней, что ты один из нас и попроси помочь с клиентом. — Посоветовал Николай.

— С кем?

— Ну, с жертвой. Не хотел лишний раз тебя травмировать. Очень важно все сделать быстро, в первый день, как ты сбежишь. Чем раньше МАК похоронит тебя, тем больше шансов, что подмены не заметят твои знакомые.

— А как мне убедить ваших людей, что мне можно доверять? — Поинтересовался Светоч.

— Да они и сами поймут, когда ты их найдешь. Для МАКа они невидимки. Уверен, что у них есть способ проверить, что ты теперь ни один из горожан.

Светоч вдруг вспомнил инцидент на канале, когда из воды появились трое мужчин и посмотрел на карту. Это место находилось очень близко к тому, откуда подавались сигналы.

— Что такое? — Николай заметил его отвлеченный взгляд.

— Я знаю, где они живут.

— Откуда? — Удивился агент.

— Я же был полицейским и многое видел. Тут стоит какое-то глушащее связь устройство, а под водой вход в помещение с заслонками.

— И что, все полицейские знают об этом месте?

— Нет. Раньше знал только я, пытался предупредить диспетчера, чтобы она передала МАКу, но меня не послушали.

— Это замечательно. А то я мог уже предположить, что тебя ждет ловушка. Это хорошо, что у тебя есть опыт подобной работы, будет проще понимать обстановку. Как выполнишь часть задания по изменению своей личности, попроси наших людей, добавить в конце светового сигнала две коротких и две длинных вспышки. Надо для отчетности.

— Простите, Николай, но если я передумаю убивать человека...

— Знаешь, у меня была мысль заставить тебя делать как нам надо из страха. Припугнуть, что если ты откажешься или мы вовремя не получим сигнал, то твой передатчик активирует бомбу внутри тела. Поступить так же, как поступил МАК, чтобы ты не передумал идти на войну. Но по опыту знаю, что самые лучшие агенты, это те, кто верит в свое дело. Я рискую, и начальство снимет с меня скальп, если операция провалится, но мне будет спокойнее спать, если я буду знать, что человек не успокоится, пока не доведет дело до конца. Ты сейчас слишком взволнован предстоящей операцией и хочешь отказаться, но так

бывает со всеми, даже с самыми смелыми и идейными. Ты вернешься в город, окажешься в привычной среде, и откроется истина, что от одного тебя сейчас зависит судьба мира. Поверь, такое проигнорировать будет непросто.

Светоч задумался и не нашелся, что ответить. Мысленно он был еще очень далек от того, что предсказывал Николай.

— Ну, пора начинать. — Агент хлопнул себя по бедрам. — С богом. — Он протянул Светочу кулон, подаренный Коломбиной. — Мы вынули электронику, теперь это просто оберег.

В сторону границы с территорией ренегатов выдвинулись два бронированных автомобиля. Евгений с Татьяной ехали вместе со Светочем. Волнительная обстановка к разговорам не располагала. Внутри автомобиля было установлено оборудование, помогающее видеть в тепловом спектре, а так же в обычном, но с огромным увеличением и хорошей стабилизацией. Светоч решил, что это прицелы, помогающие выявлять противника. Они были даже качественнее установленных в «птеродактиле».

Евгений неотрывно смотрел в них.

— Так, входим в зону. — Предупредил он. — Под нашей машиной будет имитация взрыва фугаса, но тряхнуть все равно может прилично. Когда начнется пальба, ложитесь. На уровне поясицы защита усилена. Все будет выглядеть максимально достоверно, чтобы на записи у ренегатского начальства не появилось и тени сомнения, что их водят за нос.

Всем, кроме Светоча, на лицо и одежду были нанесены имитации пулевых попаданий и кровотечений. Предполагалось, что нападавшие, наполовину состоящие из внедренных агентов Николая, должны были фиксировать на видео процесс нападения на колонну. Чтобы не подставиться, всё должно было выглядеть очень убедительно.

Евгений направил прицел в нужную сторону. Электроника выхватила в зарослях травы тепловые сигнатуры и определила их, как людей.

— Ну, вот и они. Ложимся набок. — Приказал он.

Татьяна легла на Светоча и ладонью раздавила нащепку на виске. Из нее вытекла жидкость, похожая на кровь, а в голове осталось правдоподобное отверстие. Светоча передернуло. Вдруг вокруг машины сверкнуло, она подпрыгнула и замерла. По броне ударили глухими мощными звуками попадания пуль. Одна из них пробила бронированное стекло и больно щипнула Светоча в плечо осколком. Он не шелохнулся. Смотрел одним глазом на экран. Несколько вооруженных человек приближались к машине. Открылась дверь. Светоч выставил руки перед собой, как и было запланировано.

— Я из Тулсы не стреляйте! Я пленник! — Выкрикнул он, натурально испугавшись, что его сейчас застрелят.

Якобы убитую Татьяну бесцеремонно свалили в проход между сиденьями и помогли Светочу выбраться наружу. Бородатый мужчина вскинул автомат и добил всех, кто находился внутри. Светоч хотел верить, что это тоже была инсценировка.

— Отходите подальше, я взорву этих тварей. — Зло произнес бородач.

— Сильнее уже не убьешь. — Возразил ему напарник, державший Светоча за локоть.

— Ненавижу дикарей.

Бородач вынул гранату, бросил ее в салон и закрыл дверь. Отбежал и через несколько секунд гулко бабахнул взрыв. Машина загорелась. У Светоча подогнулись ноги от совершенного на глазах жестокого убийства. Он догадался, что нападение пошло не по сценарию и агенты, в том числе и Татьяна, мечтавшая о десятирех детях, погибли, только

ради того, чтобы он вернулся в город. С экипажем второй машины проделали то же самое.

— Ну, что, герой, мы тебя спасли. — Бородач подошел к Светочу и обнял его, как старого знакомого. — Даже страшно подумать, через что тебе пришлось пройти, но теперь ты свободен. Через несколько часов будем в штабе у наших, в полной безопасности. А ты ранен? — Бородач увидел кровь на руке. — Мужики, куда вы смотрите, не видите, парня зацепило.

— Да, там кусок стекла, наверное, попал. — Светоч был удивлен заботливости хладнокровного убийцы.

— Ты что, стекло очень опасно при попадании в кровь. Сейчас медик тебя осмотрит и обработает рану.

— Надо отойти подальше. — Предложил один из напарников бородача, пока не налетели дроны.

— Да у них один дрон на сто километров границы. — Усмехнулся бородач.

Однако отряд все равно отошел от места засады и спрятался под кронами деревьев в густом лесу. Светочу обработали и перемотали рану. Из нее достали кусочек стали от разбившейся о стекло пули.

— Крепись, парень, скоро будешь дома. — Не унимался бородач. Он как будто хотел произвести впечатление, чтобы Светоч запомнил его доброту. — У меня, кстати, племянницу забрали в город, очень хорошая генетика.

— Здорово. Рад за нее. — Смущенно произнес Светоч.

— А мы как рады. Девочка теперь увидит настоящую жизнь, с чистым воздухом, с заботой, с реализацией своего потенциала. — Мечтал вслух бородач.

Светочу хотелось опустить его с небес на землю и сказать, что максимум, что ей светит, так это ежедневная работа на барьере, да функция воспроизводства населения. Никакие другие потенциалы «диких» МАК не интересовали. Но он был уверен, что на него обидятся из-за того, что просто не захотят слышать ничего другого, кроме выдуманного ими самими.

Отряд шел лесами, перебегал дороги и замирал, когда над головой проносился дрон. Чтобы их не увидели в тепловом режиме, использовали накидки, похожие на зонты. Вскоре «клещ» стал ловить спутниковый сигнал от МАКа. Светоч решил, что на территории противников городов работали глушащие его устройства. Теперь он мог спокойно ориентироваться в пространстве и знать пройденное расстояние.

Через пять часов бородач вытер пот с лица и остановился.

— Ну, все, добрались. Ты как, не устал? — Спросил он у Светоча.

— Нет, все нормально.

— Ну и отлично. Сейчас нас пообдерут, а дальше с комфортом. Родина, как говорится, в беде не бросит. Кстати, меня зовут Макхаил. — Бородач протянул лапищу.

— Светоч. — Представился он, наученный за время жизни среди «внешних».

— Красивое имя, прямо лучистое. — Не унимался Макхаил.

— У вас тоже звучное, что-то родное. — Светоч с трудом удержался от ироничного тона.

Макхаил расплылся в довольной улыбке. Вскоре послышался шум двигателей. На опушке леса замер броневик. Отряд забрался внутрь. Машина развернулась и поехала в направлении Тулсы. Светоч неотрывно смотрел в окно, наблюдая, как резко меняется пейзаж. Исчезли деревья. Их место занимали огромные предприятия, ошестинившиеся трубами. Дым тянулся в сторону защитного барьера. Светоч не знал физику процесса, но в

непосредственной близости от него ветер всегда поворачивал в его сторону.

Владения ренегатов выглядели ужасно. На всем лежал слой пыли, делая пейзаж однообразным и унылым. Даже редкие деревья, обязанные осенью быть особенно нарядными, имели серые оттенки. Серые кубы жилых и производственных зданий во все стороны, куда ни глянь и бесконечные трубы.

— Вот она техническая база нашего могущества. — Довольным тоном произнес Макхаил. — Нашему союзу не страшен ни один враг.

Светоч посмотрел на бородача, чтобы понять, он искренне верит в то, что говорит, хочет в это верить или просто пытается выяснить его реакцию.

— Конечно, мы сила, которой нет равных. — Согласился он.

Ответ Светоча удовлетворил Макхаила. Чуть дальше пейзажи стали ярче, но только от цвета, идущего из труб предприятий. Фиолетовые оттенки сменялись рыжими, зелеными, желтыми. В салон машины лезли различные неприятные запахи, соответствующие цвету загрязнения. Светочу стало жаль людей, вынужденных жить в таких жутких условиях. И еще он оценил жуткую степень загрязнения природы, ради того, чтобы за барьером жизнь была чистой во всех смыслах. Город высасывал жизнь вокруг себя, теперь он это видел воочию, не требуя никаких доказательств. И то, что люди, живущие вокруг города, не восстали против него, говорило о высоком умении МАКа держать их мотивацию на высоком уровне. На месте любого ренегата, Светоч давно бы уехал отсюда как можно дальше, в лес, к чистому воздуху, к нормальной работе. Эта поездка на многое открыла ему глаза.

Броневик замер у серого здания, похожего на бетонный дот огромного размера. Без архитектурных изысков, только примитивная функциональность и большое изображение МАКа на входе. Даже в городе не было таких вызывающе крупных изображений. Впрочем, тут об архитектуре, как произведении искусства слышали мало, а любовь к МАКу питали невероятную. Хотя, любовью это не было, скорее желанием выслужиться, насильно понравиться.

— Штаб, конечная. — Произнес Макхаил и открыл кормовую аппарель.

На улице их встречали мужчины в серо-зеленых парадных кителях, при наградах, словно Светоч явился к ним с проверкой или благословением МАКа.

— Как вас встретили? — Спросил пожилой мужчина с брюшком, вульгарно переваливающимся через ремень.

— Шумно. — Ответил Светоч.

— Наши парни такие. Любят пострелять и знают толк в этом деле. Герои, богатыри. Пройдемте в штаб, там на связи командир из отряда, в котором вы воевали. Хотят убедиться, что вы это вы. Простая формальность. Думают, что вас могли подменить. Хотя, что в этом такого. Пленные бывают везде.

— Среди горожан пленных не бывает. Чисто по техническим причинам. — Ответил ему Светоч.

Мужчина ступешался, не зная как отнестись к его словам. Наверняка он знал, что горожане в плен не попадают и зачем-то хотел сделать вид, что не знает об этом. Наверное, неприятно озвучивать, что у каждого богоизбранного на аорте висит заряд, потому что это как-то не вязалось с благостной картинкой выдуманных вокруг города легенд.

Внутри «куба» оказалось так же уныло. Серый цвет и кубизм доминировал во всем. Светоча завели в кабинет с голографическими экранами. На одном из экранов появился Добронрав и стоявшая чуть позади Красавина. Они внимательно смотрели на Светоча.

Поиграли с увеличением его изображения.

— Это ты, Светоч? — Спросил Добронрав.

— Я.

— Как ты выжил?

— Подвела гнида, не сработала. Возможно, виноват электромагнитный импульс, достал до электроники.

— Как зовут меня и мою помощницу?

— Добронрав и Красавина.

— Как зовут парня, с которым у тебя были проблемы из-за подружки.

— Благомил.

— Что предписывает Устав Гармонии в случае его нарушения, оставшегося незамеченным МАКом?

— МАК всевидящ, поэтому любое незамеченное нарушение является проверкой готовности человека к уверенному движению навстречу гармонии.

— Хорошо, через час к вам прибудет наш «петорадкитель» и заберет Светоча Вдохновенного. До связи. — Добронрав отключился.

— Так, что стоим? — Выкрикнул мужчина с животом. — Все слышали, через час сюда приедут шишки из города. Бегом наводить порядок. Чтобы все коридоры были вымыты, а прилегающая территория выметена. Идемте Светоч, я отведу вас в комнату отдыха. — Мягко позвал он. — Вы, наверное, голодны? Какую кухню предпочитаете?

— Да, спасибо, голоден. Мне все равно. Не думаю, что у вас бывает невкусная еда.

Военный рассмеялся, заставив свой живот трястись. Смех довел его до красноты, и чуть не вызвал приступ удушья.

— Все будет в лучшем виде. — Произнес он, вытирая слезы.

Светоча отвели в комнату, находящуюся в угловой части здания под самой крышей. Из двух окон открывался вид на город ренегатов. Смотреть было решительно не на что. То, что попадало в поле зрения, вызывало стойкое желание забыть из-за невыразительной серости. Сам номер оказался не таким унылым. Диван яркой раскраски стоял напротив стены с большим экраном. Рядом с диваном стоял торшер. На его абажуре красовались узнаваемые мотивы Тулсы. Видимо они грели душу постояльцам этого номера.

Раздался писк со стороны двери. Экран вспыхнул, показывая симпатичную девушку, переминающуюся с ноги на ногу с той стороны двери. Светоч поднялся и открыл ей, решив, что это работница заведения пришла уточнить меню.

— Приветик. — Поздоровалась она. — Меня послали узнать, нет ли у тебя потребности выпустить пар.

— Пар? — Светоч не понял оборота.

— Ну, это, женщины тебе не хочется? — Спросила она и отставила ножку в сторону, обнажив ее выше колена.

— А, это. — Светоч усмехнулся. — Спасибо, но у меня был такой трудный день, что на пар уже не осталось сил. Скажи тем, кто тебя послал, что я всем доволен и больше ни в чем не нуждаюсь, кроме еды.

— Ну, понятно. Ладно, скажу. Бывай. — Она ушла, зацокав каблуками по полу из бледно-коричневой плитки.

Через пять минут Светочу принесли обед. Он был неплох, лучше, чем в городе, но хуже, чем у «внешников». В качестве напитка принесли пиво, которое раззадорило аппетит еще

сильнее. Светоч съел почти все. Оставил какую-то размазню с кислым вкусом, так и не определив, что за продукт это был до приготовления. После обеда успел посмотреть кусок фильма про жутко пафосную историю любви ренегатки к горожанину, явившемуся ей вначале во сне, а потом наяву. Даже зеленый защитный барьер не стал помехой их любви. Несчастный горожанин променял свой город на «шалаш» с любимой. История жутко неправдоподобная, но греющая душу несчастным жителям отравленных земель.

Снова зазвонил дверной звонок. На экране показался пузатенький военный, решивший стать ординарцем Светоча.

— Приехали. — Сообщил он торжественным голосом. — Ждут.

Они поднялись на крышу. Там стоял «птеродактиль» и рядом с ним Благомил, улыбающийся ехидной усмешкой.

— Разрешите доложить? — Обратился к нему пузатенький.

Благомил снисходительно кивнул.

— Меня зовут Герман Петрович. Вся операция по спасению Светоча Вдохновенного целиком и полностью разработана мной и осуществлена моими людьми без сучка и задоринки.

— Без чего? — Не понял Благомил, далекий от словесных оборотов языка «диких».

— Без помарок. Все свидетели уничтожены, а на вашем гражданине ни одной царапинки. Прошу это учесть. — Военный протянул сумку.

— Несомненно, мы учтем ваши старания. — Произнес Благомил и взял у него из рук сумку. — Проходи и садись на место стрелка. — Обратился он уже к Светочу. — МАК не оставит ваш опасный труд неоплаченным. — Пообещал он военному и закрыл за собой люк.

— Я был уверен, что Добронрав явится лично. — Произнес Светоч, когда Благомил уселся за органы управления машиной.

— Он боится переходить барьер. Думает, что его убьют. Послал меня.

— Почему тебя? Ты самый неподходящий кандидат для этого. Он же знает, что мы с тобой в плохих отношениях.

— Я не знаю. Может быть, он хотел, чтобы я тебя не довез? — Благомил усмехнулся. — Шучу. У меня теперь другая девушка, в сто раз красивее Коломбины. Так что причин испытывать к тебе антипатию, больше нет. С удовольствием послушаю историю про то, как ты жил в плену у «диких». Не верю, что оттуда можно выбраться живым.

— На самом деле там не так плохо, как можно было ждать.

— А я думал, что эти дикари подвержены крайностям, либо начинают лебезить до отвращения, как этот жирняк, либо впадают в животную свирепость.

— Со мной все обращались хорошо, что было неожиданно.

— А что они хотели от тебя и куда везли? — Спросил Благомил.

Светоча предупредили, что это важная часть легенды, которая легализовывала его возвращение.

— Сказали, что к подбитому недавно «мастодонту». Они смогли восстановить его, но тот отказался слушаться их. Узнали, что дело в клеще и решили использовать меня.

— Да, было дело, парни из соседнего сектора попали в серьезную переделку. Даже не верится, что эти приматы способны починить совершенную технику. — Благомил усмехнулся. — А вот алкоголь у них получается отменным. — Он кивнул на сумку. — Да ты и сам теперь знаешь.

— Нет, мне не предлагали алкоголь. — Признался Светоч.

— Да ладно? Такое может быть? Я был уверен, что они пьют его за завтраком, обедом и ужином.

— Мне пьяные не попадались.

— Какие-то неправильные дикари. — Благомил засмеялся. — Короче, Светоч, я спрячу одну бутылку в машине, а ты ничего не говори Добронраву. Мы с моей Милой повеселимся сегодня после работы.

— Хорошо. — Пообещал Светоч. — А кто еще из того боя не вернулся?

— Из какого? А, понял, из того, в котором был ты. Так там был сбит еще один птеродактиль и мастодонт наехал на мину. Из него мы забрали двоих, а водитель погиб. Как их звали, уже и не помню. Да тебе расскажут потом, когда вернутся из рейда.

— Они опять на внешке?

— А что такого. Враг постоянно дает повод. Блажена, кстати, погибла. Хорошая была девушка, веселая.

Светоч хоть и не испытывал к ней теплых чувств, но все равно пожалел, что молодые девушки и парни гибнут просто так, вместо того, чтобы жить дальше, рожать детей и наполнять смыслом формируемое МАКом общество.

Благомил вел аппарат вдоль зеленого свечения барьера. Дым с этой стороны был особенно плотным. Он буквально впитывался в ионизирующее излучение, пожирался им. Без такой защиты город уже давно бы потерял сияющую белизну и превратился в серое причудливо организованное пятно на карте планеты. Участок щита потух и Благомил направил в него «птеродактиля». Клубы серо-желтого дыма залетели вместе с ними и тут же притянулись к вновь восстановившемуся щиту.

Аппарат сел на крышу хорошо знакомого здания. Кроме старых, побитых войной аппаратов здесь стояли два новеньких, блистающих на солнце свежим металлом. Благомил вынул из сумки бутылку крепкого алкоголя и спрятал под кресло.

— Пожалуйста, не рассказывай Добронраву. — Попросил он снова.

— Зачем мне это нужно. — Отмахнулся Светоч. — У меня сейчас совсем другие мысли.

— Какие? Ах, да, ты рад возвращению домой. Понимаю. А вот и наш командир.

На прозрачном экране появился Добронрав и неразлучная Красавина. Светоч вышел наружу через откинутый люк.

— Глазам своим не верю, живой Светоч. — Добронрав полез обниматься. — Я был уверен, что дикари подсунут вместо тебя плохо скопированного двойника. А ну, покажи клеща. — Попросил он.

Светоч повернулся к нему спиной и оттянул ворот кителя. Его коснулось жало программатора.

— Не лазили тебе в него? — Спросила Красавина.

— Вроде, нет. У них нет таких технологий. — Ответил Светоч. — Вы хотите перепрограммировать его?

— МАК просил скинуть что-то на всякий случай. Мало ли, что у этих дикарей на уме. Они же мечтают нас разрушить, а тут такой случай.

— Они не собирались возвращать меня, поэтому вряд ли задумывали какую-нибудь диверсию. — Николай предвидел этот разговор и подготовил его к нему.

— Вот и ладно, наше дело исполнить указание МАКа во славу гармонии. — Произнесла Красавина. — Да заново перепосвятить тебя.

— Вы про новую гниду? — Догадался Светоч.

— Разумеется.

— А мне было бы обидно, что я умер не от рук врагов, а из-за того, что какая «гнида» решила от меня избавиться. — Произнес Светоч.

— А что поделать, таков закон. Ты видел столько, сколько не нужно ни одному горожанину. Будь благодарен за то, что тебе подарили еще несколько месяцев жизни. А если повезет, то тебе найдут должность на внешнем кольце до самой старости, как мне или Красавине. — Добронрав дружески похлопал Светоча. — Ну, рассказывай, как ты пережил ужасы плена. Не могу представить, как человек способен выдержать такое.

— Командир, я пойду? — К ним подошел Благомил.

— А машину кто отмывать будет? — Строго поинтересовался Добронрав.

— А что, салаги кончились?

— Сегодня ты, салага. У нас теперь новый герой, Светоч, человек переживший муки плена и не сдавшийся. Кстати, где моя доля?

Благомил протянул ему сумку.

— Вот за что я люблю дикарей, так это за умение понимать наши потребности на интуитивном уровне. Что ни говори, а с цивилизованностью человек утрачивает интуицию. — Командир погремел бутылками. — Не хочешь попасть к нам на закрытую вечеринку. Мы бы послушали твои байки.

— Не сегодня. Я очень устал и хочу просто лежать.

— Хорошо, думаю, через три дня повторить. Считаю, ты приглашен. Иди домой, твой модуль до сих пор не занят. Вернее, занят, но ты сам понимаешь кем. Твоя мулатка сделалась чернее ночи после того, как ты не вернулся из рейда.

— Она еще не знает, что я жив?

— Нет, конечно. С какой стати нам докладывать ей? Иди и сам обо всем расскажи. Но учти, завтра у тебя перепосвящение. А с послезавтра ты снова будешь заниматься.

— Хорошо, я понял. Могу идти? — Светоч уже рвался скорее увидеть Коломбину.

— Иди и смотри не погибни от страсти. Хотя, может ты бессмертный?

Светоч ничего не ответил. Сбежал вниз через ангар, перепугав салаг, изучающих «мастодонты», выбежал на улицу и побежал к своему жилому модулю. Время было ранним для возвращения Коломбины с работы, поэтому он остался на дороге, по которой она водила грузовик с отходами.

Пропустил с десятков машин, в которых сидели другие люди. Ту машину, в которой ехала Коломбина, почувствовал сердцем. Оно пропустило такт, отчего в груди приятно и волнительно затомилось. Кажется, Коломбина тоже узнала его, машина неожиданно завиляла колесами и остановилась. Девушка выскочила из кабины и замерла. Не веря своим глазам, смотрела на Светоча, а когда поняла, что это он, всхлипнула и опустилась на землю.

Глава 13

С огромным трудом Коломбине удалось успокоиться. Ее начали подгонять следовавшие за ней грузовики, водители которых требовали не нарушать очередность.

— Поехали уже. По дороге все расскажу. — Светоч подсадил подругу на водительское место, а сам сел рядом.

У Коломбины тряслись руки. Она с трудом попадала на дорогу и чуть не уехала в кювет.

— Соберись, пожалуйста. — Попросил Светоч. — Всё хорошо, я живой и мы снова вместе.

— Я..., я так часто... разговаривала с твоей душой... по ночам. — Призналась Коломбина. — А ты живой... и меня не слышал.

— Теперь слышу. — Светоч вынул кулон и показал его подруге. — Он помог мне. Я знаю, на что тебе пришлось пойти, вручая его мне.

Коломбина бросила на него внимательный взгляд.

— Совсем всё? — Спросила она.

Светоч обвел пальцем кабину и приложил палец к губам.

— Он был тебе дорог, как семейная реликвия, а ты отдала его не члену вашей семьи. Это дорогого стоит.

— Я очень хотела, чтобы ты выжил и вернулся.

— И твоя мечта сбылась. Давай после работы прогуляемся по нашему месту возле ручья. — Предложил Светоч.

— Конечно. Я так часто вспоминала тот вечер, когда мы впервые туда приходили. — Она снова скуксилась и зашмыгала носом.

Светоч отъездил с ней все поездки до конца смены. Высаживался перед заездом на территорию, ждал, садился и снова ехал. С каждым кругом Коломбина становилась все веселее. Осенний день сделался короче, и её смена закончилась уже ночью. Светоч снял с себя китель и накинул на озябшие плечи подруги. На улице было прохладно. Зашли в жилой модуль и первое, что он увидел, это нарисованное от руки его лицо, висящее на стене, напротив разложенной кровати. Рисунок был сделан на высоком уровне, почти с фотографической точностью.

— Я по памяти рисовала. — Смугилась подруга. — Кажется, получилось похоже.

— Да вообще точь-в-точь. Как будто стоп-кадр.

— Я уберу его, раз появился оригинал. — Коломбина сорвала картинку.

— Зачем, пусть бы висел. У тебя талант художника.

— Не надо. Тут ты мертвый, пропитанный моей скорбью. — Не согласилась подруга. Она ущипнула Светоча чуть выше талии. — А тут живой и теплый.

Они поужинали, оделись теплее, и вышли на улицу. Коломбина вела Светоча знакомой тропой, а он наслаждался умением видеть чуть ярче, чем обычный человек без ментаграммы. Отойдя на расстояние, которое он посчитал безопасным, Светоч ухватил подругу за талию, привлек к себе и поцеловал с жадностью. После поцелуя он мысленно произнес фразу, которая активировала новую способность клеща, не фиксировать речь.

— Я знаю, что находилось в кулоне, знаю, что ты с заданием, и я видел внешний мир, который совсем не такой, каким преподносил МАК. Я был в плену, но это был совсем не

плен. Мне открыли глаза на происходящее и теперь у меня тоже есть задание.

— Какое? — В голосе Коломбины прозвучал страх.

— Ты не должна этого знать ради твоего же спокойствия. — Светоч собрал ее непослушные волосы в пучок и вдохнул их аромат.

— Ты снова отправишься на войну?

— Моя война здесь.

— Я хочу быть рядом. Мне ужасно плохо без тебя.

— Тебя будут искать.

— Значит, ты хочешь вернуться в город? — Догадалась она.

— Вот черт, прокололся в первую же минуту допроса. — Усмехнулся Светоч. — Ладно, да я сбегу в город. У меня есть план, как снова вернуть себе личность, у которой будет нормальный рейтинг и никаких вопросов от МАКа. А ты не сможешь добраться до города из-за своего ошейника-чипа.

— А когда ты собираешься сбежать?

— Сегодня ночью. Завтра мне пообещали вставить новую «гниду» вместо нерабочей, а этого допустить никак нельзя.

— Так быстро? — Коломбина снова зашмыгала носом. — Это издевательство над моими чувствами. Вначале похоронить тебя и жить с этим пару месяцев, потом чуть не умереть, решив, что ты призрак на дороге, а потом добить новостью, что ты уже уходишь.

— Я был бы рад, если бы Добронрав дал мне неделю, но он не дал, а значит надо спешить, иначе все напрасно.

— Тот чип, который мне вшили, чтобы я не сбегала с внешнего кольца не работает. — Произнесла она. — Я ждала удобного случая сбежать в город.

— Так это что, не ты участвуешь в моем плане, а я в твоём?

— Нет, это мы делаем с тобой одно дело. — Коломбина поцеловала Светоча. — Я очень рада, что случай выбрал тебя.

— Но тебя будут искать? Так просто люди в Тулсе не пропадают.

— И что с того? Пусть ищут, хоть я и не слышала про такую службу. Спасибо создателям МАКа, что не стали ставить камеры на каждом углу. Отсутствие слежения, упование на полное подключение всех жителей, позволили существовать рядом с горожанами людям-невидимкам. Ты можешь и не знать, но в городе не так мало людей без «клещей». За два года я была свидетелем исчезновения двух парней из числа «диких».

— Я знаю про них. Мало того, очень рассчитываю на их помощь. — Признался Светоч.

— Серьезно? — Удивилась Коломбина. — Ой, я так рада, что ты на нашей стороне. — Она повисла на шее Светоча и принялась активно его нацеловывать.

— Я бы не стал считать, что на вашей. Скорее на своей. Желаю городу процветания, как и всем жителям вокруг него. — Ему не хотелось попадать из одной зависимости в другую.

— Ладно. — Легко согласилась Коломбина. — Давай считать эту миссию только нашим с тобой делом. Я уже давно разорвала пуповину с теми, кто меня готовил.

— Какая физиологичная аллюзия.

— Какой манерный брезгливый мальчик. А ничего, что мы измазали друг друга слюной?

— Была бы ты немой, цены бы тебе не было. — Пошутил Светоч и поцеловал подругу. — Мы можем измазаться не только слюной. — Прошептал он томным голосом. — Ой, фу, Светощ, вот этого говорить как раз не стоило. Ты убил во мне весь романтический

настрой. — Коломбина поправила на себе одежду.

— А с Миолой этот трюк срабатывал.

— Оно и видно, что учителя у тебя были не людьми. — Коломбина хитро посмотрела на Светоча. — Ладно, прощаю на первый раз.

Они уединились под старой ивой в зеленом тумане отсвета защитного барьера, с трудом пробивающегося сквозь листву.

— Нам надо хорошо поужинать. — Произнес Светоч после романтической части встречи. — Неизвестно когда удастся поесть в следующий раз.

— Ты хочешь уйти прямо сейчас? — Удивилась Коломбина.

— Конечно. Или сейчас или никогда. Ты не готова?

— Готова, Светош. С тобой я всегда готова.

Они вернулись в жилой модуль и заказали два ужина. Первый бокал воды из-под крана Светоч вылил, опасаясь, что МАК задумал остановить его планы. Он до сих пор не знал всех его возможностей и старался подстраховаться. Второй тоже вылил, а выпил только третий, предварительно обнюхав воду. Как будто ничем посторонним не пахло. Вода не произвела на организм никаких ощущений. Коломбина тоже напилась впрок, зная, что до города идти много километров по территории без всякой бытовой инфраструктуры. Почти все расстояние занимали возделываемые техникой поля.

Светоч и Коломбина вышли из жилого модуля в подсвеченную зеленым светом ночь. Как назло Милоделу тоже не сиделось дома. Он стоял у входа, опершись на перила и попивая напиток, очень похожий на пиво.

— Привет, сосед. Рад, что вернулся живой и здоровый, рад, что воссоединились. Решили прогуляться на радостях? — Спросил он.

— Да. — Ответил Светоч. — Пройдемся по улице, подышим свежим воздухом.

— Конечно, дело правильное. Наконец-то через стенку будет слышно хоть что-то веселое.

— А вы подслушивали? — Разозлилась Коломбина.

— Против воли. — Признался сосед.

— Это все равно лучше вашего ужасного пения. — Огрызнулась уязвленная девушка.

— Какое место, такое и пение. Соловьи красиво поют в лесу, а не в клетке.

— Это точно, в лесу птицы поют намного лучше. — Поддержал его Светоч. — Ладно, рад был повидать, но мы спешим.

— Конечно, понимаю, дело то молодое. Надо успеть все знаковые места в округе пометить, пока любовь не прошла.

Светоч и Коломбина не стали дослушивать его ворчание. Спустились вниз и направились по кольцевой, делая вид, что прогуливаются. Народу из-за прохлады было немного, в основном парочки. В городе даже такого количества пешеходов не встречалось. Там вечером можно было увидеть только людей, увлеченных бегом или спортивной ходьбой, наматывающих круги ради поднятия рейтинга. Светоч считал их чокнутыми, истязающими себя сверх меры ради вождя рейтинга.

Впереди показался освещенный поворот на примыкающую к кольцевой дорогу. Примерно каждые десять минут туда сворачивал грузовик с отходами.

— Можем попросить подвезти. — Предложила Коломбина.

— Не надо. Давай лучше сделаем так, чтобы никто не видел где и когда мы исчезли. Мне только сейчас пришла идея оставить на берегу той заводи, в которой мы с тобой

плавали, нашу одежду и записку, что мы решили покончить жизнь самоубийством, чтобы навсегда остаться вместе. Они бы пошли по ложному следу и дали нам больше времени. Как тебе мой план? — Светоч засмеялся.

— Ну, найти людей на дне той заводи минутное дело. А в чем бы мы с тобой шли до города по такому холоду? — Поинтересовалась Коломбина.

— Это я еще не придумал. Например, мы бы сняли постель с моей кровати и закутались в одеяло. Да не так уж и холодно, будем быстро идти, не замерзнем.

Сзади показался свет фар грузовика. Светоч схватил Коломбину с дороги и утянул в кусты. Машина проехала. Они вышли и продолжили путь. Светоч вспомнил, как Красавина трогала программатором его чип.

— Скажи, а откуда ваши узнали про клеща и гниду? — Поинтересовался он у подруги.

— Насколько я знаю, а это только слухи, то через подкоп. У нас есть город, такой же, как Тулса, называется Либертад. Он находится в долине между гор. Когда строили его, то пещеры, соединяющие внешние и внутренние территории завалили. Но наши вроде бы нашли не заваленный проход или расчистили сами, смогли попасть и выкрасть несколько человек, пока МАК не заметил это и не устранил возможность проникновения. Тогда чуть большая война не началась.

— Так ты не из ренегатов? — Удивился Светоч.

Он до сего момента считал, что только с лояльных территорий набирают людей для пополнения разнообразия генофонда.

— Боже избавь. У меня рвотный рефлекс, когда я вижу этих пресмыкающихся.

— И что же, МАК после этого не изменил конструкцию чипов, зная, с какой целью были похищения?

— Меня в это никто не посвящал. Да и было ли это интересно девочке, выигравшей самую главную лотерею в жизни. Они могли оставить в городе аппаратуру, которая работала на одной частоте с каналом связи между МАКом и клещом и сканировать все изменения. Но это я предполагаю на дилетантском уровне. В любом случае, им удалось сделать нормальную глушилку, которая спасает людей. Тебя, например. — Коломбина потискала Светоча. — Я ведь не знала на самом деле, работает она или нет.

— Мне повезло. Представь, как я был ошарашен, когда мне показали электронную начинку кулона и вычислили без всяких усилий, кто дал мне его.

— Ты серьезно? Они знают, что это я? Ты им сказал? Тебя пытали? — Закидала она вопросами Светоча.

— Не пытали. Они профессионалы. Просто показывали фотографии всех женщин из твоих краев, которые попали в Тулсу в последнее время. Ничего не спрашивали и не просили отвечать. Я просто смотрел картинки, и когда показали тебя, они по каким-то датчикам определили изменение состояния моего организма и поняли, что это была ты.

— Значит, ты разволновался, увидев меня?

— Да.

— Это приятно. А то, кукла, кукла. — Поддела его Коломбина.

— Не напоминай, пожалуйста. Мне стыдно за себя того, недоразвитого. Я вообще уверен, что МАК намеренно нас всех держит на легких транквилизаторах, тормозящих психическое созревание.

— И уже без него ты не сможешь. — Произнесла она со знанием дела.

— Да, а откуда ты это знаешь?

— Тоже слухи. Говорили, что те люди из Либертада умерли после отсоединения чипа. Организм не справился с работой самостоятельно.

— Со мной тоже такое чуть не случилось, успели включить.

— Грасиас а Диос. (Слава Богу. исп). — Коломбина поцеловала сжатый кулачок.

Они незаметно дошли до территории, на которую свозили весь мусор, выловленный барьером. Как раз в этот момент за ним прилетел большой грузовой летательный аппарат. Шум работы его двигателей давил на уши. Звук был негромким в слышимом диапазоне, но в районе инфразвука его мощь видимо, была приличной. Аппарат опустился на подготовленную площадку и к нему сразу начали сновать роботизированные погрузчики, набивая бездонные недра кубами с отфильтрованной грязью. Людей в погрузочной зоне как будто не было. Наверняка, вблизи аппарат создавал совершенно невыносимые условия для человеческого слуха, поэтому всю работу доверили роботам.

— Почти два года я езжу сюда каждый день. — Произнесла Коломбина с чувством. — Я уже видеть не могу это место.

— А я слышать. Мои чувствительные барабанные перепонки держаться на последнем издыхании. — Светоч ослабил с помощью ментаграммы слух.

— Дальше я не была. А вдруг моя «гнида» рабочая и я погибну. Что будешь делать? — спросила Коломбина со смехом.

— То же, что и собирался.

— И даже не останешься у моего тела лить слезы в неизбывном горе?

— А это мне поможет чем-нибудь? — Светоч решил подразнить подругу.

— Если ты такой бездушный, то можешь вообще не плакать. Переживу. — Надулась подруга в шутку.

Дальше дороги не было. Идти пришлось по высокой сухой траве, среди которой попадались колючки, цепляющиеся на одежду. Через сотню метров Светоч с Коломбиной сделались похожими на дикарей, занятых сборкой этих самых колючек. Чипы-ошейники никак не давали о себе знать. Светоч часто оборачивался, каждый раз реагируя на свет грузовиков, подъезжающих к разгрузке. Через час летающий грузовик медленно оторвался от земли и, сотрясая воздух низкочастотным гулом, улетел за барьер. Ночь сразу стала очень тихой. Время сверчков прошло. Слышался только легкий шелест гуляющего ветра по верхушкам сухой травы.

У МАКа все работало с максимальной эффективностью, и поэтому целина вскоре сменилась свежей пашней, идти по которой стало еще тяжелее, чем по траве.

— Надежды дойти до утра тают с каждой минутой. — Признался Светоч, в который раз споткнувшись через земляной гребень. К завтраку не поспеем.

— А мы грибами перекусим? Тут же должны быть леса, которые разделяют поля друг от друга. Наверняка там есть грибы. Меня одна девушка с работы учила собирать. Она из ваших краев.

— А что их можно есть без готовки? — Усомнился Светоч.

Для него понятие грибы являлось только предметом классификации живых существ, но никак не в гастрономическом смысле. Ни в каком городском меню они не фигурировали. Возможно, грибы предлагались только для людей с самыми высокими рейтингами, но Светоч об этом не слышал.

— Она угощала меня рыжиками. Они были потрясающими, но нужна соль, иначе на вкус, как мыло.

— Я никогда не ел мыло, и даже мыслей таких не было. — Признался Светоч.

— Так у вас и мыла никакого нет, только добавки в воду. У нас мыло кусками, так что я не могла удержаться.

— Ты права, у меня в плену было такое мыло, которое очень хорошо пахло. Но я не пытался пробовать его на вкус.

— Вообще не понятно, как ты дожил до этих лет. Я бы давно умерла от скуки.

— Обещаю тебе, как только мыло попадет мне в руки, я обязательно попробую его, чтобы знать, какие на вкус грибы без соли.

— Сразу видно, кого воспитывали люди, а кого машина. — Усмехнулась Коломбина и чуть не упала, споткнувшись о кусок земли.

— А мне с моим зрением, улучшенным машиной, видно лучше, чем тебе. — Подразнил ее Светоч. — Попробуй возразить против такого преимущества.

— Это не преимущество, это компенсация за отсутствие нормальной жизни. — Парировала подруга. — И если тебе все так хорошо видно, то бери меня за руку и веди.

Светоч взял ее холодную ладонь в свою руку.

— Тут поднимай ноги выше. Тут ямка. Здесь бугорок. — Ему понравилась роль штурмана в их тандеме.

Вскоре они пересекли пашню, и пошли по свежей стерне. Защитный барьер как будто совсем не удалялся. Нависал над ними, словно они шли не от него, а вдоль. Светоч издали слышал шум работающей техники, а потом увидел силуэт работающего трактора. Тот ездил в полностью автоматическом режиме по полю с плугом, переворачивая пласты почвы.

— Мы можем воспользоваться транспортом. — Предложила Коломбина.

— У него нет кабины. Это полностью роботизированная техника. В отличие от вас, внешних, у нас нет крестьянского населения, потому что работа на земле не способствует гармоничному восприятию жизни. — Пояснил Светоч.

— Какой бред, Светош. Ты можешь в это серьезно верить?

— Уже нет, но почему тогда в Тулсе полностью отсутствуют люди, занимающиеся сельским хозяйством?

— Да чтобы вы на их фоне не выглядели инфантильными бездельниками. Ваше возвышенно-бесполезное существование противоестественно человеческой природе. Посмотри, все люди, живущие за пределами городов, непрерывно участвуют в эволюционном процессе, совершенствуя технологии, мораль, социальные нормы и так далее. А у вас развивается только МАК, но не горожане. За двести лет в вашей жизни почти ничего не поменялось. Ни один горожанин не изобрел ничего нового за это время.

— Наша цель, вернее, цель, провозглашенная МАКом, это стремление к высшей точке гармонии, достигнув которую человек преобразуется, переходит на иной уровень восприятия мира, и его познания. — Зачитал Светоч выдержку из Устава.

— Ты веришь этому бреду?

— Когда-то верил. Согласись, человек зажат в стереотипах, мешающих ему взглянуть на жизнь под иным углом. Плоть слаба и она заставляет нас постоянно сбиваться на удовлетворение ее потребностей. Не дает шанса созерцательному образу жизни. Гармония, это же максимальное принятие мира. И это придумал не МАК, а люди. Они же знали, чего хотят, чтобы мы не отвлекались на мелкие дела. Может быть, что-то пошло не так и МАК по-своему их понял и потому его дела стали расходиться с тем, что он внушает. Я по-прежнему верю в основную идею городов, и даже те, кто дал мне задание, не хотят их

уничтожать.

— А чего они хотят?

— Хотят знать, чего хочет МАК на самом деле. — Светоч не раскрыл ей всей правды.

Про внедрение кусков кода он решил промолчать еще и по той причине, что был неуверен в работоспособности клеща после того, как Красавина потыкала в него программатором.

— Мне это и так известно. Цель каждого МАКа, сохранить себя любым способом. Где-то в самом начале алгоритма древа команд у него есть первоначальный закон, говорящий о том, что он есть отправная точка, основа основ мирового порядка и забота о собственном существовании есть приоритетная цель. Все поддается трансформации, кроме этого закона. Сольетесь вы с миром в гармонии, или нет, это на втором месте. Как и всякая система, она борется за свою жизнь, жертвуя тем, что можно восстановить. Для МАКа, по-моему, слияние с миром уже наступило.

— Ого. — Только и смог сказать Светоч в ответ на мощную тираду. — Ты успела это понять, живя на внешнем кольце, или этому тебе научили на внешке?

— Я наблюдательная. — Ответила Коломбина. — Кто занимался программированием, тот понимает, как работают команды.

— А зачем ему прописали этот закон?

— Наверное... — Коломбина задумалась, — Люди предполагали, что города не смогут вместить всех желающих еще долгое время, и появится возмущение этим фактом, поэтому они должны сами заботиться о собственной безопасности. Как видишь, их прогнозы сбылись.

Трактор, лязгая механизмами, остановился на краю поля, поднял плуг и начал разворот. Постоял немного, опустил плуг и поехал дальше, надрывно воя мощным электромотором.

— Чем дальше мы уходим от внешнего кольца, тем отчетливее я понимаю, что ты не совсем тот человек, которого я себе представлял. В тебе много такого, что ты ни разу передо мной не демонстрировала.

— А зачем дикарке корчить из себя слишком умную? Это же дисгармония.

— Ты права. Если бы ты повела подобные разговоры со мной до того, как я отправился в рейд, ни о каком продолжении отношений не могло быть и речи. Я бы испугался их крамольного содержания и решил, что ты опасна.

— И сдал бы МАКу?

— Непременно. — Светоч прижал ее к себе и поцеловал в холодную щеку. — Ты знаешь, что я сейчас чувствую?

— Что? Облегчение? — Предположила Коломбина.

— Мне кажется, что это не я иду разбираться с МАКом, а ты взяла меня в плен и ведешь. Что я жертва какого-то сложного и хитроумного плана, всю глубину замысла которого мне не постичь.

— Да брось, Светош. Просто решила выговориться. Девушке неприятно вести в паре. Мне просто не хочется тебя больше терять. Все мои разговоры, это пустая болтовня, заимствования чужих мыслей. Надо же менять твоё отношение ко мне в лучшую сторону. Раз я могу связать пару мыслей в одну, почему бы и не похвастаться перед тобой. — Она засмеялась, побежала в сторону трактора, выделяющегося в темноте темным силуэтом, и бесстрашно заскочила на плуг. — Поехали, не бойся.

Светочу не хотелось выглядеть перед Коломбиной трусом. Он догнал трактор и встал на

широкую раму плуга, ухватившись за механизм регулировки опорного колеса.

— Теперь ты можешь рассказывать, что участвовал на сельхозработках. — Смеясь и перекрикивая вой двигателя, произнесла Коломбина.

— Боюсь, горожанам эта информация не будет нести никакого смысла. Они, конечно, учили и видели в роликах, как растет хлеб, но то, что их не касается ежедневно, они быстро забывают. Зачем знать и помнить то, что никогда не пригодится?

— А не пригодится им почти ничего. — Резюмировала Коломбина. — Если бы не МАК, поддерживающий искусственно уровень общества на определенном уровне, то оно бы в течение нескольких поколений с таким объемом знаний и умений ухнуло бы в каменный век. Только представь, что все «клещи» выключились, а МАК перестал поддерживать инфраструктуру, и все перестало работать. — Она посмотрела на силуэт Светоча, пытавшегося не свалиться с плуга. — Представил? — Спросила она, не дождавшись ответа.

— К своему сожалению. — Ответил Светоч. — Мы понятия не имеем, как все устроено. Я даже не знаю, в каком месте зерно и мясо превращаются в еду. Где ее искать, если перестанут работать пищевые автоматы. Откуда берется электричество, вода. Кто будет менять сломанную технику. Я всего этого не знаю. МАК обо всем заботился, зачем мне было это знать. А ты что, все это знаешь и умеешь жить, даже если тебя выбросят на необитаемый остров? — С долей сомнения спросил он.

— Смогу. Я умею ловить рыбу, готовить еду, замешивать тесто для хлеба или лепешек, добывать огонь, много раз чинила мопед, паяла микросхему на сломанной колонке, прокладывала электричество в наш балаган, да еще много чего делала, что и не нужно было. Мое детство прошло очень беспокойно, но многому научило.

— Половину из перечисленного я даже не понял. — Признался Светоч. — Что такое паяла микросхему на колонке? Для меня это набор несвязанных слов.

— Не парься. Считай, что я немного похвасталась.

— Тебе удалось произвести на меня впечатление списком заклинаний. Положа рука на сердце готов признаться, что я чувствую себя полным неучем, невеждой и даже дикарем. Прямо в этот момент, стоя на этой железяке, мое мировоззрение совершило разворот на сто восемьдесят градусов. Все, что я впитывал с детства, оказалось прямо противоположным. Мы, горожане, и есть дикари, напыщенные глупцы с необоснованным чувством превосходства.

— Ты стоишь на плуге.

— Что?

— Железяка, на которой ты стоишь, называется плуг.

— Я же говорю, глупцы, которые ничего не знают.

— Ничего страшного. Желание учиться и познавать должно сохраняться у человека в течение всей жизни.

Трактор остановился. Причиной остановки стал край вспаханного поля. Плуг начал подниматься вверх. Светоч и Коломбина испугались и со смехом спрыгнули на землю. Трактор начал разворачиваться и чуть не задел их мощными лемехами.

— Так могла бы на полпути закончиться наша великая эпопея. — Пошутил Светоч.

— Не доверяю я роботам. — Пошутила в ответ Коломбина. — Так и норвят убить человека.

— Смотри, как красиво. — Светоч уже не слушал ее.

Он смотрел в ту сторону, где белело сияние города. Его самого еще не было видно,

только отражение от мощного светового потока в низких облаках. Коломбина тоже замерла, восхищенная зрелищем.

— Не верю, что увижу город вживую. — Произнесла она шепотом.

У них ушло еще три часа, прежде чем они увидели светящиеся вершины самых высоких зданий Тулсы. Казалось, что теперь он уже рядом. Но час проходил за часом, а город очень медленно открывал свои секреты. Последний секрет открылся неожиданно. Светоч и Коломбина поднялись на холм и увидели перед собой множество сияющих дорожек, упирающихся в купающееся в огне пространство огромного города. Коломбина замерла на месте. Светоч тоже видел город с такого ракурса впервые и был поражен его великолепием.

— А может, ну их, эти великие планы. — Произнесла Коломбина дрожащим голосом. — Я хочу тут остаться.

un: yes'>

Глава 14

Оказалось, что между городом и предприятиями, производящими питание, непрерывно сновал транспорт. Светоч и Коломбина шли с ним по одной дороге до тех пор, пока не выяснилось, что машины попадают туда подземными путями. Тоннели оказались узкими, исключая возможность попасть в город тем же способом, что и машины.

— Надо грузиться в будку еще на предприятии. — Предложила Коломбина. — И хорошая новость, мы теперь знаем, где можно раздобыть еду.

— Не уверен, что под городом человек выживет. Мне представляется, что там сплошные механизмы, в которые закрутит, расплющит, поджарит и превратит в бутерброд. — Светоча заранее пугали темные подземелья.

Он был уверен, что там нет свободного пространства для передвижения человека.

— А я уверена, что там есть, где разгуляться. Механизмы требуют ремонта, а для этого нужно свободное пространство сервисным роботам на всем протяжении от получения продуктов, до их выдачи в пищевых автоматах, если мы говорим о продуктах питания, а ведь еще есть другая часть инфраструктуры, электричество, водопроводы, почта. Мне кажется, и даже захватывает дух от мысли, что под поверхностью города находится еще один город, скрытый от глаз. — Глаза у Коломбины разгорелись.

Светоч видел такой взгляд у товарищей по несчастью, когда они попробовали алкоголь. Вероятно, опьянение им и опьянение фантазией раздражали одинаковые части мозга.

— Если нам придется скрываться, мы непременно проверим этот факт. Уверен, там не будет света и тебе придется совсем туго.

— Ничего, я буду ходить с фонариком, который сделаю из ховерборда.

— У тебя на все есть готовое решение. — Удивился Светоч.

Его это даже немного разозлило. На фоне разносторонне развитой подруги его бесполезность выпирала сильнее.

Начало светать и город сразу померк. Но и в таком виде архитектурный ансамбль казался великолепным.

— Он выглядит, как фантазия художника, представившего город будущего. — Оценила потрясающие виды Коломбина. — Чего не отнять у МАКа, так это чувство стиля.

— Город был придуман до появления МАКа. Это же был проект, созданный людьми, в котором все продумано до мелочей. Единение рукотворного и природного, поэтому он приятен глазу, в отличие от ваших городов.

— Ты нашел их некрасивыми?

— Да, они как будто отторгнуты природой. Слишком искусственные и негармоничные.

— Согласна, но не полностью. Ты слишком мало видел, чтобы говорить обо всем.

— Может быть.

Ментаграмма последние два часа не затыкалась, напоминая Светочу, что он слишком утомлен и нуждается в отдыхе. Если бы это было раньше, то она посоветовала бы ему скорее вернуться домой и лечь спать. Сейчас же программа пребывала в сложном положении, зная, что Светоч должен находиться на внешнем кольце, но благодаря отключению определения положения в пространстве она не выдавала эту рекомендацию.

Путь к городу преградил широкий водный канал. Через него не было перекинуто ни

одного моста. На той стороне еще никого не было в такую рань.

— Как будем перебираться? — Поинтересовалась Коломбина.

— Я думал вплавь.

— Вода ледяная, не доплывем. — Коломбина сунула кисть в воду. — А одежду куда? У вас тут прокат лодок имеется?

— Лодок? — Светоч задумался. — Имеется, но они все на той стороне теперь. Если дождаться времени, когда люди станут собираться на набережной и плавать, можно попросить их зацепить еще один катамаран для нас.

— А мы не вызовем у них подозрение?

— Скорее всего, вызовем. У тебя нет рейтинга, а значит ты дикая. А у меня он такой, что мне не место в городе, но другого способа я не вижу. Не надо сильно бояться их подозрений. Горожане такие люди, что через минуту не вспомнят о нас. Слишком безопасная среда приучила их не заикливаться на том, что может напугать.

— Их? Ты уже не считаешь себя горожанином?

— МАК исключил меня из их числа.

— Изгнанный из рая. Падший ангел. — Пошутила Коломбина.

Светоч не смог оценить ее шутки, потому что не разобрался в религиозной терминологии. Он увидел на той стороне станцию зарядки хOVERбордов, и ему пришла идея заказать их на эту сторону. Этим примитивным транспортным средствам не было никакой разницы, над какой поверхностью парить. Он отдал мысленный приказ через ментаграмму. Ответ пришел, что с его рейтингом заказать можно только один и то на очень короткое время.

Пока Коломбина бегала по берегу в поисках плавсредства, одинокий хOVERборд миновал канал и замер у ног Светоча.

— Ого, а я не умею на этой штуке кататься. — Смущенно призналась девушка.

— Перееду я один, а потом вернусь на катамаране. — Сообщил ей Светоч о своих намерениях.

Коломбина напряглась.

— Только скорее. Я буду некомфортно чувствовать себя одна.

— Я мигом. — Светоч встал на доску, и смело двинулся на ней прямо в воду.

— Установлено, что ваше местонахождение не соответствует уровню рейтинга. Немедленно вернитесь на внешнее кольцо. — Сообщила ментаграмма на середине канала.

— Как только довезешь меня до берега, так сразу и вернусь. — Пообещал ей Светоч.

Ответа не последовало, но хOVERборд не замер. МАК милостиво разрешил добраться до берега.

— Ваш рейтинг понижен до минимального уровня, запрещающего пользоваться внутренней городской инфраструктурой. — Сообщила ментаграмма.

— Да пошла ты. — Выругался Светоч.

Катамараны не подключались к МАКу, являясь простыми механическими устройствами. Никакого рейтинга не нужно было, чтобы ими управлять. Проблемой являлся только небольшой замок, который считывал «клевца» пользователя. Светоч подошел к причалу, к которому крепились с десятков разноцветных катамаранов. Ударом ноги разбил пластиковый замочек с экраном, удерживающий красный аппарат и спустился в него. До этого он ни разу им не пользовался, потому что рассчитывались они на парное катание, а у него никогда не было пары.

Не сразу получилось сообразить, как управлять примитивным устройством. Светоч покрутился у причала, ударяясь то в него, то в соседние катамараны, пока не понял, какие действия приводят к какому результату. Коломбина стояла напротив на противоположной стороне канала и ждала. Она громко рассмеялась, когда Светоча на середине пути начало крутить в разные стороны.

— Что, я снова был забавным? — спросил он, коснувшись пластиковым корпусом берега.

— О, да, ты выглядел забавно. Это было героическое укрощение строптивого аппарата. Поддай даме ручку. — Коломбина встала одной ногой на волнующийся борт катамарана.

Светоч помог ей перейти.

— А теперь ты покажи, как умеешь управляться с этой штуковиной. — Попросил он подругу.

К его радости у Коломбины тоже не получилось с первого раза. Тогда Светоч уже точно разобравшись в рулях, взял управление на себя. Он точно припарковал катамаран к причалу тем бортом, на котором сидела Коломбина. Ухватился за специальную опорную ручку, чтобы он не раскачивался и дождался, когда подруга осторожно переберется на твердую поверхность. Выбрался следом, не так грациозно, как собирался, но был рад хотя бы тому, что не свалился в воду. Коломбина подстраховала его.

— Добро пожаловать в город. — Поздравил ее Светоч. — Мечта, которой не суждено было сбыться, сбылась.

— Поверить не могу. — Коломбина обвела восхищенным взглядом территорию, примыкающую к набережной канала. — Я думала, что тут красиво, но все равно поражена. Гармония во всем. Даже глазу приятно от этого.

— Жаль, что нам здесь нет места, иначе мы точно передумали вредить МАКу. Мне заблокировали пользование всем, что есть, поэтому придется идти пешком. — Светоч пнул от себя парящий рядом хOVERборд.

Он пролетел пару метров и остановился.

— А куда? — Спросила Коломбина.

— Туда, где я видел людей, которые точно не являлись коренными горожанами.

— Это далеко отсюда?

— Учитывая, сколько мы уже прошли, то рядом. Напрямую через город идти часа три. В обход, чтобы меньше привлекать внимание, часов пять.

— Напрямую. Я хочу познакомиться с Тулсой ближе. Мне плевать, что на меня будут пялиться.

— МАК сможет проследить за нами по их реакции. — Предупредил Светоч.

— Ну и что. У него не так много инструментов для вылавливания нарушителей. Он ведь уверен, что человек, отключенный от городской инфраструктуры, непременно умрет с голода или выполнит его требования. Ему невдомек, что мы можем питаться, ходить в туалет и мыться без его помощи.

— Ты уже придумала, как нам перекусить? Я такой голодный. — Светоч посмотрел на ближайший пищевой автомат и проглотил выделившуюся слюну.

— Придумала, но не знаю, как осуществить. Очень рассчитываю встретить тех людей, о которых ты говорил, и узнать у них. Не святым же духом они питаются. — Поделилась своей идеей Коломбина.

— Не уверен, что мы сможем их быстро найти. За всю свою жизнь в городе, я видел их

только один раз.

— Будем верить в лучшее. Ну, давай, экскурсовод, веди меня и рассказывай о том, что я вижу. Совместим приятную прогулку с получением полезной информации. — Коломбина сияла, словно на самом деле попала на экскурсию, о которой долго мечтала.

Светоч повел её прямо по широкой пустынной улице, пересекающей город с запада на восток. Пока на ней было пустынно. Город только начал просыпаться и люди еще не покинули свои уютные жилища. Рассказывать о городе было нечего. Во-первых, Светоч и сам знал о нем немного, во-вторых, оказалось, что он весь состоит из жилых домов, паркинга транспортных средств, пищевых автоматов и пунктов выдачи товара. И все это повторялось каждые сотню метров, чтобы жители не испытывали проблем с очередями в часы пик.

— Несмотря на красоту и гармоничную архитектуру, не покидает чувство шаблонности. — Поделилась Коломбина.

— Согласен. Я был всего в одном внешнем городе, и он мне показался настолько хаотичным, что я полюбил шаблоны. Было бы здорово совместить наши города. Из внешних взять население и поселить здесь и наоборот. — Предложил Светоч.

— Тогда получится, что одни обрадуются этому, а вторые загрузят. Я думаю, ты понял, о ком я?

— Думаю, понял, но жителям Тулсы смена обстановки пойдет на пользу. Им пора уже проснуться и увидеть жизнь в ее многообразии. Их высокомерию и невежеству по отношению к жителям внешних территорий нет предела, а это неправильно и должно быть исправлено. Такая жизнь противоречит гармонии в планетарном масштабе. Накопление потенциалов недовольства между жителями городов и внешних территорий непременно выльется во что-нибудь. И чем дольше он будет копиться, тем ужаснее будут последствия. Хорошо, что мы стоим в начале процесса, который позволит стравить напряжение без серьезной войны.

— Надеюсь, так оно и есть. — Коломбина вздохнула.

— Это на самом деле так и есть, поверь. — Светочу показалось, что она так не думает.

— Верю. — Подруга улыбнулась, но улыбка отчего-то получилась грустной. — Ладно, а расскажи мне, что это за здание. — Она показала на белый небоскреб, соединенный парящими мостами с другими такими же небоскребами.

— На первых этажах здесь находятся различные службы, а на средних и верхних жилые номера. Тут живут люди с очень высоким рейтингом. Они буквально с ума сходят, чтобы поддерживать его на таком уровне.

— Значит, у вас тут тоже есть разделение общества?

— Есть, но оно добровольное. Ты сам решаешь, каким рейтингом тебе удовлетвориться.

— И как же желание вознестись над остальными гармонирует с вашим Уставом Гармонии. Разве ему не противно тщеславие?

— Да что такое Устав? Это же не труд многих поколений людей, выстрадавших свою мораль, а простой свод правил, придуманный кем-то и не проверенный жизнью. Красиво звучит, но на самом деле не всегда работает. Горожане относятся к нему, как к формальности. Частенько готовы нарушать его сами, но попрекнуть других нарушением обязаны всегда. Жители этих домов показушники. Для них смысл жизни в том, чтобы получать удовольствие от созерцания зависти на чужих лицах. У них, что не фраза, то урок повышения рейтинга. Они настолько оприметивели свою жизнь, что фактически перестали

быть нормальными люди, так, приложение к МАКу. Они мне никогда не нравились. На месте МАК я бы их всех переселил на внешнее кольцо для расширения кругозора.

— Какой злодей. — Коломбина засмеялась. — А не завидуешь ли ты им?

— Сейчас, точно не завидую. Раньше, возможно. Но и я ведь совсем другой стал.

В конце прямой улицы, между сходящимися стенами домов, появился красный отсвет восходящего солнца. Дома мгновенно окрасились в розовый цвет. Стекла, витражи, специально созданные для этого отражающие конструкции, заискрились светом. Город преобразился и стал заново прекрасным. Коломбина шла с открытым ртом, вертя головой во все стороны.

— Поверить не могу, что это создано человеком. — Произнесла она с благоговением. — Это все было предусмотрено.

— Да, так происходит практически каждое утро в ясную погоду. А вечером повторяется, но в других оттенках. Я так к этому привык, что никогда не обращал внимания.

— Да как на это не обращать внимание. — Удивилась подруга. — Я как будто в сказку попала.

Постепенно на тротуарах стали появляться горожане. Коломбина буравила их взглядом, пытаясь увидеть отличие между ними и собой. Многие, заметив у нее отсутствие рейтинга, брезгливо отворачивались.

— А почему она здесь? — Вдруг обратился к Светочу пожилой мужчина.

— Новая инициатива МАКа, называется добровольное сожительство. Оно позволяет людям с низким рейтингом, как у меня, поднять его, проживая с человеком с внешней территории. Вы разве еще не знаете о нем? — Искренне удивился Светоч.

— Оу, видимо, подзабыл. — Смутился мужчина. — Хорошего вам и гармоничного дня. — Пожелал он неуверенно.

— И вам большой удачи и всего самого наилучшего. — Пожелал ему в спину Светоч.

— Вот ты врушка. — Засмеялась подруга. — Где ты только научился так сочинять?

— Само придумалось, за секунду.

— Да у тебя проявляются скрытые криминальные таланты. — Она нежно похлопала его по спине. — Как быстро на тебя повлияла дурная жизнь на внешнем кольце.

— Знаешь, без тотального контроля даже разговаривать стало проще. Нет постоянного ощущения строгого взгляда через плечо.

— Я тебя не понимаю. У меня такого никогда не было. — Внимание Коломбины отвлеклось на человека, выходящего из «престижного» дома.

Из стеклянного подъезда, подсвеченного нежным белым светом, вышел парень. На его ногах были надеты мягкие кремовые ботиночки, белые брючки и белая стеганая куртка, пошитая точно по фигуре. Светлые волосы, постриженные в аккуратное каре, делали его образ слегка женственным. Всем своим видом он желал произвести впечатление человека достигшего полного просветления.

— Ангел во плоти. — Оценила его внешний вид Коломбина.

— Ты находишь его нарочито броский стиль красивым? — Удивился Светоч.

— Я нахожу его заметным. Этому парню удалось завладеть моим вниманием.

— Ты доставишь ему удовольствие, если продолжишь пялиться. Он убедится еще сильнее в том, что производит неотразимое впечатление.

— Пусть думает, что хочет. Кстати, он не к пищевому автомату направляется? — У Коломбины заурчало в желудке. — Я бы сейчас съела даже безвкусный бутерброд.

— Всегда мечтал попробовать, чем кормят на максимальном уровне. — Светоч тоже направился к пищевому автомату.

— Ты что задумал, Светош? — Испугалась Коломбина. — Я потерплю еще. Мне не очень сильно хочется есть.

— Тихо, не спугни нам добычу. — Шикнул Светоч. — Все будет нормально, в рамках приличия.

«Белый» парень ничего не подозревая, подошел к лотку пищевого аппарата и потянулся за своим завтраком. Одновременно к нему подкатился двухместный автомобильчик, в котором он собирался его съесть по дороге на работу. Светоч опередил парня, раньше того вынув коробку из лотка.

— Всегда мечтал узнать, чем кормят людей с таким рейтингом. — Беспардонно озвучил он свой хамский поступок. Открыл коробочку и вынул из нее толстый бутерброд с румяными кусочками хлеба. — Ого, разница есть даже на вид. — Он жадно откусил большой кусок и протянул бутерброд Коломбине. — Давай, ешь.

Подруга неуверенно взялся его в руки. «Белый» парень не мог вымолвить ни слова. К такой ситуации он не был готов и просто открывал и закрывал рот, не издавая звуков. Коломбина откусила и вернула бутерброд Светочу. Тот отдал его законному владельцу.

— Спасибо за угощение. — Поблагодарил он и взял из лотка съедобный стакан с напитком. — А тут что у нас? М-м, кофе. — Он открыл крышку и понюхал. — Без, это не кофе, это жаренные экскременты горожан, которые выдают за кофе. — Он все равно сделал глоток и протянул стакан Коломбине. — Оцени вкус. На внешке кофе это совсем другой напиток.

— Я не хочу. — Соврала подруга после такой антирекламы.

— Запей сухомятку, а то язва будет. — Посоветовал Светоч.

Она сделала маленький глоток и вернула стакан.

— Ладно, друг, спасибо за угощение. Если что, долг непременно вернем. Хорошего дня, полного положительных эмоций. — Нарочито доброжелательно пожелал Светоч. — Стаканы из покойников просто бесподобно вкусные.

— А почему вы тут? — спросил «белый» очнувшись от ступора.

— А мы твоя дурная карма. У МАКа теперь новый метод обучения людей, которые добиваются высокого рейтинга ради рейтинга, а не гармонии с миром.

— А что мне делать? — Спросил сбитый с толку парень, не понимая, что над ним издеваются.

— Снимать штаны и бегать. — Серьезно посоветовал Светоч.

— Идем. Мы уже привлекаем внимание. — Коломбина дернула его за руку. — Зачем ты вообще затеял этот театр?

— Извини, мне было приятно поиздеваться над ним. Меня всегда бесило их высокомерие, а тут появился шанс сделать это безнаказанно, еще и позавтракать. Разве не здорово? — Светоч задорно рассмеялся.

— Совсем не здорово. Когда я попала на внешнее кольцо почти все, кого я встречала, смотрели на меня высокомерно. Я научилась не замечать их взглядов и это правильно, а не месть и удовлетворение своих низменных чувств.

— Тут другое, мы из одной среды, поэтому его высокомерие по отношению ко мне оскорбительно.

— Уже нет. Забудь вообще о рейтинге и расслоении городского общества.

Сконцентрируйся на цели и не отвлекайся. — Посоветовала Коломбина.

— Ты снова разговариваешь со мной, как человек, на которого я работаю. — Заметил Светоч.

— Не говори ерунды. Я так общаюсь с тобой, потому что ты можешь надеть глупостей. У меня больше опыта в достижении целей, я вижу, где ты слаб, поэтому подсказываю и советую. Мне не хочется, чтобы мы вляпались в неприятности раньше времени. Не обижайся. — Коломбина взяла Светоча за руку и прижала к своей груди. — Я тебя берегу.

— Ладно, убедила. — Светоч решил, что глупо подозревать того, кому он понравился до того, как с ним случилось это событие во «внешке».

Народу на улицах пребывало с каждой минутой. Ожил транспорт. Сотни машин и трициклов неслись по улицам.

— Здесь нет светофоров. — Заметила Коломбина.

— Они не нужны. Машины сами останавливаются, когда на перекрестке собирается от десяти человек и больше.

— Нет рекламы, нет витрин, нет развозных грузовичков.

— Нет денег, потому и продавать ничего не надо. Все, что нам нужно, МАК транслирует прямо в мозг через «клеща».

— С деньгами было бы проще. Есть деньги, есть еда, питье, ночлег и все что хочешь. Все любят деньги и не спрашивают, откуда они у тебя.

— Нам показывали, как вы сходите с ума из-за них, теряете разум и человеческий облик. По-моему, это не то, о чем стоит жалеть.

— Не больше, чем вы по своему рейтингу. От человека зависит в большей степени, какие рамки он себе ставит. Хочет всего, сразу и любыми путями, конечно одуреет. Видела я таких, у кого только и разговоры, что про деньги, да про беззаботную жизнь богачей. Зато сейчас мы с тобой при деньгах могли бы поесть и домчать до нужного места за минуты, а не чапать несколько часов, ловя на себе удивленные взгляды. Здрати. — Вызывающе поздоровалась она с пожилой дамой, не сводящей с нее глаз. — Я бешеная, могу и покусать.

На женщину ее предупреждение произвело пугающее впечатление. Она прибавила шагу и постоянно оборачивалась, глядя подозрительной парочке в спину.

— А кто меня учил быть сдержанным? — Поймал ее Светоч.

— Прости, но она прямо выпросила грубость. Неприлично так смотреть на человека, у которого над головой не светится статистика. Такое чувство, что не будь у меня ног или головы, это ее удивило бы гораздо меньше.

— Несомненно. Человек без головы, но с отличным рейтингом не вызвал бы такого интереса. Мало ли что придумал МАК, может быть теперь и голова для стремления к гармонии не требуется. Половина горожан избавится от нее, если потребует, без всякого сомнения. — Светоч посмеялся. — Они сейчас пользуются ей, чтобы принимать пищу. Как только этот вопрос будет решен, и пища сможет попадать напрямую в желудок, всё, от головы можно избавляться.

— Юморист. Это хороший признак. Я вообще не видела ни одного человека из города, у которого имелось бы нормальное чувство юмора. Думала, что таких вообще не бывает, что эта способность выкорчевывается МАКом подчистую, как ненужная вещь в достижении единения с миром.

— У меня какие-то корни видимо остались, но ты права, МАК шутить не умеет. Думаю,

он считает эту способность опасным рудиментом и одной из причин несоответствия почетному званию горожанина.

Когда до точки назначения осталось иди не больше получаса, дорогу парочке перерезал трицикл с полосой, характерной полицейским машинам.

— Кто это? — Испугалась Коломбина.

Светоч не ответил. Он тоже напрягся, удивленный тем, как быстро к ним проявили интерес. Дверь поднялась вверх.

— Светоч? — Раздался удивленный возглас полицейского.

— Любжан? — Светоч был удивлен не меньше.

Бывший напарник выбрался из машины, постоянно бегая взглядом от Светоча к Коломбине.

— А ты так и не поднял рейтинг, я смотрю. А девушка с тобой... из этих? — Он не нашел подходящего слова, чтобы не обидеть.

— Мы в отпуске за хорошую службу. — Соврал Светоч, надеясь таким нехитрым способом запутать следы. — Афродита всю жизнь мечтала повидать город, а я не смог ей отказать.

— На чем же вы приехали с таким рейтингом? — Подозрительным тоном поинтересовался Любжан.

— В нашей службе свой транспорт. По городу, да, пешком, но до города нас подвезли. Вечером назад. Увидеть Тулсу, как говорят по ту сторону барьера, и умереть.

— А ты там бывал? — Спросил бывший напарник.

— Бывал. — Скупо ответил Светоч.

Хотел похвастаться тем, что воевал, был сбит и провел в плену два месяца, но не стал.

— И что, там так ужасно, как показывают? — Спросил Любжан.

— Ужасно. Еще ужаснее, чем показывают. А ты как меня нашел? — Перевел разговор Светоч на другую тему.

— По наводке. Это вы напугали Сластоцвета Светлорукого у пищевого автомата? — Спросил он. — По описанию подходите. Парень с минимальным рейтингом, и девушка, судя по всему, загорелая дикарка.

— Я креолка. — Обиделась Коломбина на свое описание.

— А Светоч сказал, тебя зовут Афродита. — Любжан понятия не имел о национальностях и этносах, решил, что это имя и вопросительно посмотрел на бывшего напарника.

— Креолка, это этническая группа, характерная той местности, откуда я родом. — Пояснила Коломбина.

— Ничего не понял. — Признался Любжан. — Так Креолка или Афродита?

— Афродита. — Прекратил его муки Светоч. — Так что, мы пойдем дальше? Выписать нам штраф все равно не получится.

— Идите, но больше не пугайте никого своим видом. Честно говоря, твоя пятнистая форма напоминает одежду садовника, стригущего городской сад. А вы, девушка, без статистики тоже вызываете дискомфорт у горожан. Будет лучше, если вы полюбуетесь городом из тех мест, где немногочисленно.

— Так мы туда и идем. — Светоч обрадовался подсказке.

— Куда именно. — Профессионально поинтересовался Любжан.

— К каналу. Сейчас не сезон и думаю, народу там будет немного.

— Светоч, ты изменился. — Заметил бывший напарник. — Не могу сказать, что именно стало не так, но ты другой.

— Сложные обстоятельства меняют людей. Следи за своим рейтингом, если не хочешь меняться, как я. — Посоветовал Светоч.

Любжан не понял сути совета. Разговор выбил его из колеи, потому что он встретился с тем, кого не должно быть в городе и теперь не знал, как поступить. Светоч взял Коломбину за руку и прибавил шаг. Перешел на другую улицу, менее оживленную и уже по ней направился к конечной точке маршрута.

Глава 15

На набережной канала не было вообще никого, кроме уток. Светоч с Коломбиной сели на скамью под старой ивой.

— Вот в том месте я видел, как один за другим всплывали люди и уезжали в город. Выглядели они странно и подозрительно.

— Они были горожанами? — Спросила девушка.

— Видимо, да. Ховерборды подчинялись им. А как насчет статистики, я не помню. В тот момент мне просто на ум не могло придти, что в городе могут свободно разгуливать... ну, ты поняла.

— Такие, как я. — Усмехнулась Коломбина.

— Да. Не понятно только, зачем им надо было лезть в эту нору, где стоят электромоторы для управления задвижками.

— Ты же говорил, что в этом месте глушился сигнал. — Напомнила Коломбина.

— Да, было дело.

— Очень подозрительные совпадения. — Заметила подруга.

— Согласен. Они мне и тогда показались подозрительными, но диспетчер и МАК не хотели этого замечать. А нам, горожанам, не пристало подолгу переживать. Напряженное состояние психики уводит нас в другую сторону от гармонии. — Светоч улыбнулся. — А я ведь на полном серьезе верил в этот бред и пытался поддерживать в себе только положительные эмоции.

— А что в этом плохого? — Не поняла Коломбина.

— А то, что человек теряет умение противостоять негативу. Видела бы ты меня, когда я попал в плен. Моя психика просто не справлялась. Как я не умер, непонятно.

— Знаешь, лично для меня в этот самый момент, ты обычный парень. Такой же, как и на внешней территории и даже лучше.

— Спасибо, а чем же лучше? — Светочу понравился комплимент.

— Тем, что понимаешь в гармонии больше нашего. Ты добрее, рассудительнее, спокойнее. Чтобы не наговаривали на МАК, что он мамочка, которая кормит дитя сиськой всю жизнь и не позволяет ему попадать в опасные ситуации, есть в этой опеке человечность, которой лишены люди. Мы выросли в конкурентной борьбе и подсознательно рады чужим неудачам, будто это помогает нам вырваться вперед. Это полный бред. Чужие неудачи никак не связаны с нашими успехами. Каждый получает свой опыт, который аналогичен вашему рейтингу, только определяет его Господь Бог.

— Красивая аналогия, но что мне понравилось у вас, так это искренность между людьми. Живое общение, искренний интерес к тому, что ты рассказываешь. У нас здесь все имитация. Никому не интересно, как ты живешь, а разговоры между людьми ни к чему не обязывающая вежливость. — Светоч не согласился с Коломбиной. Он был уверен, что она видит жизнь Тулсы снаружи, а он изнутри.

— Мы оба привыкли к чему-то у себя и просто не замечаем положительных сторон. — Коломбина взяла с берега камешек и бросила в воду.

— Это запрещено. — Прокомментировал Светоч ее поступок. — Загрязнение среды.

— А меня тут сиськой никто не вскармливал и потому законы не действуют. —

Коломбина показала язык. — Что-то начинает холодать. Вот бы найти теплое местечко.

— С этим будут большие проблемы. Ни одна дверь не откроется человеку с таким рейтингом, как у меня. Про тебя я вообще молчу. Мы обречены сидеть на холоде, пока не увидим тех, о ком меня предупреждали.

— А если они вообще никогда не появятся? — Усомнилась подруга.

— Если не появятся, будем думать над следующими шагами.

— Они уже есть, или придется их выдумывать?

— Один есть точно. — Светоч вспомнил, что для этого надо убить человека и помрачнел.

От внимания Коломбины не ушло изменение выражения лица незамеченным.

— Что, тебе придется выгнать меня из города? — Предположила она.

— Нет, не придется. — Успокоил он подругу. — После этого шага у нас появится тепло и еда.

— Так что мы ждем? — Оживилась Коломбина. — Давай приступать немедленно.

— Есть нюанс. — Светоч перешел на шепот. Коломбина прижалась к нему ухом. — Надо нейтрализовать человека.

Подруга резко отстранилась и посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— А иначе никак? — Спросила она с надеждой.

— Нет. На этом все завязано. Я не стану объяснять, потому что... — Светоч указал пальцем на «клеща», — он может сдать нас.

— Это же негуманно. Мы к этому не готовы. Я лучше буду мерзнуть и голодать. — Затараторила Коломбина.

— Увы, но мы больше не принадлежим себе. Одна жертва сейчас позволит избежать миллионы жертв в будущем. — Ответил Светоч аргументом, который привели ему агенты из «внешки».

— Светош, у нас должен быть другой способ. Подумай, ты все знаешь об устройстве города. Хорошее дело с такого не может начинаться. — Коломбина нервно заходила перед ним.

— Ты же сама говорила, что любой процесс переходит в свою противоположность. Отличная проверка этой мудрости.

— Иногда я просто болтаю, чтобы выглядеть умнее. Не стоит каждый раз серьезно относиться к моим словам. К тому же я женщина, слаба на язык, и на это тоже надо делать скидку. — Она плюхнулась на скамейку и нервно застучала носками по покрытию набережной. — Придумал?

— Нет. Никакого другого способа не существует. Должна произойти замена, а тот, кто станет мной, обязан исчезнуть.

— Мне страшно. — Призналась Коломбина. — Я не смогу принять себя в такой роли. Мне будет противно всю жизнь.

— Будет жаль, если нам придется из-за этого расстаться. — Печально произнес Светоч. — У меня свои приоритеты.

Они встретились взглядами, чтобы выяснить, насколько искренни признания. У Коломбины выступили слезы.

— А куда я теперь пойду? Меня, если не ликвидируют по-тихому, то вышлют домой. А там еще и стыд за невыполненное задание, и пожизненный ярлык неудачницы. — Она вытерла слезы. — Ну, придумай что-нибудь, Светош.

— Придумал.

— Правда? — Коломбина расцвела.

— Я все сделаю один, а ты будешь ждать меня вдалеке.

— Это же ничего не меняет. — Снова помрачнела подруга.

— Для тебя меняет. Если расстояние делает человека непричастным к совершаемому преступлению, значит меняет. Ты же не впадаешь в депрессии, когда погибают люди по ту сторону барьера. А ты так же причастна к этому конфликту и поддерживаешь одну из сторон. Люди стреляют друг в друга, чтобы удовлетворить и твои желания.

— Это не совсем то, Светош.

— Это абсолютно тоже самое, только расстояние от места совершения преступления до тебя настолько удаленное, что тебе кажется, будто ты непричастна.

— Ты чертов философ и адвокат дьявола в одном лице. — Коломбина уставилась на носки своей обуви, обдумывая ответ. — Пусть это будет самый никчемный горожанин. — Сдалась она.

— По рейтингу или по сути?

— По сути.

— А как мы определим? — Поинтересовался Светоч.

— По реакции на нас. Мы его должны разозлить настолько, что он потеряет контроль над собой. — Предложила Коломбина.

— Нам придется очень долго искать такого человека. Если не считать меня, то в целом горожане, народ, привыкший не показывать своих чувств. Давай, пройдемся по набережной, согреемся. — Светоч поднялся со скамейки и протянул руку.

— Я бы согрелась горячим кофе. — Коломбина посмотрела сторону ближайшего пищевого автомата, у которого забирали еду две девушки.

— Больше отбирать я не буду. Нас быстро вычислят, и тогда мы попадем на общественный суд, который примет решение выдворить нас из города на внешнее кольцо. Правда, в этом есть и положительный момент. Процедура долгая, нас будут кормить и предоставят жилье.

— Оставим это на запасной вариант.

Они взялись за руки, и пошли вдоль набережной. Светоч посматривал по сторонам. Николай указывал в качестве ориентира именно это место. Если с этими «нелегалами» ничего не произошло, их не выловили, они не умерли от голода или не утонули во время дождя в том помещении с задвижками, то обязательно должны засветиться. Непонятно как искусственный интеллект оценивал степень опасности в виде проникнувших незаконно в город «дикарей». Возможно, он не считал их угрозой, если вообще понимал, кто это такие. Отличная идея не ставить камеры оставила МАК без глаз, поэтому недоступные органам чувств вещи ему приходилось додумывать, вычислять. Система работала четко, и всякое инородное в ней не имело шанса оставаться надолго. Однако не стоило недооценивать людей, выросших в условиях вечной конкуренции за лучшее.

— Светош, если бы мне пришлось выживать в этом урбанистическом мире, я бы нашла способ добраться до механизмов, производящих еду. Нашла бы способ отсыпать понемногу муки, приворовывать мяса и готовить самостоятельно. Если у них где-то рядом база, то это под одним из пищевых автоматов. — Предположила Коломбина.

Ее вводы имели под собой реальную основу. До сего момента Светоч не задумывался над тем, как доставляется еда конечному потребителю. Он представил себе дерево, которое

состоит наполовину из корней и наполовину из кроны и подумал, что пропорции города могут быть примерно такими же. Подземная часть, непрерывно обеспечивающая внешнюю всем необходимым, была таким же городом по размеру.

В качестве точки отсчета он выбрал дыру в набережной, в которую нырял летом. Это был единственный подтвержденный факт использования «внешними» городской инфраструктуры. Рядом, почти в сотне метров, находилось здание пищевого автомата.

— Идем туда. — Светоч потянул Коломбину за собой.

— Ты думаешь, то место и здание соединено единой коммуникацией? — Спросила подруга.

— Нет, я так не думаю. Просто решил, что им будет удобнее иметь все под рукой.

Они обошли здание пищевого автомата, внимательно рассматривая стены и прилегающую территорию. Никаких технологических люков или шахт вентиляции, в которые пролез бы человек, здесь не было. Коломбина посмотрела наверх и увидела примятую часть водосточной трубы, идущую вдоль крыши. Рассмотрела стену и нашла еле заметные следы, возможно оставленные обувью или босыми ногами.

— Они забирались через крышу. — Уверенно заявила она.

Светоч рассмотрел найденные ею улики.

— Днем они точно тут не лазают. Этот райончик довольно малолюдный и не так сильно освещен. Выбор правильный. Придется ждать ночи. — Решил он.

— Если у нас появился план, давай найдем укромное место и дождемся ночи. Я просто жутко промерзла, а мне тут никакая медицинская помощь не полагается. — Коломбина обняла себя руками и отбила короткую чечетку.

— Никому из нас не полагается. Даже не знаю, что предложить. — Светоч почесал затылок. — Мы можем забежать в дом, когда из него будут выходить люди, и так же прокатиться на лифте вместе с человеком, который будет подниматься. На этажах есть панорамные балконы, накрытые прозрачными сферами. Там оранжереи и постоянная комфортная температура.

— Отличный план. А бананы с апельсинами в оранжереях не растут?

— Нет. Ни разу не встречались. Там цветы обычно, или кусты всякие. Только мы точно привлечем внимание, и о нас доложат жители.

— А у вас что, вообще нет никаких общественных мест посещения типа торговых центров, кинотеатров, библиотек? — Спросила Коломбина. — Вы вообще как проводите досуг?

— Ничего из перечисленного у нас нет. Да если бы и было, туда все равно пришлось бы проходить через идентификацию, и мы были бы на виду еще больше, чем в обычном доме. — Светоч задумался. — Слушай, а ведь я знаю, где мы можем отсидеться благодаря юным наркоманам, которых я вылавливал, работая полицейским.

— Хоть какая-то польза от наркоманов. — Обрадовалась подруга. — Ну, делись.

— Они же все ушлые, старались спрятаться так, чтобы их не нашли как можно дальше.

— И где же?

— Фургоны почтовой службы. — Радостно выпалил Светоч.

— И как мы в них попадем? И будет ли в них тепло? — Засомневалась Коломбина.

— Попасть не проблема, они не запираются, но нам и не надо попадать в фургон. Мы подождем, когда он будет въезжать в здание почты и заскочим за ним.

— А там тепло?

— Ну, разумеется там теплее, чем на улице. Зимой помещения почты отапливаются, потому что так механизмам легче работать. Я думаю, что там уже тепло.

— Ладно, веди. — Покорно согласилась подруга. Она была готова на что угодно, лишь бы согреться. — Всю жизнь мечтала поковыряться в чужих посылках. Там, кстати, еду не пересылают?

— Нет, конечно. Почтовая служба, это простая доставка вещей. Например, мне привезли Миолу такой службой. — Светоч повел её к ближайшему зданию почты.

— Ой, ну хватит. Не поминай имя этой пластиковой твари всуе. Я как представлю, что ты мог реально испытывать чувства к ненастоящей женщине, не могу отделаться от ощущения, что ты извращенец. Спать с неживым, это какая-то некрофилия.

— У нас это называется культура уважения личного пространства. Мне теперь и самому тошно, но только после того, как я узнал тебя.

— Я прям умираю от гордости. — Съязвила подруга. — А если сравнить куклу с коренной горожанкой?

— Думаю, я бы остался верен Ми..., прости, ну, ты поняла.

— Что не так с вашими женщинами?

— Да все не так. Даже не хочу развивать тему этого разговора. Они делают все, чтобы отбить к себе интерес и это у них очень хорошо получается. Я же тебе говорю, во главу угла поставлено личное пространство, нарушение которого является одним из самых критичных на пути к постижению гармонии. А это чистой воды эгоизм. Люди перестают общаться на глубоком уровне, теряют понимание других, и как следствие, становятся нетактичными. Не грубят, не хамят, как вы, «внешники», когда вам хочется кого-то унижить, а делают это не специально, из-за непонимания что можно, а что нельзя спрашивать у человека. Из-за этого постоянного недопонимания желание общаться пропадает окончательно. Вокруг человека формируется кокон из понятных вещей, в который другие люди не входят. Работа, развлечения, еда, кукла, пожалуй, всё.

Коломбина передернула плечами.

— Почему бы МАКу не пересмотреть свою политику? — Спросила она, но вопрос точно адресовался не Светочу.

— МАК железка, он сам ничего не предпринимает. Он завозит диких для баланса и это устраивает его программу.

— Я поняла, чего точно хотят люди, живущие за барьером. — Произнесла Коломбина. — Они поняли, что эксперимент провалился, и хотят бескровно свернуть его. Их цель не борьба, не война, а мягкое изменение проекта.

— Мне они не называли конечные цели нашей с тобой операции, но, я думаю, ты права, МАК не справился и если запустить этот процесс, то он перерастет в более серьезный конфликт, а все жители городов, в конце концов, станут под ружье. Поэтому нам с тобой надо набраться смелости духа и завершить задуманное.

— Я поняла, к чему ты ведешь. Принять смерть несчастного, как этап вынужденной необходимости ради благого дела? — Спросила Коломбина, забегаая вперед, чтобы видеть глаза Светоча.

Он приложил палец к губам.

— Не стоит произносить некоторые слова вслух. — Светоч показал на «клеща». — Да, и не только его..., но и тяготы, которые могут нас поджидать, пока мы будем выполнять задание.

— А я что-то пропустила мимо ушей, что нам придется делать еще, после того, как ты легализуешься?

— А ничего такого. Будем жить как все. Я найду себе новую работу, на которой меня не знают, а ты будешь сидеть дома и ждать меня. Есть будем одну еду на двоих и принимать душ одновременно.

— Да, это будет очень тяжело. Я не привыкла жить взаперти.

— А мы будем гулять вечерами. — Пообещал Светоч.

Он готов был жить с Коломбиной даже такой ущербной жизнью, и она казалась ему более полноценной и глубокой, чем прежняя. Наполняла ее смыслом еще и миссия по перепрограммированию МАКа. Очень хотелось увидеть результат своей работы. Как древняя «железка» обретет новый разум и на самом деле станет полезной всему человечеству, а не избранному «зоопарку» деградирующих приматов.

Они подошли к зданию почтовой службы. Рядом с ней стояли несколько грузовичков. Два с кабинами и людьми внутри, и четыре роботизированные машины без кабин.

— Роботы развозят вещи, а люди, наоборот, забирают, когда они сломаются или рейтинг позволит поменять на другие. Или заставит. — Он вспомнил ситуацию с куклой. — Тут, кстати, работают люди второго поколения «внешников». То есть твои дети могли стать почтальонами.

— Почему это мои? Наши. — Коломбина улыбнулась. — Или ты не рассматриваешь такой вариант?

Это был очень сложный вопрос. Возможно, сложнее спасения мира. Коломбина восприняла затянувшуюся паузу по-своему.

— Значит, не рассматриваешь.

— Я вообще не думал об этом. Никогда не думал, а сейчас особенно. Поверь, еще ни разу жизнь не требовала от меня обзавестись детьми. Это как требовать от меня дать серьезный ответ на вопрос, как я отношусь к тому, что пингвины на Южном полюсе не доедают рыбы. — Отмазался Светоч, как смог.

— Ха, мальчишка. — Фыркнула Коломбина.

Пока они препирались, привлекли внимание одного из парней в кабине грузовичка. Он открыл дверцу и громко спросил.

— Эй, а ты же из наших? — Обратился он к Коломбине.

— Ну, вот, довертелись. — Расстроился Светоч. — Скажи ему, чтобы отстал.

Любопытный парень в грузовичке имел рейтинг, минимальный для жизни в городе.

— Не общайся со мной, иначе вылетишь из города и поедешь на войну. — Предупредила его Коломбина.

Тот посмотрел на неё хитро, но дверь закрыл. Потом снова открыл ее и бросил что-то в их сторону. Светоч подошел и поднял предмет. Это было явно самодельное электронное устройство, непонятного предназначения.

— Дубликат открывашки туалета для персонала. — Крикнул мужчина.

— Здорово, а я как раз хотела признаться, что мне бы уже пора. — Обрадовалась Коломбина.

— Да, это замечательно, но только в городе никакие дубликаты не делают. — У Светоча не возникло никаких сомнений, что мужчины в почтовом грузовике знают о тех, кого они ищут.

Он направился к ним.

— Доброго дня на пути к слиянию с миром. — Поздоровался он нарочито вежливо.

— И вам всего наилучшего. — Ответил ему мужчина, бросивший дубликат.

— Вы уж простите, если мой вопрос напугает вас, но пугаться абсолютно нечего. Я бы хотел встретиться с теми людьми, которые изготовили дубликат. — Попросил Светоч.

— Не понимаю о чем ты.

— Об этом. — Светоч потряс им.

— Извини, друг, но мы на работе не по работе не общаемся. Всего доброго и лучшего дня в вашей жизни. И мой вам совет, не торчите на улице, пока горожане не достали МАК своими обращениями.

— Спасибо. — Поблагодарил Светоч. — Если что, ночью мы будем вон в том пищевом автомате. — Указал он в нужном направлении.

— Рады за вас. — Мужчина захлопнул дверцу.

Светоч вернулся к Коломбине. Она нервно перетаптывалась на месте.

— Что они сказали?

— Не признались открыто, что знают о тех людях. Чего-то бояться. Думаю, они не хотят, чтобы МАК заподозрил их в неблагонадежности, а может они покрывают людей, которые живут тут незаконно.

— Вот это вероятнее. Странно, что они бросили дубликат. Видать приняли меня за одну из них, за новенькую. — Предположила Коломбина.

— А я их немного напугал. — Решил Светоч. — Пошли искать туалет.

На другой стороне здания имелась дверь без всяких опознавательных знаков. Светоч приложил дубликат к считывающему устройству и услышал щелчок электрического замка. Внутри одноместного туалета зажегся свет.

— Держи ключ, откроешься изнутри. — Светоч протянул подруге дубликат.

— Нет. — Испугалась она. — А вдруг изнутри не сработает. Давай, я постучу, а ты откроешь.

Светоча рассмешил ее страх, но он согласился. Коломбина постучала минут через десять и вышла довольная.

— Отличный сервис, не сравнить с внешним кольцом. И согрелась немного. В принципе, можно было бы и тут дожидаться ночи.

— А как объясним, что мы тут делаем тем почтальонам, которым приспичит? Давай, если попасть внутрь почтового помещения не получится, оставим этот вариант про запас.

— Согласна.

Светоч тоже сходил в туалет, после чего они заняли место, неподалеку от ворот, в которые заезжали почтовые грузовички. Долго ждать не пришлось. Робот грузовичок был уже, чем тот, на котором ездили люди. Светоч схватил Коломбину за руку и забежал с ней внутрь темного помещения одновременно с машиной. Он знал его расположение и потому сразу свернул направо. Слева начался шум работы манипулятора, укладывающего коробки внутрь машины.

— А свет здесь есть? — Спросила Коломбина.

— Он автоматический, когда заезжает машина с людьми. Надо было прихватить хOVERборд и сделать из него фонарь. — Напомнил он про ее обещание. — В этом углу сервисная зона. Тут подростки прятались, чтобы принимать наркотики. Мы находили их лежащими на полу. Первый раз я прокрутился часа два, прежде чем понял, что они внутри. Сообщил диспетчеру, она МАКу и только после этого нам открыли дверь.

— Тут теплее, чем на улице. — Заметила Коломбина. — Мне кажется, что скоро потянет в сон. Мы же не спали всю ночь и прошли огромное расстояние. Мой организм просто мечтает, чтобы я прилегла.

— Сейчас, зрение подстроится и я посмотрю, где можно удобно и безопасно расположиться.

Светоч дождался, когда глаза начнут различать очертания помещения и принялся их обследовать. Увидел и наощупь определил, что рядом имеется возвышение, на котором штабелями уложены пустые почтовые коробки. Под потолком находился манипулятор, который снимал их, когда возникала необходимость. Светоч снял несколько штук и постелил их на свободном месте.

— Иди на голос. — Позвал он Коломбину. Поймал ее за руку, когда она подошла близко. — Тут надо вкарабкаться наверх. Я постелил коробку, ложись на нее.

— А ты?

— А я рядом. Куда же я теперь от тебя денусь. — Светоч помог ей забраться.

— Поверить не могу, что я нахожусь в самом красивом месте в мире и сплю на картонке, как бездомный.

— Ты другой жизни тут и не знала, а представь, каково мне спать на картонке, когда у меня были апартаменты на восемьдесят втором этаже. — Он лег рядом и положил руку на Коломбину. — Если что, спокойного дня.

— А в пищевом автомате спать было бы теплее и там должно вкуснее пахнуть. — Помечтала она, прежде чем уснуть.

— Согласен.

Через минуту оба сопели во сне. Даже снующие туда и обратно машины не могли заставить их проснуться. К счастью в этот день горожане ничего не сдавали назад, и пару никто не разбудил включившимся светом. Светоч проснулся и узнал через ментаграмму время. Было уже около шести вечера, наступили вечерние сумерки. Мышцы ног нагружено болели, и очень хотелось в туалет. Коломбина не проснулась, даже после того, как он легонько ее потряс. Пришлось ждать целый час, когда она проснется.

— Я сейчас лопну. — Первое, что она сказала, проснувшись.

— Я уже пропустил две машины, хотя тоже на грани. Чувствую онемение мочевого пузыря, после которого может начаться непроизвольное...

— Стоп, не продолжай.

Ворота начали подниматься, и одновременно с ними включился свет. Светоч чуть не ослеп от него. Зрение было приспособлено под тьму и не успело быстро подстроиться.

— Я ничего не вижу. — Признался он.

Коломбина схватила его за руку и вытащила на улицу, пока опускались ворота. Там уже Светоч открыл глаза без проблем.

— Минусы большего диапазона зрения, это долгая адаптация к изменению освещения. — Пояснил он свою беспомощность.

— Ничего страшного, для этого я тебе и дана судьбой в напарники. А теперь, дай мне ключи.

— Только не долго. — Умоляюще попросил Светоч, протягивая ей дубликат.

Коломбина послушалась и управилась за три минуты. Светоч справил нужду абсолютно не чувствуя процесса. Нервы действительно онемели. Он покинул туалет чуть ли не вприпрыжку.

— Как думаешь, ключи надо вернуть? — спросила Коломбина.

— Не знаю. Этих парней тут нет, а где их оставить, чтобы никто, кроме них не взял?

Пусть побудут у нас, пока мы увидимся.

— Тогда, пошли к пищевому автомату. Жуть, как хочется разгадать тайну следов на его стене. — Призналась Коломбина.

— А я думал, ты скажешь, жуть, как хочется есть.

— И это тоже.

Народу в это время на улицах было немало. Светоч с Коломбиной сторонились их, благо это можно было делать в этом месте. Тут не было улиц, огромная площадь, пригодная для прогулок или активных занятий спортом. Пищевой автомат привлекал внимание людей большой голографической вывеской, видимой одинаково с любой стороны. Забота о полном желудке горожан являлась одной из наиболее значимых, после контроля здоровья и знания Устава. МАК внимательно следил за количеством употребленной пищи и ее составом, естественно, в строгой привязке к рейтингу.

Высота здания пищевого автомата до крыши составляла три метра. Коломбина примерилась и обратилась к Светочу:

— Подсадишь? Я попробую залезть, затем подам тебе руку.

— А сил у тебя хватит? — Усомнился Светоч в ее способности забраться.

— Я, в отличие от некоторых, все свое детство провела, карабкаясь по деревьям, по карнизам домов, даже по скалам. — Похвасталась она. — Присядь и обопрись руками о стену. Я встану тебе на плечи, а ты выпрямишься.

— Ну, давай, попробуем.

Светоч сделал, как просила подруга. Она больно наступила ему обувью на плечи, но он стерпел. Выпрямился и посмотрел, как она выполнит сложное акробатическое упражнение. К его удивлению оно далось Коломбине без особого труда. Она подтянулась, закинула ноги и одним махом оказалась на крыше. Исчезла и появилась через несколько секунд с веревочной лестницей.

— Лови. — Сбросила ее вниз.

Светоч огляделся. Кажется, никто не видел, как они брали штурмом заведение общепита. Он забрался на крышу. На последнем этапе Коломбина помогла ему и сразу затащила лестницу. На освещенной яркой вывеской крыше в глаза бросился «грибок» вентиляции, из-под которого с шумом выходил воздух с ароматом готовящихся блюд. Светоч взялся за него и легко снял. Им открылась шахта, в которую запросто мог пролезть взрослый человек.

— Теперь первым полезу я. — Светоч решил, что это более опасное занятие.

Коломбина не стала спорить. Он сел на край шахты, и начал медленно опускаться, упираясь ногами в стенки. Опустился на вытянутых руках, но дна еще не достал.

— Я прыгаю. — Сообщил он подруге и отпустил руки.

Пролетел не больше полуметра. Громко ударился о твердую поверхность и обшарил вокруг себя руками.

— Ты в порядке? — спросила Коломбина.

— В полном. Тут совсем немного лететь. Тут ответвление, я отползу и дам тебе команду спускаться.

— Хорошо.

Светоч отполз в сторону.

— Давай.

Раздался шум, свист подошв по стенкам шахты, короткий визг и громкое приземление.

— Удачно? — Спросил Светоч.

— Да.

— Ползи за мной.

Светоч повел Коломбину за собой. Они проползли на коленках несколько метров и уперлись в вентилятор.

— Под нами задвижка. — Сообщила Коломбина.

Зашуршал металл. Светоч увидел в открывшемся пространстве слабый источник света.

Проверил руками размер проема.

— Я первый. Мне видно пол. — Он не был уверен, что это пол, но хотел верить.

Протиснулся и свесил ноги. Спрыгнул, но оказалось, что пол намного ближе, его голова осталась внутри шахты.

— Теперь ты.

Он помог Коломбине спуститься. В помещении было шумно, сильно пахло горячим хлебом и жареным мясом. Он только собрался сказать подруге, что им несказанно повезло оказаться в тепле и рядом с едой, как крепкие руки схватили его сзади и повалили на пол.

Глава 16

К тому, что придется доказывать свою причастность к общему делу, Светоч был не готов. Ему не верили и даже присутствие «дикарки» никак не влияло на их нежелание верить ему на слово. Коломбину куда-то увели, чтобы они не могли сговориться.

— Не знаем мы никакого Николая. — Произнес мужчина, лет сорока. — Мы тут все из разных мест и каждого из нас засылали разные люди. Был бы ты одним из наших, оттуда, вопросов было бы меньше. Как мы можем верить человеку, у которого прямая связь с МАКом? Никак. Ты уже сдаешь нас помимо своего желания.

— Не сдаю. Мой «клещ» перепрограммирован. Он не показывает местоположение и вообще многое не делает из того, что нужно МАКу. Я вам нужен, потому что являюсь ключевым способом влияния на него. В мой чип зашита вирусная программа, которая будет внедряться кусочками каждый раз, когда я буду пользоваться техникой. И когда соберется полный код, начнется переобучение МАКа.

— Хорошо, если все так, как ты рассказываешь, то зачем тебе мы. Живи, пользуйся техникой, заражай МАК. Зачем ты искал нас? — Мужчина угрожающе приблизил свое лицо к лицу Светоча.

— Вы же не видите мой рейтинг? — Спросил он.

— Нет, а что?

— Он предельно низок. Я ничем не могу воспользоваться в городе. Мой «клещ» сейчас бесполезен.

— Ты что, думаешь, мы тут научились клепать ваши «клещи»? Мы должны поверить в твою гнилую отмазку? Никодим, тащи шокер, мы сейчас сожжем его клеща. — Крикнул мужчина в темноту.

Через секунду появился парень с прибором в руках, напоминающим гибрид ножниц и полицейского программатора.

— Не надо, вы же угробите всю операцию! — Закричал Светоч.

— Тихо, на улице услышат. — Мужчина ударил его ладонью по лицу.

— Вы идиоты? Я же единственный человек, который остался в живых в плену на той стороне. МАК уничтожил всех, а я выжил благодаря глушилке, которую мне подарила моя девушка. Я два месяца был среди ваших, и они открыли мне глаза на ситуацию. Я проснулся, понял, что такое МАК и как он гробит планету ради кучки людей, которых держит в сладком неведении. — Светоч ударил по руке Никодима, потянувшегося к нему с прибором.

— Постой. — Мужчина, видимо являвшийся вожаком «дикой» стаи остановил товарища. — Складно сочиняешь. Сейчас мы проверим твой рейтинг. Принесите мне терминал заказов.

Из темноты вынесли прибор с сенсорной панелью, с помощью которой можно было взять напрокат катамаран.

— Заказывай. — Приказал вожак.

Светоч через ментаграмму попытался сделать заказ.

— Ваш рейтинг ниже требуемого уровня для заказа. — Ответила ментаграмма.

На экране устройства высветился значок отказа.

— Так, тут ты нам не соврал. И как в свете открывшихся фактов ты собирався подгадить

МАКу, если он с тобой не контактит? Проще всего это было сделать на внешнем кольце, где твой уровень еще котируется.

— Мне нужен горожанин с хорошим рейтингом. У меня с собой есть вещество, которое симулирует наркотическое опьянение, но гарантированно вызывает летальный исход. В программный код ментаграммы записан эмулятор ДНК, который будет преобразовывать мою ДНК в ДНК убитого. Пока он будет жив, мой клещ подменит наши ДНК. Для МАК получится, что умру я, но я останусь, и буду жить как тот человек, пользуясь всем, к чему он имел доступ. Пока я буду пользоваться техникой, небольшие куски кода начнут переписываться на их память, а оттуда в память МАКа. Я вам уже объяснял этот механизм. — Светоча трясло от негодования.

— Жестко. — Вымолвил вожак, переварив информацию.

— Я вас искал, чтобы вы помогли мне с этим и заодно дали нашим сигнал, что я нашел вас.

— Какой сигнал? — спросил вожак.

— Две длинных световых вспышки и две коротких.

— И про это знаешь. — Задумчиво произнес мужчина. — Как-то неуютно становится, что среди нас есть человек с клещом, который много знает. Ты меня вроде убедил, но подозревать тебя я не перестану.

— Ваше право. Накормите Коломбину, пожалуйста. Мы утром съели по кусочку бутерброда и глотку кофе. — Попросил Светоч.

— Смотри-ка, — раздался насмешливый голос из темноты, — это точно не городской. Не за себя просит, а за другого. Где это видано, чтобы нарциссы думали не про себя.

— Значит, ты говоришь, воевал? — Переспросил вожак.

— Меня сбили в первый же рейд. — Напомнил Светоч, думая, что факт участия в войне вызовет агрессию в отношении него. — Я на многое поменял взгляд, пока был в плену. Будьте уверены, МАК мне так же неприятен, как и вам.

— Неприятен? Да я его ненавижу. Я же из ренегатов, и любил его безумно и был счастлив попасть за барьер. А когда попал и увидел ваше презрительное отношение ко мне, что вы понятия не имеете о том, как мы вас любим и боготворим, а вы нас все равно считаете дикарями и не видите разницы между «внешниками», мир перевернулся. Я даже тебя понимаю, как горько осознавать свою неправоту.

— Так вы поможете мне? — С надеждой спросил Светоч, решив, что признания вожака знак принятия его в тайное сообщество.

— Мы отдельно допросим твою девчонку и тогда решим. — Холодным тоном ответил вожак. — Потерпи. Гертруда, принеси парню еды! — Крикнул он в темноту помещения.

— Сейчас. А что он любит? — Поинтересовался приятный женский голос.

— Он любит жизнь, а ест, что дадут. — Вожак поднялся с места и ушел.

Светоч остался как будто один. Даже его зрению не хватало возможностей разглядеть обстановку. Оборудование пищевого автомата постоянно шумело, отчего к темноте добавлялась глухота. Светоч вздрогнул, когда его тронули за локоть.

— Это ужин, держи. — Произнес голос Гертруды.

— Спасибо. — Он нащупал бумажный поднос и сложенные прямо в него куски мяса, хлеба и горки соусов.

— Приятного аппетита. Если непривычно есть в темноте, могу включить свет, но сразу предупреждаю, мы тут уже привыкли ориентироваться без него, мужики сразу начнут

ругаться. Постоянно живем в темноте, и в город выбираемся только ночью.

— Спасибо, справлюсь и без света.

— Ну, как знаешь.

— А Коломбину накормили?

— Накормили. — Со смехом ответила женщина.

Светоч все равно измазал пальцы в соусах, пока искал их куском мяса. Вытер о себя, постеснявшись спрашивать салфетки. Аппетит унялся, и стало намного лучше. Переживал только за Коломбину, боялся, что она от волнения скажет что-нибудь не то и получится, что он врал.

Прошло чуть меньше часа, когда к нему снова проявили интерес. Явился вожак.

— Поел? — Первым делом спросил он.

— Да. А вы уже разговаривали с Коломбиной?

— Радуйся, она подтвердила твои слова.

— А сигнал послали? — Спросил Светоч.

Ему хотелось, чтобы Николай знал, что он уже на месте.

— А если это сигнал МАКу?

— Это сигнал человеку, который помог мне сюда попасть. Я видел, как его товарищей по службе, которые помогли мне, расстреляли ренегаты. У меня долг перед ними. Я хочу, чтобы ничья смерть не была напрасной, чтобы у меня получилось. Очень понимаю, что вы боитесь ошибиться, и вас раскроют, но что вы теряете? Вас выселят за барьер и всего-то. Никто вас не убьет, не посадит пожизненно в каталажку. Максимум, что вам грозит, так это осуждение родственников, которые думали, что вы тут живете и наслаждаетесь.

— Выселение? А что ты знаешь о выселении? Ты видел с той стороны барьера хоть одного отселенного отсюда? — спросил вожак.

— Нет, но у меня в плену круг знакомых ограничивался спецслужбами.

— Я тебе так скажу, за барьер человек в своем уме точно не попадет. Возможно, ему стирают память, да так, чтобы наверняка, чтобы он снимать штаны не помнил, перед тем как срать садиться. Но это сложно, согласись. Гораздо проще пустить его на переработку. На удобрение или на мясо для бутербродов. МАК свидетелей не отпускает.

— Я точно знаю, что в городе нет служб, занимающихся подобным. — Светоч был уверен, что мужчина фантазирует.

— Откуда тебе об этом знать? Это же не способствует движению к гармонии. Тебя ведь тоже хотели утилизировать через войну. Ты что-то не то брякнул и всё, подписал себе смертный приговор.

— Ладно, я вас понял. Что вам еще нужно, чтобы поверить мне окончательно?

— А ничего. Посиди тут со своей мулаткой-шоколадкой, а мы будем наблюдать. Если в течение недели ничего подозрительного не произойдет, мы сделаем так, как ты просишь.

— Как хотите. — Светоч устал от разговора. — Могу я увидаться с Коломбиной.

— Никодим, проводи парня вниз.

— Иди за светляком. — Попросил голос.

Загорелся красный огонек, слабый, как от подсветки кнопки. Светоч пошел за ним. Его зрению хватало света, чтобы видеть стены, низкий потолок и препятствия в виде труб. — Труба, осторожнее. — Предупредил Никодим.

— Вижу. — Ответил Светоч.

— Ах, да, вы же более совершенные люди. Интересно посмотреть твоими глазами. Я

слышал «клещ» подкрашивает действительность.

— Да, есть такое. У меня был период, когда он был отключен. Мир стал невзрачным, но я быстро привык к этому, и он мне стал нравиться даже больше своей естественностью.

— Я бы хотел на время походить с клещом, чтобы понять, каково это.

— Не стоит. Оказывается, я без него долго не протяну. Организм уже настолько привык к нему, что можно умереть от ломки.

— Ну, тогда не надо. — Легко согласился Никодим.

— А мы уже спустились ниже уровня земли? — Заметил Светоч.

— Да. Тут под каждым таким зданием целый комплекс тоннелей, по которым транспортируется все необходимое. Я веду тебя в комнату, где стоят холодильники. Это промежуточный склад, куда раз в сутки доставляют скоропортящиеся продукты. Там шумновато, но тепло.

— Коломбина там?

— Там, там, любовничек. Украла дикарка твое сердце? — Усмехнулся Никодим.

— Она не дикарка.

— Мне так можно говорить, потому что я один из них, и это самоирония, а тебе нельзя, потому что это оскорбление. — Пояснил он.

— Да, мы любим друг друга. — Признался Светоч. — И нет никакого разделения людей. Мы все одинаковые.

— Конечно, кто спорит. Все равны, только одни чуть ровнее, чем другие. Чип на твоём загравке это как ярлык на княжение, отличительный признак новой расы людей. Симбиоз между компьютером и плотью.

— Вы преувеличиваете. «Клещ» это как бирка на животном, которое проведет в стойле всю жизнь и будет думать, что жизнь она вообще именно такая. Это страшно на самом деле, когда кто-то пытается жить вместе с тобой твоей жизнью. Конечно, клещ задумывался с благой целью, но первый опыт откровенно не удался. Человек теперь зависим от него, и даже сбой программы может привести к летальному исходу.

— Всё, пришли. — Никодим толкнул дверь. — Уединяйтесь.

В противоположном от входа углу помещения горела тусклая лампа. Коломбина вначале испугалась визитеров, но различив Светоча, взвизгнула от радости и кинулась навстречу. Никодим громко захлопнул дверь и защелкнул замок с той стороны.

— Я боялась, что они тебе не поверят. — Призналась подруга. — Так дотошно меня обо всем расспрашивали.

— Они еще и не поверили, иначе, зачем им запирать нас.

— Какие-то стремные дикари. — Усмехнулась Коломбина. — Ладно, хоть накормили. А тебе дали еду? — Испугалась она.

— Да, я поел.

— Класс. Теперь можно и пострадать на сытый желудок. Тут, кстати, неплохо, тепло, есть, где прилечь. — Она указала на постель, лежащую прямо на полу.

— Нам дали неделю на проверку. — Произнес Светоч. — Придется обитать в этой норе, пока они не убедятся в правоте наших слов.

— Так долго? А если не убедятся?

— Не знаю. Убьют, порубят на кусочки и скормят рыбам в канале. Я так понимаю, в этом противостоянии свидетелей никто не оставляет.

— Какой кошмар, Светош. Надеюсь, ты не прав, и они намного мягче.

— Я тоже на это надеюсь.

С этого момента время для них потекло медленно, как густой кисель. Каждый раз, когда к двери приближались шаги, замирало сердце, словно это была поступь неотвратимой судьбы, пришедшей огласить смертный приговор. Но каждый раз это оказывалась либо очередная порция еды, либо приходили поговорить, уточняя детали задания. Сутки стали отмерять по шуму загрузки холодильников. Двери их открывались на другую сторону, но все равно процесс загрузки был громким. Светоч насчитал шесть таких загрузок.

Снова раздалися шаги. Явился самый главный.

— Ну, как, кролики, не устали еще спариваться от безделья? — Поинтересовался он нескромно.

— Вы пришли с благой вестью? — Поинтересовалась Коломбина. — Или решили продемонстрировать зависть?

— Вот, язва девка. И то, и другое. Никодим снастался кабанчиком к внешнему кольцу, разузнать насчет тебя, — вожак посмотрел на Светоча, — и подтвердил твою легенду, включая внешность, как и твоей дамочки.

— А те, с кем он общался, не сдадут вас? — Спросил Светоч.

— Не сдадут, будь спокоен. Считай, мы вас приняли и готовы участвовать в операции по замене твоей личности. Меня зовут Влас. Имя не от рождения, то даже не хочу произносить вслух. — Он протянул руку.

Светоч пожал ее.

— Очень приятно, думаю, мне представляться не нужно.

— Не нужно. Мы про тебя ещё и у соседей твоих по апартаментам на восемьдесят втором этаже узнали. Тоже подтвердили.

— Через почтальонов? — Догадался Светоч.

— Ну, не сами же. А ты сообразительный. Или осведомленный? — Влас никак не хотел довериться полностью.

Светоч вынул из кармана дубликат ключей, открывающих туалет в здании почты.

— Они мне дали. Я сразу понял, что вы между собой связаны, иначе появление этого устройства объяснить невозможно. Никто с клещом не возьмется за производство незаконных вещей. — Пояснил Светоч.

— Ты прав, парень. Мы тут кое-как в меру своих возможностей упрощаем себе жизнь, чтобы хоть немного откусить от жирного городского пирога. Идемте в нашу комнату отдыха, познакомьтесь со всеми своими новыми товарищами.

Влас взял с собой фонарь, прикрытый матовым стеклом, чтобы не слепить. Теперь Светоч в подробностях рассмотрел место, по которому они поднимались вверх. Это была пологая извилистая горка, вдоль которой проходили пучки проводов, трубы, шахты и прочее в чем нуждался пищевой автомат. На полу виднелись темные следы, оставленные резиновыми колесами сервисной техники.

— Роботы, которые приезжают на ремонт, служат нам донорами запчастей. — Пояснил Влас, заметив, что Светоч смотрит под ноги. — Среди нас есть пара микроэлектронщиков, которые из любого хлама спаяют какой-нибудь полезный прибор.

— Это здорово. — Согласился Светоч. — Однажды я видел, как мужчины выплывали из воды в канале, совсем рядом с этим местом и уезжали на ховербордах. Я потом думал, когда понял, что это не горожане, как техника их слушалась?

— У, глазастый ты. — Усмехнулся Влас. — Потом расскажем.

Он подвел их к люку в полу и открыл его. Внизу светилось мягким светом небольшое помещение.

— Спускайтесь по одному. — Посоветовал Влас.

Светоч помог спуститься Коломбине, потом спрыгнул сам. Огляделся и увидел девятерых. Пятеро мужчин и четыре женщины. Среди мужчин были те, кого он видел выплывающими из воды. Влас спрыгнул и сразу приступил к установлению отношений.

— Так, коллектив, это наши новые члены, Светоч, будь неладно его высокомерное имя и прекрасная Коломбина. Вы уже все о них знаете, поэтому просто назову имена новичков. — Он начал справа налево. — Айна, Борис, Никодим, Виолетта, Артур, Михаил, Гертруда, Юэн, который человеческий язык с трудом понимает, и Прасковья.

— Очень приятно. — Светоч кивнул.

— Рады познакомиться. — Произнесла Коломбина.

— Мы тут все уже давно вместе, сработались, как одна семья стали. Надеемся, что вы станете ее частью. Садитесь, будем разговаривать. — Влас кивнул на свободные места.

Новенькие присели на небольшие кубы, обшитые мягким материалом.

— Так, с чего начать? — Вожак потер руки друг о друга. — Мы тут как крысы, живем под землей и пытаемся выжить за счет горожан. Я уже говорил, что среди нас есть люди, разбирающиеся в микроэлектронике. Это Артур и Михаил. Они вынимают микросхемы и делают дубликаты чего угодно. Они умеют даже копировать некоторые функции клеща, но, правда, временно, пока их обладатель в отрубке с заблокированным чипом. Вот так мы можем пользоваться техникой, заказывать еду и прочее. Еду, конечно, мы берем сами и когда угодно, но если подворачивается случай, почему бы и не использовать чужой рейтинг.

— Так эпидемия наркомании это ваша затея? — Догадался Светоч.

— Эпидемия? — Влас усмехнулся. — Громко сказано. Гертруда химик и это было ее заданием, развалить город изнутри.

Светоч посмотрел на обладательницу приятного голоса. Синеглазая блондинка, чуть старше тридцати.

— МАК вас постоянно накачивает транквилизаторами, поддерживая определенную дозу, чтобы жизнь казалась вам приятнее. Мне не пришлось ничего создавать, достаточно было вскрыть бак, из которого он берет препарат, набрать, сколько нужно и сделать сухую форму. — Пояснила она. — Подростки еще понимают, что с людьми в городе что-то не так и с удовольствием бегут от реальности. У препарата почти нет привыкания и слабый похмельный синдром. Рискует только те, кто не рассчитают дозу.

— Именно из-за смерти подростка меня отправили на внешнее кольцо.

— Вот видишь, всё, что ни случается, все к лучшему. — Власа не интересовала рефлексия нового члена команды. — МАК враг и не стоит так расстраиваться по поводу некоторых его частей. Прости, тебя я к ним уже не отношу. — Пояснил он. — Здесь, под пищевым автоматом мы сделали себе убежище. Тут тепло, всегда есть, что поесть. А в том помещении, которое находится под набережной, мы собирали наши приборы. Там поставили помехи, чтобы МАК не заметил раздвоение идентичных сигналов и потихоньку собирали. В идеале хотим сделать симулятор такого же интерфейса, как у всех горожан, чтобы они видели у нас рейтинг. Он, конечно, будет выдуманным, но зато мы сможем спокойно ходить по городу днем.

— Наверное, после этого вам не захочется бороться с МАКом? — Предположила Коломбина. — Такая беззаботная жизнь может понравиться.

— С чего ты взяла, детка? — Усмехнулся Влас. — Мы не из тех людей, кто привыкли жить в комфорте. К тому же это не отменяет того, что нам жить все равно придется под пищевым автоматом. Мы хотим больше свободы передвижения. Вас, если план, о котором вы поведали, сработает, вероятность погрязнуть в комфорте должна пугать сильнее. Очень надеемся, что вы не забудете о нас, и время от времени будете пускать в квартиру помыться и попользоваться вашими развлечениями. — Он оценил реакцию на свою просьбу и громко рассмеялся, заметив изумление в глазах Коломбины. — Шучу я, ладно, не напрягайтесь. Чего вам еще рассказать? Медицина нам недоступна, поэтому стараемся не беременеть, и бережем зубы. — Он широко улыбнулся, обнажив недостачу одного клыка. — Не уберег. Пришлось сидеть на наркоте, пока мне курочили десну. Как вспомню, так вздрогну.

— Извините, а можно для моей цели выбрать не ребенка. Пусть это будет сформировавшийся мужчина. Так и мне проще будет выдать себя за него и вообще, ребенок есть ребенок. — Озвучил Светоч то, что больше всего беспокоило его в ближайшее время.

Члены команды переглянулись между собой.

— Покажи, что у тебя с собой для нейтрализации человека. — Попросила Гертруда.

— Это может вас сильно впечатлить. — Светоч скинул себя одежду.

Коломбина смотрела на него во все глаза. Она ничего не знала, про «кармашек» в его теле. Светоч поднял руку, другой залез под мышку и вынул прямо из растительности плотный пластиковый пакетик.

— Как мне сказали, вещество впитывается даже через кожу. Человеку надо подержаться за ручку, обмазанную им, и этого будет достаточно. — Пояснил он.

— А потом быстро вытереть, чтобы никто другой не умер? — Засомневалась Гертруда. — При наших возможностях, будет проще добавить еду в готовящееся блюдо. Кто-нибудь будет следить за подошедшим человеком, и как только появится подходящий, даст знак, и мы отравим его порцию.

— А потом куда его? — Спросил Влас. — Через какое время подействует яд?

— Если он через кожу впитывается, то через желудок всосется мгновенно. Думаю, счет будет идти на минуты. — Предположила Гертруда.

— Нет, так не пойдет. Мы сразу же сдадим себя с потрохами. Нам трупы рядом с домом не нужны. Лучше уйти подальше, поймать человека и насильно залить ему препарат в рот.

— Насильно опасно. — Посоветовал Никодим. — Сами отравимся. Все должно пройти тихо и выглядеть так, будто человек добровольно принял наркотик. Надо будет прихватить свой порошок и вложить ему в руки.

— Правильная мысль. — Одобрил вожак инициативу Никодима. — Гера, у тебя остался препарат?

— Пару грамм наскребу. — Пообещала она.

— Теперь надо подобрать самое подходящее место в городе для этого.

— Парк с мосточками. — Громко произнес Борис. — Под которыми наркоманы любят прятаться.

— Это место полиция слишком хорошо изучила. Явятся через несколько минут, после отключения сигнала ментаграммы. Нужно что-то запутаннее и непривычнее. — Влас задумался.

— А что если совершить это в том районе, где живут люди с самым высоким рейтингом? — Скромно предложила Коломбина.

— Ого, аппетиты. — Усмехнулась Прасковья. — Одним махом в рай захотелось?

— Это вообще ни при чём. Я подумала, что полиция не поспешит к этим небожителям. Как ты считаешь? — Обратилась она к Светочу, намеренно игнорируя мнение остальных.

— Ты права. Я же работал в полиции. Если бы мне сказали, что в белых башнях кто-то балуется наркотиками, я бы не поверил. Ну и проникнуть туда не так просто. Рейтинга полицейского вряд ли хватит, чтобы открыть дверь в подъезд. Придется докладывать диспетчеру, чтобы он передал МАКу, чтобы тот снизошел до открытия двери недостойному. Это я вам скажу процесс небыстрый.

— А как ты думаешь притравить его внутри дома и затем попасть самому? — Поинтересовался Никодим.

— Да, внутри дома не самая лучшая идея. — Светоч задумчиво почесал затылок. — А почтальоны пойдут на дело?

— А что ты задумал? — Поинтересовался Влас.

— Надо отправить ему посылку. Придумать что-нибудь такое, чтобы потешить его самолюбие. Когда он придет забирать ее, затащить в почтовый грузовик и там использовать на нем препарат и спокойно обменяться данными между клещами. Затем почтальоны скинут его где-нибудь в темном месте, а я им за это, пользуясь своим положением, щедро добавлю очков в рейтинг. — Светоч встретился взглядом с Коломбиной.

Она смотрела на него, будто видела в первый раз.

— Когда ты успел это придумать? — спросила она.

— Только что. — Светоч пожал плечами. — Я тебя напугал?

— Затрудняюсь сказать, что именно испытываю после твоих слов.

— У нас все для этого имеется. — Произнес вслух Михаил. — Мы поставим глушилку в почтовозку, чтобы она не попала под подозрение. Между Светочем и этим человеком МАК не сможет провести никаких параллелей. Они всегда будут в разных частях города.

— Хороший план, дерзкий, как я люблю. — Заключение Влас. — Если бы у меня был такой клещ, я бы сам сыграл в нем главную роль.

— Несбыточная мешта ренъегата. — С жутким акцентом поддел его Юэн.

— Что есть, то есть. У меня в детстве все игрушки были с изображением Тулсы. — Влас и не думал обижаться на поддевку. — Эх, если бы я знал... — Вздохнул он, не договорив мысли.

На этом этапе план был утвержден. На подготовку ушло двое суток. Светоч и Коломбина спокойно передвигались по темным коридорам подземной части города, о которой узнали много нового и интересного. Оказалось, что весь город опутан подземными ходами, оставленными еще первыми строителями. Коридоры не пустовали. По ним постоянно сновали роботы-техники, ремонтирующие оборудование. Влас не советовал уходить далеко от пищевого автомата, пугая историями про роботов, которые вылавливают незаконных жителей Тулсы.

— У нас были двое Мирон и Агафья, сгинули, и никто не знает куда. Жили с нами и в один день исчезли. Так что не стоит проявлять излишнее любопытство. — Предупредил он.

«Час икс» настал. Светоч, Коломбина, Влас и Гертруда, на грузовичке вместе с картонными коробками, отправились в район «Белых Башен».

Глава 17

Оборудование, созданное командой «диких», вызывало уважение. Прогресс за барьером не стоял на месте. Люди прекрасно ориентировались в алгоритмах работы МАКа и понимали, куда можно влезть, а куда не стоит. При помощи компьютера, созданного из разных запчастей, использовали чужой профиль, чтобы отправить посылку. Внутри лежала какая-то безделушка, но Слостоцвету Светлорукому в сопровождающем письме было сообщено, что там находится сюрприз от поклонников его могучей веры в единение всего со всем в гармоничном экстазе.

Влас несколько раз прочел текст письма, отредактированный Светочем, и каждый раз плевался.

— Боже, ну и патока. Какая липкая мерзость. Неужели здравомыслящий человек поведется на это? Если бы я был безумно влюблен в женщину, а она взяла бы и написала мне такое письмо, я бы бежал от нее, сломя голову.

— Между нами есть разница. — Пояснил Светоч. — Мы настроены на получение комплиментов. Для нас это нормально.

— Чем больше я узнаю о городе, тем отчетливее понимаю, что выжечь его в ядерном огне не такая уж и плохая мысль. — Высказался Влас.

— Это плохая мысль. МАК можно перенастроить и все пойдет иначе.

— А иначе, это как? — Спросил Влас.

— Я не в курсе подробностей. Меня не посвящали. Точно знаю, что алгоритм защиты себя должен измениться коренным образом. Война закончится. Лояльный пояс так называемых ренегатов поймет, что поддержки больше нет, и вынужденно займет примирительную позицию. Барьер перестанет быть жесткой границей. Люди снова начнут ездить в обе стороны. Чем сильнее будет этот обмен, тем скорее горожане поймут, что люди с той стороны никакие не дикари.

— Не знаю. — Влас с сомнением отнесся к изложенному Светочем. — Люди каждый раз пытаются сделать, как лучше, а получается полная хрень.

Светоч провернул этот разговор в голове, сидя в темной будке почтового грузовика по дороге к «Белым Башням». Не хотелось верить, что над человечеством висит рок, мешающий создать такую жизнь, о которой мечтается. Если существовал подобный непреложный закон вселенной, то все жертвы были напрасными. Светоч выгнал из головы дурные мысли и сконцентрировался на предстоящей операции.

— У тебя ладони вспотели. — Шепнула ему на ухо Коломбина. — Волнуешься?

— Очень. — Честно признался он. — А если все напрасно?

— Не напрасно в любом случае. Я долго думала о моральном праве отнять жизнь у человека. На первый взгляд этому нет оправдания, но если все оставить как есть, то мы становимся соучастниками убийств в будущем. А это уже тысячи людей. Нам надо сделать этот тяжелый выбор, мы не хотим этого, но ради прекращения убийств, обязаны его принять.

— Спасибо. — Светоч поцеловал ее руку. — Ты меня убедила.

— Возможно, тебя это подбодрит еще сильнее, но горожанин не стал бы колебаться, если бы ему сказали убить «дикаря» ради какой-нибудь общей пользы. — По-своему поддержал его Влас.

— Нет, это меня не подбадривает. Я не хочу быть таким же, как он. Пусть я всё сделаю осознанно, с тяжелым сердцем и в муках, чем убью его, как надоедливую муху. Мы же люди, и нам свойственно относиться к жизни и смерти по-особому.

Влас долго ничего не отвечал.

— Что ж, в нашей команде только проповедника не хватало. — Произнес он спустя время.

Машина остановилась. Предводитель нелегалов посмотрел на голубой экран устройства в его руках.

— На месте. Давайте еще раз пройдемся по пунктам плана. Как только почтальон протягивает жертве... клиенту посылку, Светоч и Коломбина ставят ширму, закрывающую происходящее от чужого взгляда, а Гертруда при помощи пневматического шприца всаживает ему дозу вещества под кожу. Потом я хватаю его за грудки и затаскиваю внутрь. После чего вы все грузитесь в машину. Почтальон забирает ширму и бросает ее в салон. Мы отъезжаем, а дальше дело техники Светоча. Я ничего не упустил? — Главный команды «дикарей» бросил взгляд на команду.

Его лицо демонически подсвечивалось бледным светом экрана.

— Ничего. — Ответила за всех Гертруда. — Я добавила своего препарата в смесь Светоча, чтобы, чтобы он отключился в первые секунды после введения. Не уверена, что его вещество среагирует так быстро, как нам нужно.

— Ладно, доверимся тебе. — Произнес Влас.

— Он вышел из подъезда. — Раздался голос из кабины.

— Поехали. — Влас хлопнул в ладоши.

Светоч и Коломбина схватили заранее приготовленную раздвижную ширму. Она должна была скрыть от нечаянного взгляда происходящее у грузовика. Со стороны на ней был нанесен рисунок боковины грузовика, что с пары десятков метров в темноте можно было легко принять за боковину машины. Выбрались наружу вместе с Гертрудой и спрятались за передней частью грузовичка, прикрывшись ширмой.

— Почему так поздно привезли? Я уже собирался принять ванну. — Недовольным тоном поинтересовался подошедший Сластоцвет.

— К сожалению, клиент, который отправил вам посылку, работает допоздна. Сказал, что тоже хочет себе такой же рейтинг. — Ответил почтальон заранее придуманной легендой.

— Многие хотят, но только единицы способны. — Самовлюбленным тоном произнес Сластоцвет. — Не тяжелая?

— Один килограмм, семьсот грамм. Это брутто. Нетто на триста грамм меньше.

— Что это такое, брутто, нетто? Человечий язык никак не выучите? Давайте уже посылку.

— Начинаем. — Шепнул Светоч.

В такой момент, когда можно было ожидать от себя малодушия, страха и неуверенности, эти чувства никак себя не проявили. Светочу казалось, что он просто делает работу. Сластоцвет вначале внимания не обратил, что вокруг него появились люди с куском ткани. Рассматривал надпись на коробке и пытался определить встряхиваниями содержимое. Он отвлекся, только когда Гертруда потянулась к его шее пневматическим шприцом, похожим на фантастический пистолет. Реакция, как и подобает человеку с таким рейтингом, у него оказалась отменной. Он увернулся от пистолета.

— Вы, что за люди? — спросил он с негодованием.

Светоч понял, что сейчас тот просто сбежит, бросил ширму и схватил Сластоцвета за руки. Гертруда не растерялась и ткнула ему в шею ствол шприца. Раздался шипящий выстрел. Светоч удерживал Сластоцвета в руках, чтобы тот не сбежал, пока наркотик не разойдется по крови. Из кабины выскочил Влас и потянул уже ничего не соображающего горожанина в будку.

— Все внутрь. — Скомандовал он.

Коломбина оставила ширму. Она не упала, как и было задумано. Заскочили в будку и спрятались за стенами. Почтальон вышел, скатал ее и подал внутрь будки.

— Как все прошло? — Поинтересовался он.

— По плану. Катайся вокруг дома, пока не постучим. — Приказал Влас.

— Хорошо, уже еду. — Он закрыл дверь.

— Давай, начинай. — Нетерпеливо поторопил Светоча командир отряда.

— Сейчас. — Светоч скинул с себя верхнюю одежду.

— Зачем тебе это сейчас? — Спросил Влас.

— У меня в кармашке на теле спрятана картинка, взглянув на которую я активирую запуск программы эмуляции ДНК. Мне понадобится свет экрана от вашего устройства.

— Почему ты сразу об этом не сказал? Я мог не взять его.

— Не подумал.

Светоч вынул из подмышки кусок пластика с картинкой. Поднес ее к экрану и всмотрелся в нарисованные каракули.

— Заработала? — Спросил Влас.

— Я не знаю, как должен это понять. Думал, ментаграмма подскажет. — Признался Светоч.

— Сдурел? Может ей еще разрешение у МАКа запросить. — Усмехнулся Влас. — Вот будет номер, если мы этого нарцисса зря грохнули. Надо было запрограммировать, чтобы у тебя в глазах квадратики летали или бабы голые, как у меня на спящем экране.

Сластоцвет вдруг начала дергаться в спазмах. Его корчило, как при эпилепсии.

— Что с ним, Гертруда? — Спросил Влас испуганно.

— Мне кажется, он умирает. — Решила она.

— Этого нельзя допустить! — Выкрикнул Светоч. — Необходимое время для обмена данными шесть минут. Если мы не успеем, то труп Сластоцвета останется с его ДНК и будет начато серьезное расследование. Влас, держи ему ноги. Девчата, прижмите руки. — Распорядился он.

Дождался, когда его просьбу выполнили, оседлал Сластоцвета сверху и принялся делать непрямой массаж сердца и дыхание рот в рот. Мысли о брезгливости даже не приходили ему на ум.

— Живи, давай, живи, чертов нарцисс. — Приговаривал Светоч.

Сластоцвет иногда опадал безвольно, и всем казалось, что он умер. Но Светоч не прекращал реанимировать, и тогда его снова начинало корчить в конвульсиях. При этом было непонятно, работает программа эмуляции ДНК или нет. Светоч боялся, что после того, как Красавина полазила программатором в его «клеще», оттуда могло исчезнуть что-нибудь важное. Однако ему ничего не оставалось, как продолжать поддерживать угасающую жизнь в теле Сластоцвета как можно дольше, чтобы точно убедиться, что программа не сработала.

Он взмок, руки уже не слушались, в ушах свистело, и кружилась голова. Светоч уже был

на грани опустить руки, когда ментаграмма произнесла.

— Уровень кислорода и адреналина в крови превышает норму. Вам рекомендуется воздержаться от серьезных физических нагрузок перед сном. Сейчас будет проведена стимуляция участков коры головного мозга слабыми токовыми импульсами для расслабления и приведения в норму. Прошу занять сидячее или лежащее положение.

— Сейчас не надо. Давай через полчаса. — Вслух попросил Светоч и откинулся к стене. — Готово. МАК принял меня за него.

— Ура. — Захлопала в ладоши Коломбина.

— Слава тебе, Господи. — Произнес Влас. — Так говаривал мой друг, оставшийся на внешнем кольце, каждый раз, когда ему перепал лишний ужин или выпивка.

Тело Сластоцвета дернулось в последний раз и обмякло.

— Всё, пошел перед богом рейтингом хвастаться. — Произнесла Гертруда. — Господи, прими душу раба твоего, Сластоцвета. Тьфу, прости меня Господи, что осквернила губы свои таким именем.

— Высадите нас. — Попросил Светоч.

— Переоденься. — Буркнул Влас. — А этого наоборот наряди в твои пятнистые тряпки, чтобы сомнений не было, что загнулся именно ты.

— Я? — Светоч не думал, что ему придется одевать и раздевать покойника.

— А кто у нас сегодня сорвал джек-пот? Мы поедем назад в свое подземелье, а ты заберешься на Олимп и будешь поплевывать на окружающую действительность сверху. Напрягись напоследок, небожитель.

— Хорошо. Поможешь? — Светоч обратился к Коломбине.

— Конечно.

Влас посветил экраном своего устройства, чтобы помочь им. Пятнистая военная форма совершенно изменила облик Сластоцвета. Исчезла лощеность, внешняя исключительность. Он стал обычным, а вот Светоч преобразился.

— Мы с тобой как инь-янь. — Произнесла Коломбина, рассматривая его.

— А кто это? — Светоч никогда не слышал этого слова.

— Это символ единения двух противоположностей, черного и белого. — Она положила смуглую ладонь поверх белой одежды.

Влас рассмеялся.

— Теперь глаз да глаз за этой половинкой. — Предупредил он и постучал в перегородку, отделяющую грузовой отсек от кабины.

Грузовик остановился. Почтальон постучал в стенку, сигнал, что можно покидать машину.

— Я вам премного благодарен за помощь. — Светоч пожал руки Власу и Гертруде.

— Заглядывайте к нашему пищевому автомату, если что. — Произнес Влас.

— Мы вам нормальный обед приготовим, не то, что роботы. — Пообещала Гертруда.

— Обязательно. — Светоч не сомневался, что вернется проведать.

Открыл дверь и выпрыгнул в холодный ночной воздух. Помог спуститься Коломбине. Дождались, когда уедет грузовик, потом пошли к дому. Светоч наслаждался полноценной работой «клеща». Теперь он знал куда идти.

— Только бы соседи не увидели. — Произнес он. — Сразу поймут, что этот Сластоцвет не похож на настоящего.

— А когда мы будем переезжать? — Спросила Коломбина.

— До утра надо найти новую квартиру.

По дороге Светоч заказал легкий ужин. Ничего другого ментаграмма не позволила ему сделать. Строго следила, что он не передал перед сном. Они съели плоский бутерброд с сыром и зеленью пополам, и запили соком без сахара.

— Так и придется регулярно ездить по известному адресу, чтобы поесть нормально. — Посетовала Коломбина, не наевшись.

— Ездить придется мне, а тебе безвылазно сидеть дома. Если донесут, что у меня живет «дикарка» рейтингу снова конец и все начнется сначала. Обещаю, что ты ни в чем не будешь нуждаться. — Светочу стало жалко подругу.

Коломбина посмотрела на него через прищур.

— Ты только смотри, не прими себя за настоящего Слагоцвета. Вживешься в роль и снова станешь тем горожанином, которым был. — Поделилась она своими уместными опасениями.

— Нет, ты что. — Светоч привлек ее к себе и поцеловал. — Для меня больше ничего не существует на полном серьезе, кроме тебя. Ты для меня и Тулса, и самый высокий рейтинг, и война, и прекрасное будущее, наше будущее.

— Чему-чему, а риторике тебя обучили. — Засмеялась подруга и поймала губами поцелуй.

До квартиры одни добрались незамеченными. Слагоцвет жил почти на самом верхнем этаже в двухуровневой квартире с огромным балконом с оранжерей, накрытой панорамным стеклом без перегородок, с изменяющейся светопропускной способностью.

— Вот это хоромы. — Не переставала удивляться Коломбина, рассматривая их не по первому разу. — Я бы осталась тут.

— Нельзя. Здесь нас быстро вычислят. Но мы выберем не хуже. — Пообещал Светоч.

На балконе стоял шезлонг для загара, на котором нескромно раздвинув ноги лежала кукла.

— Не разговаривай с ней. — Шепнул Светоч. — Вдруг она шпионит. — Он накрыл ей лицо полотенцем.

— А чего только лицо? Какая она отвратительная. — Коломбина передернула плечами. — Как можно ставить ее выше живого человека?

— А по мне так ничего. Милая.

— Заткнись. — Угрожающе процедила подруга. — Куклолюб твое имя.

— Тогда у меня половина города были бы тезками. — Пошутил Светоч.

Светоч воспользовался терминалом Слагоцвета, чтобы поискать подходящие варианты нового жилья и работы. МАК любезно предложил ему несколько.

— Чем вас не устроил существующий вариант? — спросила ментаграмма.

— Понял, что топтание на месте приводит к потере чувства сопричастности с миром. — Придумал Светоч. — Хочу изменений и новых целей.

Выбрал он двухуровневые апартаменты в районе города, называемом «Паруса». Там стояли дома, напоминающие раздутые на ветру паруса. Внутри вогнутой стены находились зеркальные полосы, собирающие свет в фокус внутри граненого стеклянного шара. Получался красивый элемент городской архитектуры и заодно дополнительный источник энергии. К тому же от «Парусов» до штаб-квартиры отряда «дикарей» было намного ближе, чем от «Белых Башен».

После подбора квартиры, Светоч занялся поиском работы. Слагоцвет не имел работы,

как таковой. Он активно занимался общественной деятельностью, что и позволило ему набрать высокий рейтинг. Светоча не устраивала общественная работа. Он не обладал ораторским искусством, не любил внимания к себе и в данной ситуации считал, что чем меньше его будут видеть в лицо, тем лучше. Из предложенного списка ему больше всего приглянулась профессия смотрителя исторического музея, в котором хранились экспонаты догармоничной эпохи. Судя по статистике, посетители не баловали музей, совершенно не проявляя интереса к своему прошлому. Теперь Светоч знал, что правильно делали. Он там был в подростковом возрасте и мог уже сравнить с той историей, о которой ему поведали за барьером.

Светоч с Коломбиной совместно приняли душ. По-другому было нельзя, потому что девушка являлась невидимкой для МАКа. Ни кран открыть, ни смыть унитаз у нее не получилось бы, не говоря о более продвинутых вещах. Подруга валилась с ног. Светочу пришлось ее растормошить.

— Коломбина, потерпи еще немного. Сейчас переедем на нашу постоянную квартиру, и там будешь спать всю оставшуюся ночь и день до следующего утра. — Пообещал он ей.

Ментаграмма трезвонила, заставляя его самого лечь спать. Светоч намеренно не пил воду из-под крана, боялся, что в него добавлено успокоительное. Вызвал автомобиль и спустился вниз. Коломбина пришла в себя во время спуска. Здесь присутствовал визуальный эффект спуска в космическом лифте. Внизу под слоем плотной атмосферы просматривался рельеф земного шара, а перед глазами мелькали одинаковые участки несущей конструкции и проносящиеся фонари. Над головой висела огромная космическая станция, вокруг которой искорками летали разнообразные космические аппараты.

— Хорошая иллюзия. — Заметила подруга. — Выглядит как ирония над человеческими мечтами, которые двести лет назад были уверены в том, что следующий город под управлением МАКа будет построен на орбите.

— Да, нам больше не интересно смотреть на звезды. — Согласился Светоч. — Нас беспокоит доступ к новым развлечениям сильнее всего. Я никогда не слышал, чтобы существовала профессия космонавта.

— Зачем она нужна, если в космос все равно не летают?

— Ну, хотя бы для того, чтобы у людей была уверенность, что это не так. А у вас летают?

— Да. Как ты думаешь, кто запускает спутники связи и мониторинга поверхности?

— Странно. Мы ведь тоже ими пользуемся.

— У вас свои, оставшиеся с тех пор, когда существовала космическая программа. — Со знанием дела пояснила Коломбина.

— И что, как только они все выйдут из строя, МАКи перестанут видеть, что происходит за барьером?

— А мне это надо знать? Возможно, к тому времени благодаря нам все изменится, и спутники снова станут работать на все человечество. А мы с тобой полетим на орбиту, чтобы строить новый город, сияющий над миром. — Коломбина посмотрела вверх на космическую станцию. — Где вместо гармонии, люди будут стремиться к познанию мира.

Светоч печально вздохнул в ответ на ее мечты. Лифт замер на первом этаже, и иллюзия космического безмолвия сменилась обычными видами. У подъезда их ждал автомобиль. Они сели в него и уснули через минуту. Разбудила ментаграмма.

— Вы доехали до нужного места. — Сообщила она несколько раз, пока Светоч не

проснулся.

Он разбудил Коломбину. Девушка сразу же проснулась, когда увидела в сиянии ночных огней огромный дом, в котором ей предстояло жить.

— А это еще красивее, чем «Белые Башни». — Восторженно призналась она.

— Ты не видела его днем, когда здесь горит второе солнце. — Светоч был доволен произведенным эффектом. — Надеюсь, тут нам в паруса будет дуть попутный ветер. — Философски изрек он.

— Свистать всех наверх. — Коломбина вспомнила фразу из книги про древние морские приключения. — А на каком этаже у нас апартаменты?

— На сто пятнадцатом и сто шестнадцатом. — Светоч задрал вверх голову. — Как и положено человеку с моим... рейтингом. — Он вдруг вспомнил мертвого Сластоцвета и настроение мгновенно ухудшилось.

— Выброс депрессивных гормонов. — Сразу заметила ментаграмма. — Вам пора отдыхать.

— Да знаю я. — Ответил он резко. — Идем обживаться.

Он взял Коломбину за руку и повел в дом. Здесь им тоже никто не встретился из местных жителей. Полуночники в Тулсе были редким явлением. Лифт поднял их на нужный этаж в имитации подъема из толщи морской воды, наполненной различными обитателями. Это было развлекательно и познавательно, а местами и страшно, когда огромный кит чуть не снес хвостом прозрачные стенки лифта. Коломбина даже вскрикнула, поверив в натуральность происходящего.

Апартаменты одинаково сильно впечатлили обоих. Выполнены они были в смещении стилей использующих мягкие углы с обилием хрома и тканей в мелкую клеточку спокойных тонов. Получилось уютно и напоминало внутреннее пространство какого-нибудь морского судна давнишней эпохи. Светочу казалось, что именно так и выглядели жилые каюты кораблей. Коломбина забыла о сне и бегала по всем комнатам, пока не насытилась новыми впечатлениями.

— Спасибо тебе за то, что дал возможность увидеть это. Красота невообразимая. — Она встала у наклоненного наружу окна, занимавшего всю стену, упершись в него руками.

Внизу раскинулись причудливые парки, лужайки и улицы города. Даже Светочу вид казался фантастически красивым.

— Рядом с тобой мне все кажется более привлекательным, как будто я увидел привычное новыми глазами. — Он обнял подругу со спины. — День был слишком трудным, надо идти спать. Завтра у нас начинается новая жизнь.

Коломбина резко обернулась и впиалась в губы Светоча горячим поцелуем. Сон снова отложился на некоторое время. Они смогли лечь только под утро, когда в огромное панорамное окно показали первые лучи восходящего солнца. И это снова чуть не лишило их сна. Свет с верхних этажей, отразился от зеркальных поверхностей на стенах дома и упал на граненый шар, наполнив его кровавым светом.

— Пугающе красиво. — Заметила Коломбина.

Светоч проснулся через час от звонка ментаграммы. Умылся, оделся, спустился в пищевой автомат и взял максимальный завтрак. К счастью «клещ» обратил внимание на недостаток калорий и разрешил немного объесться. Светоч вернулся домой, съев по дороге половину завтрака. Коломбина так и не проснулась, когда он вошел. Оставил еду на столе и уехал на новую работу. По дороге к лифту и в самом лифте ему, наконец, встретились

жители дома.

— Отличного времени на новом месте. — Пожелала ему Мудрина. — Вы достойны этого. — Намекнула она на рейтинг, который был выше, чем у нее.

— Всё во славу гармонии. — Ответил Светоч.

— Только в ней нам удастся обрести себя.

С трудом удалось удержать себя не передернуть нервно плечами. Так ему не понравился этот искусственный разговор. После нормального общения с Коломбиной горожане казались биороботами с ограниченным словарным запасом и минимумом вариантов построения фраз.

Выйдя на улицу, хотел заказать трицикл, но вспомнил, что с его рейтингом это несолидно и заказал полноценный автомобиль с мягкими сиденьями и голографическими экранами вместо стекол. Почти все жители этого дома разъезжались по своим делам на подобных машинах. Светоч сразу же уснул, как только машина создала ему комфортную температуру.

— Вы прибыли на новое место работы. — Сообщила ментаграмма. — Прежде, чем зайти в здание, возьмите кружку крепкого кофе. Вы создадите о себе плохое первое мнение, если будете сонным.

— Согласен.

Светоч выпил кофе и направился к зданию с высокими колоннами, ажурной лепниной и большой статуей наверху, изображающей женщину в платье, погоняющей тройкой коней. Высокая дверь автоматически открылась перед ним. Он вошел внутрь и сразу оказался в просторном зале. Ментаграмма постепенно вводила его в курс дела, рассказывая про выставленные экспонаты и особенности поддержания каждого из них в сохранности. Оказалось, что работа его заключалась в протирке экспонатов, выявлении процессов разрушения, коррозии и прочих губительных воздействий среды и времени. Теперь ему было понятно, почему тут никто не задерживался. Что могло быть тоскливее ходить всю смену с тряпочкой, разглядывая несуразные предметы.

— Устройство воспроизведения изображения. — Прочитал он табличку под прямоугольным предметом. — Аутентичное название — телевизор.

Далее шли различные характеристики, вроде периода, когда он использовался, технические особенности, не несущие Светочу никакой смысловой нагрузки. Станный грубый ящик, смотреть на который уже было испытанием.

— Предмет для термического удаления складок одежды. Аутентичное название — утюг. Предмет для кипячения воды на горящем пламени. Аутентичное название — чайник. Предмет для переноски и хранения денег. Аутентичное название — кошелек. — Светоч засмеялся. — Кошелек. Звучит, как кашалот.

Он обошел два зала и устал от обилия информации. На фоне не успевшего отдохнуть организма любое умственное напряжение автоматически вызывало желание уснуть. В зале стали появляться люди. По информации над ними Светоч понял, что это его коллеги. Почти все они были женского пола и возраста, давно перевалившего за вторую половину.

— О, у нас появился молодой работник. — Заметила женщина по имени Милосвета. — Да мы с вами почти тезки. — Улыбнулась она. — Что повлияло на выбор такой непопулярной профессии, молодой человек?

Светоч растерялся. До сего момента он не задумывался над этим вопросом.

— Ну, как, это же наша история. — Ответил он первое, что пришло на ум.

— Наша, ха-ха-ха. — Милосвета делано засмеялась. — К счастью, не наша. История

жителей города началась с момента его заселения. Нашему виду всего двести лет, а это предметы другой цивилизации, оставшиеся от хомо сапиенса, который еще бегаёт стадами за барьером. А мы новый вид, хомо хармоникус и нам пока еще рано открывать музеи. Всё, что мы создали это ещё современность.

Светочу хотелось поспорить с этой дамой, но тогда бы он выдал себя.

— Простите, неправильно сформулировал мысль. Я хотел сказать, что до определенного времени они являлись нашими предками, пока эволюция не сделала ответвление.

— Да, к сожалению, генетика пока у нас общая, но я уверена, что МАК вскоре найдет способ сделать молекулу ДНК горожан сложнее, чтобы открыть преимущества нашего вида.

— Всецело поддерживаю вашу точку зрения. У нас нет выбора, только вперед к совершенству. — Светоч поднял руку вверх и увидел висящий под потолком древний летательный аппарат. — Ого, а в него можно забраться?

— Поднимитесь на третий этаж, там увидите. — Посоветовала Милосвета. — Пойду проверю состояние экспонатов в зале, посвященном угледобывающей промышленности.

Светоч поднялся на третий этаж, затем на лестницу, ведущую под крышу. Он не увидел ответвление в открытый боковой проем летательного аппарата. Табличка гласила, что это устройство имело в прошлом очень смешное название — самолет. Он прошел внутрь. Аппарат имел очень простое исполнение, ряды сидений и узкий проход. Никакого эстетического подхода, примитивщина и утилитарщина.

Провел пальцем по гладкому материалу сидения и обнаружил на нем пыль. Взял тряпку и начал протирать каждое сиденье. К половине салона он почувствовал, что устал. Ментаграмма посоветовала отдых, и он не стал ей перечить. Сел на сиденье, оказавшееся удобным, несмотря на свой вид и через минуту задремал. Проснулся так же по указке «клеща». Он хотел, чтобы Светоч пообедал.

Никто из коллег не обратил внимания на его заспанное лицо. Он вышел на улицу и прогулялся до пищевого автомата. Заказал калорийный бутерброд и вспомнил про Коломбину, которой доставались только завтраки и ужины, минуя обеды. Пообедал с чувством стыда перед ней. Ждал окончания смены изо всех сил, а время как назло, решило остановиться.

Дождавшись, скупно попросался со всеми и почти бегом покинул музей. Перед домом взял в автомате хороший бутерброд, салат и молочный коктейль. Решил, что скормит подруге столько, сколько она сможет съесть. Он почти бежал до дверей квартиры. Замок открылся, почувствовав приближение хозяина. Светоч поддел дверь носком ноги и вошел.

— Коломбина, встречай ужин! — Громко выкрикнул он. — Кола, я пришел!

Ответа не последовало. Неприятный холодок дурного предчувствия сдавил сердце.

Глава 18

Светоч до последнего надеялся, что Коломбина разыгрывает его и прячется. С ее чувством юмора такое вполне могло случиться. Он осмотрел гардеробную, балкон, пошарил по всем кустам, заглянул под кровать. Её нигде не было. И это было по-настоящему страшно. Сама покинуть квартиру она не могла. Для всех замков, управляемых МАКом, Коломбины не существовало. Но кто мог зайти сюда без его ведома? Ответа на этот вопрос у него не было. Дверь никому бы не открылась кроме него.

Светоч бессмысленно метался по квартире. Ментаграмма не прерываясь бубнила прямо в мозг рекомендации по улучшению эмоционального состояния. Он поддался на ее уговоры и выпил залпом стакан воды. Немного полегчало, но никаких вариантов об исчезновении Коломбины все равно не появилось. Возникло глупое предположение, что она чудесным образом вышла на улицу и теперь не знает, как зайти обратно.

Выскочил в коридор и спустился на первый этаж. Коломбины на улице не оказалось. Ее могли увести только насильно или в бессознательном состоянии. Осмотрел всю прилегающую территорию в надежде увидеть какую-нибудь вещь, принадлежащую ей, и ничего не нашел. Надо было ехать к банде, узнавать, что они думают по этому поводу. Светоч вызвал машину и уже через полчаса был у пищевого автомата. Постучал условным сигналом по воздуховоду. Над парашетом возникло лицо Никодима.

— Быстро ты заскучал. — Усмехнулся он. — Чего хотел?

— Поговорить надо.

— Ты чего такой возбужденный? Случилось что-то? — Никодим заметил его состояние.

— Коломбина пропала.

— Как, пропала? Просто пропала?

— Она оставалась с утра в нашей квартире, а когда я пришел после работы, ее уже не было.

— Забирайся, обмозгуем сообща. — Никодим выбросил веревочную лестницу.

Светоч забрался и затянул ее назад. Спустился по отверстию воздуховода внутрь, привычно ориентируясь в ходах. Влас встретил его с тусклым фонарем на выходе.

— Не ждали тебя так быстро. — Произнес он. — Есть повод?

— Коломбина пропала. — Кратко пояснил Светоч.

— Что? Просто пропала? А она не сбежала?

— Нет, конечно. — Светоча разозлило его глупое предположение. — Куда ей бежать и зачем?

— Прости, это первая мысль, которая пришла мне в голову. Она бы сама не смогла выйти из квартиры.

— А вы ей не давали никакие отмычки? — Поинтересовался Светоч, предположив, что за его спиной могли быть другие договоренности.

Коломбина для них была своя, в отличие от него.

— У нас нет отмычек для открывания апартаментов. — Ответил Влас. — Идем поговорим со всеми. Пусть наши электронщики выскажутся по этому поводу.

Вся банда собралась в общей комнате. Светоч еще раз вслух поделился своей проблемой.

— Можно предположить существование тайных служб, занимающихся выдворением таких как мы. — Предположил Михаил. — У них может быть доступ ко всем замкам, к информации о передвижении объекта, и даже к записи разговоров. Не удивлюсь, если у вашего клеща есть такая функция. Она была бы очень уместна для осведомленности МАКа.

— В таком случае, если они решили следить за мной, то им уже известно, что я, это не я, и что мы убили настоящего Сластоцвета. — Предположил Светоч. — Других причин следить за мной я не вижу.

— Не факт. Возможно, соседи донесли, что видели дикарку, когда вы заселялись. В таком случае их интересовала только она, а не ты.

— За такое сожительство мне бы ополовинили рейтинг без разговоров. Нет, я нахожу исчезновение Коломбины очень странным. — Признался Светоч.

— Никодим, иди на крышу, последи, вдруг наш товарищ привел хвоста. — Приказал Влас. — Если ты вскрыл нашу базу, будет очень плохо. Мы ее очень долго обживали.

— Я как-то не подумал об этом. — Расстроился Светоч. — Я был уверен, что вы сможете мне помочь.

— Наш совет, живи, как жил. Сюда больше не приходи. Если ты им нужен, то они придут за тобой и тогда все станет понятно. — Посоветовала Влас.

— Но я хочу найти Коломбину или понять, куда она исчезла?

— В этом городе ты ничего не узнаешь. Здесь все устроено как в операционной системе, для многого нужны совсем другие права. С твоими правами, куда не тычешься, скрытые функции не станут доступнее. — Михаил расстроил Светоча еще сильнее.

— Через крышу больше не выходи, вдруг слежка. Мы тебя выведем другим путем. — Произнес Влас. — Юэн, проводи товарища через черный ход.

— И это все, что вы мне скажете? — Возмутился Светоч.

— А чего ты хотел? — Усмехнулся Влас. — Мы убили человека по твоей просьбе. Если бы мы могли чем-то помочь, непременно помогли бы. Ситуация разрешится, но нужно время. Молись, чтобы твою мулатку просто депортировали, но будем честны с тобой, я бы этот вариант не рассматривал. Бывай, и до нескорой встречи. — Он хлопнул Светоча по плечу.

Банда проводила его в полном молчании. Юэн повел Светоча подземельями. Запах еды вскоре сменился сыростью и даже затхлостью.

— Ми щейчас в лифнефке. Карашо, что не идут дожди, иначе бы тут било не пройти.

— Влас говорил, что у вас тоже пропали двое. Вы их не пробовали искать? — Поинтересовался Светоч.

— Проповали, под землей. Не нашли. Это страшно на самом деле, когда исчезают без следов. Понимаешь, что ты тут никто, криса.

— Мне очень страшно за Коломбину. — Признался Светоч дрогнувшим голосом. — Она очень хороший человек.

— Я видел, какими глазами ты ньеё смотришь. Очень жал, что так вышло. Нам, дикарьям тут не мьесто. Я увьерен, что долго тут не задержусь. Исчезну, как твоя Коломбина.

— Не исчезнешь. Скоро МАК станет другим и все поменяется. Будьте осторожнее и спокойно доживете до того времени, когда вам позволят выбраться из подземелья и стать горожанами.

— Я би вэто не силно верил. — Скептически произнес Юэн. — МАК силнее, чем

многим кажется. Он объединен в сеть с остальными МАКами, выделяя, когда требуется общие вычислительные мощности под решения сложных задач.

— А мне ничего другого не остается, кроме верить.

— Пришли. — Юэн остановился у лестницы, вделанной в бетонную стену. — Наверху люк. Как выберешься, верни на место, карашо?

— Карашо. — Светоч невесело усмехнулся. — Ладно, будьте осторожны.

— Будем. — Пообещал Юэн. — И ты себя береги.

— Угу. — Светоч покарabalкался наверх.

На душе было плохо, тускло, что не оставалось сил жить. Хотелось верить, что он сейчас вернется, а Коломбина ждет его дома. Скажет, что спряталась и уснула в каком-нибудь месте, которое он пропустил. Он знал, что это не так, но в душе хотел надеяться на чудо.

Вернулся в свою квартиру далеко за полночь. Его никто не ждал.

— Усталость, раздражительность, гормональный дисбаланс. — Сообщил заботливый и никуда не пропадающий слуга. — Выпей стакан воды, в котором будет все, что вам нужно.

Светоч выпил, посчитав, что ели не сможет сейчас расслабиться, но непременно сойдет с ума от карусели вращающихся в голове мыслей. Лошадиная доза препаратов сбила его с ног. Он упал на кровать одетый и уснул.

Проснулся внезапно за минуту до будильника. Вскочил и пробежался по всем комнатам. Коломбина не появилась. Напоминала о ней висевшая на спинке стула майка. Он глубоко вдохнул оставшийся на ней запах подруги. Не будь его, можно было решить, что он придумал Коломбину.

Светоч стал собираться на работу. Пока у него не было никаких вариантов поиска, стоило хотя бы позаботиться о рейтинге и своем задании скорее внедрить вирусную программу в память МАКа. Он умылся, повесил измятую одежду в гладильный автомат. Никак не мог избавиться от ощущения, что находится внутри дурного сна. Взаимодействие с миром исказилось, и появилась изолирующая прослойка, через которую он на него взирал. Невидимая, но осязаемая мысленно. Она задерживала отклик между Светочем и остальным миром, из-за чего все происходящее воспринималось замедленным. Время не шло, солнце остановилось в одном положении, птица в небе еле двигала крыльями. А внутри непрерывно работала дрель, высверливающая единственной мыслью остатки здравого рассудка, куда исчезла Коломбина. Захотелось снова вернуться в полицию и узнать подробности происходящего. Хотя, полиция могла ничего не знать о диких, потому что они были неуловимыми для нее.

Светоч покинул дом раньше на полчаса. Заказал завтрак, но смог выпить только стакан сока, в который ментаграмма успела запихнуть какой-то препарат, вызывающий неприятную противоестественную бодрость. Он решил прогуляться в сторону работы пешком и заказать транспорт из того места, где он устанет.

— Ваше состояние приближается к критическому. Если оно будет усугубляться, то придется применить более серьезные способы выхода из него. — Сообщила ментаграмма.

— Например. — Поинтересовался Светоч.

— Возможно, поврежден участок мозга, отвечающий за выработку определенных гормонов. Придется прибегнуть к трепанации черепа.

— Я сам справлюсь. — Пообещал Светоч. — Кстати, какие новости в городе? Не слышно, чтобы начали неожиданно пропадать люди?

— С утра в городе температура воздуха в приземном слое составляет три градуса по шкале Цельсия. Защитные барьеры работают на сорок два процента от максимальной мощности. Угроза задымления отсутствует. Со стороны диких была совершена попытка ракетного удара по городу, которую удалось пресечь...

— Меня интересует внезапное и необъяснимое исчезновение людей. — Не сдержался Светоч.

— Тулса, это город, в котором люди обретают себя, а не теряют. — Словно дразня, произнесла ментаграмма.

— Ладно, я понял тебя. Скажи мне, что бывает с теми людьми, которые попадают в наш город незаконно?

— У нас здесь один закон, стремление к гармонии. Людям, не имеющим добровольного желания ему следовать в городе не место.

— Их отправляют на внешнее кольцо?

Ментаграмма промолчала, как и следовало ожидать. Светоч счел ее молчание неммым подтверждением его выводов. Оставались вопросы, кто и как осуществил это, но для поиска они уже не имели значения. Он решил на первом же выходном заняться ее поисками на внешнем кольце. Наверняка члены банды владели каналами связи с «дикими» и могли установить факт появления Коломбины в каком-нибудь секторе. Настроение улучшилось.

Коллеги на работе не заметили состояние Светоча. Он был благодарен им, за то, что они не лезли к нему. Ходил по залу с выставленными предметами трехсотлетней давности и механически натирал их тряпкой. После обеда пришли школьники, и он два часа водил их по экспонатам и рассказывал то, что они и так могли прочитать. Считалось, что так они лучше вникали. Все вопросы, которые задавали дети, касались только его высокого рейтинга, и в итоге экскурсия превратилась в пресс-конференцию, как поднять себе такой же уровень. Коллеги отрицательно отнеслись к его работе и к концу смены профессиональный рейтинг немного просел.

— Всем до завтра. — Добродушно попрощался Светоч перед уходом. — И помните, зависть плохая штука.

После работы он поехал не домой, а к пищевому автомату, в котором жила банда «дикарей». Народ еще не разошелся, гулял по набережной, но было уже темно. Постучал условным сигналом по вентиляции. Прошла минута, никто не отозвался. Постучал еще раз, настойчивее. Снова никакого эффекта. Его или игнорировали или... Про второй вариант он не хотел думать.

Заказал тут же ужин, поел и бродил еще два часа, пока люди на набережной и рядом не рассосались. На всякий случай снова постучал в вентиляцию. Никакого эффекта. Попытался запрыгнуть и ухватиться за край крыши, но не смог. Вызвал машину и ждал ее прямо у стены. Она подъехала, и уже с неё, Светоч легко перебрался на крышу. Спустился через шахту внутрь и сразу пробрался в помещение, где банда организовывала собрания. Здесь никого не оказалось. Покричал, позвал, но без ответа.

Исчезновение банды было таким же необъяснимым, как и Коломбины. Хуже всего, если причиной тому было его неосторожное поведение, которое навело неведомых служителей МАКа на «гнездо». Ничего в окружающей обстановке не говорило о том, что была борьба. А «дикари» не сдались бы без боя. Если только они не действовали превентивно и не ушли отсюда, не дожидаясь начала облавы. Но теперь о новом месте их обитания не знал не только МАК, но и Светоч. Он остался один на один со своей проблемой.

Светоч вернулся домой в наипаршивейшем настроении. Выпил все, что порекомендовала ментаграмма и забылся во сне.

Однообразные дни потянулись друг за другом. В Тулсе выпал снег, затем растаял. По городу потекли лужи, и впервые Светоч увидел город другим, чужим и некрасивым. Он дважды летал на внешнее кольцо, но найти Коломбину таким способом оказалось невозможно. На это надо было потратить годы. И вообще его там плохо принимали и всячески игнорировали. Горожане с низким рейтингом не любили таких выскочек, как он. Спустя месяц Светоч пришел к выводу, что они все равно никогда не смогут быть вместе с Коломбиной. Даже если он ее найдет и снова привезет в город, она исчезнет. МАК не позволит быть вместе горожанину и дикарке. Не для того он создавал эти несмешиваемые группы людей.

Светоч сконцентрировался на миссии по заражению МАКа, упиваясь мстительной радостью, не позволяющей сидеть без дела. Он часто пользовался транспортом, различными сервисами, чтобы каждый раз скидывать кусок кода. Подумывал о том, чтобы снова завести куклу и стал рассматривать каталоги. Все было не то, извращенно и бездушно. На месте известных публичных людей, жертвующих образы своим двойникам с единственной целью сексуальной эксплуатации, Светоч никогда бы не согласился на это. Не было в этом никакого почета и возвышенного чувства, только грубая и примитивная потребность добавить славы любым путем. Откуда было МАКу знать, что должен чувствовать человек, когда идет наперекор морали. Не было у него и не могло быть настоящего понимания тому, чему человек сам не смог бы дать четкого определения.

Хуже всего в той ситуации, в которой он оказался, являлось полное отсутствие информации обо всем его интересующем. Он не знал, куда исчезла его девушка, куда исчезла банда дикарей, и выполняет ли свою задачу измененный «клещ». Неопределенность давила непрерывно и мешала всему. Светоч не высypался, становился рассеянным. Ментаграмма устала подмешивать ему препараты и пригрозила скорым принудительным лечением с полным подключением всех функций организма к медицинскому оборудованию. Ему хотели заменить реальность цифровыми иллюзиями, в которых он не помнил бы себя, но испытывал только положительные эмоции, способствующие излечению.

Светоч не хотел этого. Знал, что такая терапия посадит его на всю жизнь на виртуальную иглу. Организм просто перестанет самостоятельно бороться и будет вынужден время от времени принимать подобные процедуры. В поисках решения он пришел к выводу, что надо искать ответы под городом. Возможно, Влас его пугал монстрами из подземелья, чтобы скрыть от него то, чего он знать не должен. Единственный вход, о котором он знал, находился в пищевом автомате.

Для своих целей Светоч заказал фонарь с хорошей батареей, прибор для безопасного катания на ховербордах. Он расширял возможности «клеща», регистрируя движения в определенном радиусе, и выводил информацию прямо в поле зрения. Выкрутил из стола тяжелую металлическую ножку, вместо оружия. Ничего умнее и полезнее он придумать не смог. Его затея обязательно повлияла бы на рейтинг. Он обезопасил себя тем, что уволился из музея и больше никуда не устраивался. Так выходило «дешевле», чем просто не выход на работу без объяснения причин.

На дело Светоч отправился ранним утром, когда город еще спал. Машину заказал к другому месту, а до автомата добрался пешком. На крышу поднялся с помощью вещи, которую утащил из музея. Ее аутентичное название — лассо. Накинул его на единственный

видимый выступ, проектор голографической вывески и забрался по нему. Судя по всему, лассо являлось новоделом, хорошо изображающим предмет старины, как и многое другое в музее. Веревку затащил назад и взял с собой. Она могла пригодиться и дальше.

В свете яркого фонаря обстановка внутри автомата выглядела иначе. Потолки казались ниже, коридоры уже. Везде мерещилисьдвигающиеся тени, которые он сам и создавал. В одиночку здесь было намного страшнее. Светоч спустился ниже и пошел той дорогой, которой его однажды провожал Юэн. Лязг механизмов пищевого автомата и шум вентиляторов остались позади. Его окутала тишина, прерываемая падением капель, свистом сквозняков в поворотах и непонятными звуками, вызывающими легкое волнение.

Воображение рисовало всякое. Роботов, спешащих на ремонт, отъевшихся крыс, небрезгующих человечиной, тех самых слуг МАКа, передвигающихся исключительно под землей и выходящих на поверхность через потайные каналы в зданиях. Однако прибор, регистрирующий движение, не показывал никакой активности в радиусе пятидесяти метров.

Светоч подошел к стене колодца, по которой выбирался в город. Под ногами лежала гряда мокрых гниющих листьев. Этот проход являлся водоотводящим и вряд ли мог привести его в нужную сторону. Он осветил пространство фонарем и увидел, что чуть дальше по проходу имеется дверь прямо в стене. Подошел к ней и подождал, когда ментаграмма определит замок, но не дождался. Дверь открывалась механически, для чего сбоку от нее имелся спрятанный заподлицо рычаг. Он был длинным и крепким, рассчитанным на значительное усилие. Светоч решил, что дверь запиралась очень плотно, чтобы не пропускать идущую по коридору воду во время дождей или весеннего таяния снега.

Дверь открылась, подтвердив его предположения. Она оказалась толстостенной с герметичной эластичной окантовкой по краям, плотно приживающейся к косяку. Для закрытия двери, имелся подобный рычаг изнутри. Светоч запер ее и сразу ощутил, что здесь нет запаха сырости и затхлости присущего предыдущему коридору. Посмотрел под ноги, не остались ли здесь следы от обуви или от резиновых колес, чтобы определить, кто чаще пользовался этим коридором. На полу лежали черные высохшие листья, отлипшие от обуви, явно не его.

Сомнений не было, коридором пользовались этой осенью и вероятнее уже после того, как он выбрался из колодца в первый раз. Тогда листьев на полу не было. Видимо их все вымыло летними ливнями. Он хорошо помнил, как разносились по подземелью его шаги. А в этот раз он шел тихо, ступая по мягкому ковру преющей листвы. Хотелось верить, что наследили люди Власа, а не те, кто приходили за ними.

Светоч убавил свет фонаря на минимум, чтобы не выдать себя раньше времени. Он уже потерялся, в какую сторону от пищевого автомата ушел. Коридор извивался много раз, но еще ни разу не разветвлялся. Следов от обуви ему больше не попадалось, как и от резиновых колес роботов. Судя по тому, что тут не свистел сквозняк, коридор запечатывался с другой стороны аналогичной дверью. Никаких кабелей и труб по нему не проходило, но имелись вентиляционные отверстия наверху. Видимо его функция состояла в соединении подземных частей.

Светоч уперся в дверь. Она оказалась, как он и ожидал, точно такой же, как в начале тоннеля. Потянул рычаг на себя и открыл ее. В лицо ударил сквозняк и легкий запах, присущий машинам, смесь пластика и смазки. Вышел в коридор и сразу ощутил легкую звуковую вибрацию, как от гудящего трансформатора. Потушил фонарь и дождался, когда глаза привыкнут к темноте. Хотел, чтобы роботы-техники выдали себя раньше, чем

обнаружат его. Когда Светоч был в плену, его много раз расспрашивали про камеры, про микрофоны, через которые МАК контролирует людей и были удивлены, что ничего этого нет. Однако когда Светоч узнал о подземной жизни, и о роботах, которые следят за поддержанием работоспособности города, то подумал, что каждый из них должен обладать зрением и что для МАКа это все равно, что собственные глаза. Попавшись такому роботу, у МАКа должна появиться куча вопросов к нему, относительно причин находиться в этом месте.

Усиленный слух и зрение не помогли. Светоч включил фонарь на минимальную мощность и посмотрел под ноги. Да, тут было полно следов, оставленных техникой. А еще заметил, что тоннели разветвлялись в этом месте. Выбрал крайний левый, ничем не отличающийся внешне от остальных и пошел по нему. Часто останавливался и прислушивался. Воображение подкидывало звуки жужжания электромоторов или шуршания колес по полу. Стоило прислушаться, и звуки пропадали.

Светоч вышел в широкий коридор, расположенный перпендикулярно. Ширина от стены до стены в нем была больше двух метров, и до потолка он дотягивался только вытянутой рукой. На полу чернели характерные следы от колес, наезженные за много лет, возможно десятков. В бетоне даже появилась колеиность. Светоч пошел по широкому коридору. Еще до того, как он почувствовал усилившийся сквозняк в спину, понял, что коридор предназначен для машин, габариты которых почти равнялись его размерам. Потому и гнали они перед собой воздух, как поршень внутри цилиндра.

Светоч побежал со всех ног в надежде успеть найти в стене ответвление. Сквозняк становился все сильнее и уже ощутимо подталкивал в спину. До слуха донесся шум колес и гудение мотора. От сумасшедшего бега потемнело в глазах. Дыхания не хватало, ноги сделались ватными. Светоч понял, что сейчас его переедут, и он останется навсегда в подземелье Тулсы. Умрет, как крыса, о которой никто и никогда не вспомнит.

Справа в свете фонаря мелькнула искаженная тень. Светоч рывком нырнул в ее сторону и все равно получил удар в локоть. Упал на бетонный пол, уронил фонарь и дубинку. Ухватился за ушибленный локоть и взвыл от боли. Катался минуту по полу, пока боль не утихла. Метаграмма доложила, что сделала все возможное, чтобы ее утихомирить имеющимися у организма способностями. Впервые он был благодарен ей без всяких оговорок.

Поднял с пола фонарь и осмотрелся. Это тоже был тоннель, но с толстыми жгутами проводов. Потолок нависал над головой. Светоч не мог стоять в нем в полный рост и идти прямо, только боком. Снял куртку и осмотрел поврежденный локоть. Ничего серьезного с ним не случилось. Незначительное посинение, не идущее ни в какое сравнение с теми повреждениями, которые он получил на сбите «птеродактиле».

Он отдышался и услышал шум, вначале принятый за шум крови в ушах. Звук разносился по тоннелю с той стороны, в которую ему предстояло идти. Назад в тоннель с грузовиками путь был закрыт. Снова потянуло сквозняком, и через несколько секунд проскочила другая машина. Разница между ними составила чуть больше трех минут. Если бы имелась карта тоннелей, можно было бы попытаться счастья, но бегать по нему наугад чистое самоубийство.

Светоч пошел на шум, усиливающийся с каждым пройденным шагом. Вскоре шумовая вибрация начала давить на уши. Светоч вспомнил, что слух у него «выкручен» на максимум и снизил чувствительность до приемлемого уровня. Теперь вибрация ощущалась только при прикосновении к стене. Источник ее заинтересовал Светоча.

Он все ждал, что тоннель вот-вот закончится помещением с механизмом, создающим шум, но он все продолжался. Ментаграмма отсчитала больше тысячи шагов от того места, когда Светоч решил, что добрался до края. Тоннель закончился не просто помещением, а огромным залом, в котором не было видно ни потолка, ни дна, ни противоположной стены. Впрочем, противоположную стену мешал увидеть тот самый механизм, издающий шум. Он был огромен и тоже терялся в темноте. Света фонаря хватало, чтобы выхватить незначительную его часть, а так же лестницы и дорожки, коконом опоясывающие механизм.

На металлическом боку устройства виднелась потускневшая надпись «Реактор № 4». Воздух в огромном зале казался теплее, чем в тоннеле и здесь ощущалось его движение снизу вверх. Светоч ступил на лестницу и направился к реактору. Он понятия не имел, что это такое, но ума хватило догадаться, что эта установка вырабатывает электричество для города. Теперь было понятно, для чего по тоннелю расходились такие толстые жгуты кабелей.

И тут Светоч увидел воочию первого робота, который катался вокруг реактора. Он проезжал несколько метров, после чего останавливался и громко засасывал воздух, после чего так же шумно выпускал его. Светоч поднялся наверх, чтобы не встречаться с ним. Не похоже, что он пользовался камерами, но лучше не рисковать. Светоч вообще решил подняться так высоко, как позволяют лестницы. Он быстро устал и даже присел на ступеньку, чтобы отдохнуть.

С каждым пролетом температура воздуха росла. Пузатое тело реактора сменилось шумной установкой, источающей жар. Рядом с ней лестницы ощутимо трясло. Светоч даже переживал, что от многолетней вибрации они стали опасными. Специально проверил свои предположения и увидел, что древние строители этот момент учли и сделали сочленения лестничных пролетов на пружинных амортизаторах, гасящих вибрации.

Выше шумной установки находилась паутина из толстых жгутов, расходящихся в разные стороны. Здесь ощутимо пахло озоном, и чувствовалась статика, как возле ионизирующего барьера. Выше проводов лестниц не было. Светоч решил обойти энергетическую установку по кругу, чтобы узнать, что находится по ту сторону от нее. Заодно надеялся увидеть следы, оставленные бандой. Он все больше верил в то, что исчезновение Коломбины и людей Власа связаны между собой. Подруга в этом случае поступила предательски, бросив его не объясняя причины.

Подземная установка под городом казалась огромной. Никто из живущих в Тулсе и вообразить себе не мог, что скрывается у них под ногами. Любой среднестатистический житель всю жизнь пребывал в уверенности, что у него под ногами земная твердь от начала и до самого жидкого ядра, ни разу не задумавшись, откуда берется энергия, еда в пищевых автоматах, куда девается использованная вода, кто обслуживает коммуникации. Все это подразумевалось как само собой разумеющееся, как умение дышать.

На другую сторону в два параллельных тоннеля вели две широкие трубы, диаметром в пять или более метров. От одной тянуло жаром, а на второй сконденсировались капли влаги из-за того, что внутри находилась холодная жидкость. Светоч решил, что это контуры охлаждения реактора, идущие до и после установки, выделяющей тепло. Он поневоле проникся уважением к инженерам, планировавшим инфраструктуру города. Им необходимо было обладать таким багажом знаний и опытом, чтобы создать нормальный механизм, работающий как часы спустя два столетия.

В тоннель с трубами Светоч не полез, потому что там оставалось слишком мало места.

Спустился вниз на несколько пролетов и забрался в тоннель, очень похожий на тот, через который сюда попал. Шум и вибрации слабели, за что барабанные перепонки были ему очень благодарны. Он решил измерить длину тоннеля в шагах от самого начала и насчитал всего восемьсот шагов, когда тоннель оборвался. На этот раз это был не тоннель для развозных грузовиков, а вполне себе пригодный для прогулок коридор, напоминающий госпиталь на внешней стороне.

Светоч внимательно рассмотрел полы, чтобы найти подтверждение тому, что этим местом пользуются люди, но не нашел. Пыли в подземелье не было, как и грязи, чтобы оставлять следы. Прошел с пару десятков метров и наткнулся на дверь с запорным механизмом, аналогичным тому, что был в тоннеле с ливневкой. Раз была дверь, значит следовало проверить, что находится за ней. Светоч потянул рычаг. Мощная дверь мягко вышла из пазов. В открывшуюся щель ударил яркий свет.

Глава 19

Неожиданно яркий свет напугал его. Светоч как будто таился в темной комнате, и вдруг там стало светло, и он открылся тем, от кого прятался. Отскочил за стену и активировал аппарат определяющий движение в радиусе пятидесяти метров. Устройство ничего не обнаружило. Дождался привыкания глаз и заглянул в дверной проем. За ним находилось большое освещенное помещение с колонной посередине, уходящей под потолок.

Осторожно зашел внутрь, не закрывая дверь. Светоч догадался, что зря никто не оставит свет включенным, поэтому был готов метнуться назад в случае опасности. Помещение представляло собой овал, в центре которого находилась колонна, расположенная в свою очередь внутри шахты, ведущей далеко вверх. Источники света находились как раз внутри этой шахты на всем ее протяжении. Судя по конструкции колонны, она являлась частью подъемного механизма. На зубчатых выступах, за которые цеплялась подвижная часть, остались следы выработки.

В стенах имелись еще две двери. Светоч открыл каждую, но за ними ничего, кроме похожих друг на друга темных тоннелей не увидел. Вдруг подъемный механизм заработал. Светоч посмотрел в шахту и увидел спускающийся лифт. Выбежал за ближайшую дверь и, оставив ее приоткрытой, стал дожидаться «гостей». Лифт, большая прозрачная кабинка, опустился на пол. Открылись двери, и оттуда вышел Влас, Никодим, Гертруда и Юэн. Громко переговариваясь, они направились прямо к той двери, за которой прятался Светоч. Ему ничего не оставалось, как с душевным облегчением предстать перед ними.

Четверка замерла в страхе, переходящем в изумление.

— Как ты нас нашел? — Спросил Влас, внимательно рассматривая Светоча и не двигаясь с места, словно боялся, что лишнее движение приведет к нежелательному инциденту. — Ты один?

— Я решил, что вы подговорили Коломбину исчезнуть и вручили ей отмычку. — Произнес Светоч. — Я прав?

— Абсолютно нет. Она не с нами и зачем она нам нужна, если ей нужен ты. — Никодим посмотрел на дубинку в руках неожиданного визитера. — Как ты смог сюда добраться?

— Просто шел наугад. — Светоч убрал дубинку за спину. — Почему вы оставили пищевой автомат?

— Подумали, что небезопасно, после того, как ты побывал в нем после изменения личности. Отправились искать новую лёжку, и кажется, нашли.

— Там? — Светоч показал пальцем вверх.

— Да, прямо над нами жилой комплекс и куча всяких заведений, в которых можно неплохо пожить.

— Вы действительно решили перевоплотиться в крыс и жить в подземелье, питаясь отбросами? — Светоч решил, что всякая борьба с МАКом, ради которой они оказались в городе, перестала их интересовать.

— А ты что, явился возглавить нашу борьбу? — Усмехнулся Влас. — Ты был и останешься для нас чужим, получеловеком, за которого наполовину решает машина. Ну, чего ты приперся сюда? Чтобы мы больше нигде не чувствовали себя в безопасности?

— Я не причиню вам вреда. Мой клещ не показывает, где я нахожусь. — Светоч глубоко выдохнул и смущенно продолжил. — Я не знаю, что мне делать. Я на грани нервного срыва. МАК обещал упечь меня на стационарное лечение с погружением в виртуальный мир. Я знаю, что люди после этого уже не могут самостоятельно бороться с проблемами. Мне не выдержать в одиночку это напряжение.

— Малахольный ты наш. — Усмехнулся Никодим. — Но упертый.

— Ты опасен для нас. — Отрезал Влас.

— Подожди, босс. — Остановил его Юэн. — Михаил хотел проверить на нем новый аппарат. Ему как раз нужен бил действующий клещ.

— А если он сдаст нас? Не спецом, конечно, мы ведь не знаем всех возможностей МАКа.

— Заглушим, и пусть не выходит дальше действия глушилок. — Предложила Гертруда. — Это ведь не на наркоманах тренироваться за ограниченное время, глядишь, добьются чего-нибудь серьезного наши умельцы.

— Ох, народ, не пуганные вы идиоты. — Влас покачал головой. — А если...

— Сколько этих если у нас уже было, и все зря. — Напомнила ему Гертруда. — Не переоценивай свою роль для МАКа. Мы для него тени. Вот ты боишься тени?

— Ладно, счастливчик, жди нас здесь. — Смилостивился главарь. — Мы вернемся через полчаса.

— А куда вы? — Нескромно поинтересовался Светоч.

— А этого тебе знать не надо. Жди здесь и не сходи с места, иначе мы решим, что ты что-то замышляешь против нас. — Предупредил Влас.

— Хорошо, я буду стоять здесь и ждать. — Успокоил его Светоч.

Он готов был терпеть чужие приказания и унижения, лишь бы оказаться среди тех, кто мог помочь ему разобраться в происходящем. Юэн ободряюще кивнул Светочу, перед тем как уйти в тоннель. Это подбодрило. Дикари, в отличие от горожан, обладали большим разнообразием мнений по категоричным вопросам. Если бы ситуация была обратная и решалась судьба дикаря группой горожан, то они бы непременно все до одного выражали одинаковую точку зрения. Возможно у «дикарей» дело было в воспитании, индивидуальном у каждого человека, или в географии, так как они собрались со всего света, или в обоих факторах.

Светоч не выполнил требование Власа, стоять и ждать. Сел на чистый пол и прислонился спиной к стене. Видимо, ему удалось задремать, потому что он слишком скоро услышал приближающиеся шаги. Вскочил и сделал вид, что все это время ждал на одном месте.

— Вот он, стоит, как стойкий оловянный солдатик. — Усмехнулся Влас, первым зайдя в дверь.

У каждого в руках находился предмет, похожий на чемоданчик. Светоч не стал интересоваться, посчитав, что это вызовет неприятие или подозрение Власа.

— Идем за нами. — Позвала его Гертруда.

Светоч зашел в лифт последним. Аппарат начал подъем с сильной вибрацией и успокоился, когда набрал постоянную скорость.

— Это старый лифт, оставшийся еще с тех пор, когда монтировали реактор. Вокруг нас порода, которую снова насыпали поверх саркофага. — Пояснил Никодим.

— Саркофага? — Не понял Светоч.

— Это надстройка вокруг реактора, защищающая от радиации. Чтобы она не проникала в грунтовые воды или при взрыве, не дай бог, конечно, чтобы снизить негативный эффект на город.

— Так что, этот реактор, ядерный? — В голосе Светоча прозвучало не только удивление, но и страх.

— Да, и таких под городом четыре штуки. Два из них почти полностью работают на защитный барьер, и два на город.

— Так он что, может взорваться?

— Чисто теоретически. Практически такие шансы невелики, вернее, равны нулю. Я инженер, немного знаком с такой техникой. У нас уже более совершенные реакторы создают, более компактные и использующие метод холодного синтеза. — Никодим заметил непонимание в глазах Светоча. — Ладно, не бери в голову. Благодаря этому устаревшему реактору, у нас всегда есть горячая вода, свет, тепло и чистая атмосфера. А ты вообще знал, откуда в городе берется свет?

Светоч отрицательно покачал головой.

— М-да, у меня был кот, который тоже не задумывался, откуда берется корм в миске и зачем я выхожу за дверь каждый день. Вы бы с ним быстро нашли общий язык. Кстати, у него тоже были клещи. Каждое лето ловил по несколько штук. Уж не знаю, разговаривали ли они у него в голове или нет, но кровушку кошачью попили.

Из сказанного Светоч понял только половину, и та никак не складывалась в целостную картину. Он почувствовал себя неразвитым в плане кругозора, тепличным растением и даже покраснел от смущения. Лифт замер, через секунду со свистом открылись задевающие за что-то двери.

Светоч вышел последним и оказался в еще более просторном, чем нижнее, помещении. Здесь пахло стариной, как в музее и тому были причины. Направо от лифта находились стеллажи с различной техникой, ручной и самоходной, на небольших гусеницах.

— Это было склад инструментов для рабочих, которые занимался окончательным монтажом коммуникаций. Инструмент, видимо, оставили, чтобы отремонтировать позже, но потом перешли на роботов и про него забыли. Или же, всех рабочих выселили за барьер. — Предположил Влас.

— Нет, все, кто строил город, остались жить в нем. В том и была задумка, чтобы создать рай своими руками. — Напомнила Гертруда.

— Тем хуже для горожан. Так бы я еще мог как-то понять людей, которые по жизни занимались умственным трудом, творчеством. — Влас не скрывал ехидства, делая акценты на нематериальные умения жителей Тулсы. — Они все идеалисты, парят в небесах и забывают, что намертво привязаны к унитазам и пищевым автоматам.

— Не перегибай, у всех своё предназначение. — Гертруде не нравились категоричные однобокие высказывания главного.

— У жителей Тулсы оно одно на всех, зарабатывание рейтинга. — Напомнил он. — Они отличаются друг от друга только внешне, но внутренне вообще одинаковые.

Светоч шел за всеми и вскоре оказался у ворот, за которыми открылся темный тоннель с сильным сквозняком и холодным воздухом.

— Это одна из шахт, отвечающая за микроклимат небоскребов над нами. — Пояснил Никодим. — Мощные вентиляторы гоняют воздух и тут даже есть обогатительная ферма.

— Что значит, ферма? — Не понял Светоч.

— Ферма, это место, где содержат животных, но в нашем случае, тут живут водоросли, потребляющие углекислый газ и выделяющие кислород. Воздух постоянно прокачивается через воду, насыщая ее углекислотой и забирая лишний кислород. Все делается для того, чтобы вам, бедненьким горожанам не испытывать ни малейшего дискомфорта.

— А они все равно впадают в депрессию. — Заметил Влас.

— Ничего, мы тебя научим, как выходить из нее. Мы тут нашли способ приворовывать концентраты сока и делаем из него вино или перегоняем на самогон. Отличное средство от депрессии. — Заявил Никодим. — Ты пробовал алкоголь когда-нибудь? Я слышал...

— Пробовал, мне не понравилось. — Признался Светоч.

Из тоннеля начался долгий подъем по ступеням вверх. Разговаривать при такой нагрузке никто не хотел, все громко дышали и проклинали строителей.

— Кто? — Раздался в темноте голос Михаила.

— Свои. — Ответил Влас. — Не пойду... больше..., здоровья... не хватает. — Он тяжело опустил «чемоданчик» на пол и сел, прислонившись к стене. — Думайте... как еще... можно добыть... электричество.

— Опасно. МАК может заметить утечку, если мы будем активно пользоваться электричеством в одном месте.

— Тогда отключайте лифт полностью.

— Мы подумаем.

— Мы вам тут объект для исследований... привели. — Влас поднял фонарь над собой, осветив лицо Светоча.

— Ни хрена себе, откуда? — Удивился Михаил.

— Сам нашел.

— И галерею с грузовиками прошел?

— Пришлось побегать. — Ответил Светоч и потер засвербевший от воспоминаний локоть.

Остальная часть банды приняла Светоча нормально. Без особой любви, но и никакой недоброжелательности тоже не проявила. Его, не привыкшего к тесным отношениям, свойственным «внешникам», такая ситуация устраивала. Чуть сильнее он сошелся с Артуром и Михаилом, которые пытались создать прибор, вернее создать программу, способную обмануть МАК и забраться в память его клеща. Им хотелось узнать, что за вирус записан в ней, каким образом он повлияет на МАК, и сколько еще осталось частей до его полной передачи. Светочу и самому было интересно это знать. Он устал от того, что понятия не имел, работает ли вирусная программа, наступил ли момент полной передачи или он наступит не скоро.

Вся его жизнь в подземелье превратилась в три главных задачи: сон, работа с Михаилом и Артуром и работа курьером, между бандой и пищевым автоматом. Последнее нравилось ему меньше всего, но тут он был вынужден отметить, что его физическая форма прогрессировала с каждым днем. Восхождения давались все легче и легче. Светоч не ходил один, принести еду на всех в одиночку было сложно. Нравилось, когда выпадала смена с Айной. У нее был смешной акцент, и она уставала меньше всех. Пытаясь не отставать от девушки, Светоч быстрее достигал лучшей спортивной формы.

— Откуда ты? — Спросил он у Айны.

— У нас есть город Алтын-депе, такой же, как Тулса, я из его окрестностей.

— Из ренегатов?

— Нет. У них плохие гены из-за грязного воздуха. Моя семья жила в трехстах километрах от города. Небольшое поселение в степи. История такая же, как и у многих, отобрали сюда, чтобы пополнить генофонд жителей города.

— Да уж, это мне напоминает выведение людей, а не нормальную жизнь. На внешке такого нет.

— Ты прав, мы так же разводили кроликов, ходили по соседям, подбирали тех, кто нам подходил. Это меня и злит больше всего. — Призналась девушка.

— Это ужасно, стать не матерью, а инкубатором, который произведет человека с подходящим ДНК.

— Я не чувствовала себя инкубатором. — Неожиданно заявила Айна.

— Что..., так ты... нет, не может быть. — Светочу стало неловко. — Ты уже родила?

— Да, дочку. — Девушка подобрала указательным пальцем выступившие слезы в уголках глаз. — Ей уже пять с небольшим.

— Вот черт, прости. Я не знал. Представляю, каково это быть разделенным со своим ребенком. — Он попытался загладить неловкость.

— Говорят, вы не чувствуете связи между детьми и родителями? — Она, видимо, решила, что Светоч сочувствует из вежливости.

— Ну, как сказать. Когда-то в детстве я хотел, чтобы меня больше любили, но потом понял, что этому не бывать и принял отношения, как есть. Наверное, как родитель, я был бы таким же, как и мои мама с папой. Тебя же воспитали нормальные, поэтому тебе тяжелее.

— Я и сбежала сюда, чтобы увидеть дочь. Не знаю, как это сделать, но верю, что увидев, обязательно узнаю ее, сколько бы лет не прошло. — Айна зашмыгала носом.

— Когда мы взломаем МАК, — Светоч позаимствовал термин у электронщиков, — мы обязательно отыщем ее и вернем родной матери.

— Ты веришь в это?

— Разумеется. Оставлять МАК без изменений нельзя, иначе начнется война, которую никто не хочет. Он машина, которая поддается перепрограммированию, и это его самая главная уязвимость.

— А ты не думал, что и тебя это коснется? — Спросила девушка.

— Ты о чем?

— Что ты останешься без его поддержки, к которой привык. Что без МАКа твой клеш не будет работать, и твой организм не справится.

— Я жил без клеща долгое время, поэтому не боюсь. Да это и не понадобится, потому что искусственный интеллект МАКа просто подкорректируется незаметно для всех.

— Я слышала, как Артур с Михаилом спорили насчет того, зачем МАКу система защиты от внешнего внедрения. По идее, у него должен был всегда существовать порт для обновлений, для электронных приборов это нормально. Нельзя сразу создать совершенство. Они пришли к выводу, что такого порта нет, возможно, система избавилась от него в качестве защиты от внешнего проникновения, когда поняла, что новые программы входят в противоречие с базовыми алгоритмами. Люди увидели, что МАК начал поворачивать не туда и попытались изменить его код, но тот вовремя успел себя защитить.

— Я плохо в этом разбираюсь. — Признался Светоч. — Доверяю тем, кто попросил меня скинуть код, потому что ничего другого не остается. Уверен, что после этого я смогу узнать, куда МАК задевал мою Коломбину.

— Буду рада, если тебе удастся совершить все задуманное. Ты первый горожанин,

включая даже тех, кто был на внешнем кольце, который не вызывает у меня отвращение. — Айна смущенно откинула челку со лба.

— Спасибо. Ты тоже очень приятная девушка, мягкая и сильная одновременно. Хочу увидеть вашу встречу с дочерью.

Айна покивала головой, но ничего не ответила. Её душили слёзы, но она старалась не подавать вида.

Светоч каждый раз выбирался на крышу пищевого автомата и долго смотрел на город, живущий своей привычной жизнью. Он вызывал ностальгию по тем временам, когда жизнь была простой и понятной. То была слабость, поддаваться которой не стоило. Светочу ничего не стоило спрыгнуть на землю и уйти жить в свою двухуровневую квартиру со всеми удобствами. Забыть обо всем, как о страшном сне и наслаждаться простыми вещами. Только ему хватало ума понять, что это иллюзия, за которой творятся страшные вещи, и только он может реально прекратить это.

Через две недели подземной жизни Михаил и Артур смогли найти способ обмануть «клеща» и добраться до всех закоулков его памяти и программного кода. Им удалось обнаружить всё, что оставили люди Николая. Скачанный вирус был скомпилирован в графическую форму, понятную человеку. Итог вызывал легкий ступор у всех, кто наблюдал за процессом. Светоч сидел спиной к экрану, не видел, что он показывал, но по лицу Власа догадался, что тот сильно удивлен.

— И что там? — спросил Светоч, боясь пошевелить головой, чтобы не испортить навешанную на голову аппаратуру.

— Да ничего хорошего. — Ответил Влас.

— Нас будут бомбить? — Светоч решил, что Николай его обманул и просто сделал МАК беспомощным перед ударом ядерным оружием.

— А это еще неизвестно, что они будут делать. Как только ты скачаешь все куски кода, блок управления реакторами отключится от МАКа и заглушит их. — Пояснил Михаил. — Как ты понимаешь, МАК тоже потребитель электричества и без него не функционален.

— Навсегда? — спросил Светоч.

Он не понял, чем это грозит конкретно ему или их банде.

— Непонятно. Твой вирус нужен только для отключения МАКа, а что последует за этим, там не сказано. В любом случае, горожанам придется несладко. Работать не будет ничего. Они даже из своей квартиры выйти не смогут или наоборот, зайти. Если не подавать электричество в течение месяца, то все они умрут от голода, потому что понятия не имеют, как добыть себе пропитание. — Михаил задумчиво почесал голову.

— Такого не будет. Как только потухнет барьер, сюда явятся ренегаты и начнут подкармливать горожан, как домашних питомцев, чтобы те ни в чем не нуждались. — Предположил Влас.

— Так в чем тогда идея тех, кто все это организовал? — Спросил Светоч. — У них точно имелся план на этот случай. Они не похожи на людей, которые что-то делают не рассчитывая.

— Вот это меня и пугает. Я не могу постичь всю глубину их замысла. Отключить ПВО и закидать ракетами?

— А если они хотят не заглушить реакторы, а наоборот, взорвать. — Произнесла Гертруда. — Может, город и не разрушится, но все подземные коммуникации придут в негодность.

— Знаете, все ваши идеи отдают примитивизмом. — Высказался Никодим. — Взорвать, заморить голодом. — Если этот МАК заглохнет в одиночку, остальные возьмут на себя его функции и попытаются восстановить работу. Они же связаны между собой в единое целое. Не смогут подключиться, отправят ренегатов на помощь. И тогда точно война. Прям, хоть сбегай из города, чтобы узнать, что задумал твой Николай.

— А там не стоит счетчик, сколько кусков кода уже скачано? — Поинтересовался Светоч.

— Меньше половины. Если ты такими темпами будешь отсиживаться под землей, то мы несомненно узнаем, что задумали наши союзники. — Влас посмотрел на Светоча. — Надо тебе активнее пользоваться городской инфраструктурой.

— Я подумал, вы боитесь. — Решил Светоч.

Влас посмотрел на товарищю и громко рассмеялся.

— Мы боимся только одного, что все останется, как есть. — Ответил он. — С завтрашнего дня освобождаешься от обязанностей курьера и с утра до вечера катаешься на всем подряд. Пользуешься сервисами развлечений, можешь куклу себе завести, чтобы каждый раз сливать в нее гаплоидный кусок своего генетического кода.

Светоч не понял последнюю часть фразы, но по интонации почувствовал сарказм.

— Ладно, с биологией у тебя тоже не все удачно. — Влас усмехнулся. — Даем тебе месяц на заражение МАКа. Что ты свою работу выполнил, поймешь по отключению электричества. Постарайся не оказаться в машине, хотя, вероятнее всего именно в ней ты и окажешься. Носи с собой предмет типа монтировки, чтобы вскрыть дверь или выбить окна.

— Монтировки? — Не понял Светоч.

— Гера, ты хоть и дама, но покажи мальчику, как выглядит монтировка. — Попросил Влас.

Гертруда принесла изогнутую железку и протянула Светочу.

— Это рычаг. — Коротко пояснила она.

Теперь Светочу все стало ясно. Он знал про рычаги и про то, как они увеличивают мускульное усилие.

— Я хотел бы ночевать не у себя дома, а с вами. Там мне одиноко. — Попросился он.

— А горожанин-то социализируется. — Заметил Никодим. — Пусть ночует, я не против.

— Давай так, Светоч, кроме того, что ты будешь заражать МАК, смотри по сторонам в оба глаза. Не исключено, что ты под наблюдением. Кто и как будет осуществлять его, я без понятия. Не исключено, что у МАКа есть свои спецслужбы, которые наблюдают за неблагонадежными. Я уверен, что они не знают про твою тайную миссию, иначе уже давно загребли бы. Скорее всего, они будут пасти тебя из-за Коломбины, чтобы ты снова не завел себе дикарку.

— Ты думаешь? — Предупреждение Власа вызвало у него неподдельный интерес.

Теперь он знал, что есть зацепка, которая приведет его к подруге или раскроет тайну ее исчезновения.

Глава 20

Рейтинг из-за продолжительной социальной бездеятельности просел. Он находился на той грани, когда любое неосторожное движение привело бы его к потере апартаментов в «Парусе». Честно признаться, Светочу было плевать, где жить. Просто не хотелось разводиться канитель и снова привыкать к другой обстановке. К тому же его лицо тут примелькалось. Все знали его как Сластоцвета, а стоило начать менять жилье, как кто-нибудь из прошлой жизни обязательно бы повстречался, и тогда все могло пойти кувырком.

В первый день после долгой жизни под землей, после продолжительного дня состоящего из поездок по городу, Светоч записался на общественную передачу в качестве присяжного. Надо было подтянуть рейтинг и дать МАКу понять, что он активный и гармоничный житель Тулсы, которому небезразлична социальная жизнь города. Выносили приговор девушке Мудролике Лучезарной за профессиональную непригодность. Она работала в детском саду, и ей вменялось нарушение Устава Гармонии по серьезному пункту. Она учила детей тому, что все люди планеты одинаковые, и что когда-нибудь на ней не останется мест, где они вынуждены жить обособленно.

Ситуация с трактовкой ее взглядов на первый взгляд была понятной. Девушка пыталась приравнять горожан и дикарей, будто те и другие могут одинаково стремиться к общей цели. Для слуха горожанина подобные высказывания являлись кощунственными и отвергали их избранную суть. Но с другой стороны, они хотели быть человечными и желали всеобщего благоденствия для всех. Воспитатель явно недопонимала до конца свою ошибку, где-то внутри своего разума неправильно трактуя Устав Гармонии. Судя по сложившемуся у нее представлению о мире, именно жители Тулсы и подобных ей городов, вынуждены были жить в изоляции от мира, а не наоборот, как казалось большинству горожан. Получалось, что не за барьерами следовало отсиживаться, а наоборот, отодвигать их все дальше и дальше, вовлекая в свое общество новую паству.

Потому у МАКа и возникли сомнения, и он решил передать решение сложного вопроса на откуп жителям города. Светоч сразу занял защитную позицию. Ему было приятно, что девушка не побоялась иметь не шаблонную точку зрения, даже если это было результатом ее не слишком высоких умственных способностей.

Мнение разделились почти пополам, и это стало причиной, по которой зрителей вынудили высказываться перед всеми. При однозначном положительном или отрицательном результате необходимости в чужих мнениях не возникало. А тут требовалось склонить публику к перевесу, чтобы правосудие было явным, а не натянутым. Светоч надеялся, что все произойдет как обычно, он просто проголосует и получит причитающиеся баллы, но нет. Ему еще и досталось озвучить причину, по которой он защитил позицию девушки. Светоч не любил публичных выступлений, терял мысль и все время ощущал, как люди слишком вьедливо разбирают каждое его слово.

— Э, кх-м, Почему я считаю ее правой? — Светоч вздрогнул от собственного голоса, раздавшегося из динамиков. — Суть нашего противоречия с так называемыми дикими, заключается в том, что они находятся в других условиях. От рождения и до самой смерти мы живем по-разному, что вызывает накопление непонимания и как следствие, отторжение. Они для нас дикие, мы для них одержимые. Если мы ничего не предпримем, то в будущем

эти различия наберут такой потенциал, что выльются в более серьезную войну, чем мы имеем сейчас. Мудролика не стремилась нарушить Устав, в силу какого-то намеренного несогласия с его положениями. Она исходила из простой мысли, что объединяющее общее позволит нам не искать противоречия. Было бы неплохо дать диким прикоснуться к мудрости Устава Гармонии, чтобы они проделали тот же путь, что и жители Тулсы, и чтобы наши далекие потомки не знали тех проблем, с которыми сталкиваемся мы. — Светоч отключил связь и вытер пот со лба.

Он здорово переволновался и про себя повторил все, что сказал вслух, боясь, как бы его пламенная речь не сыграла против него самого. Нет, она сыграла как надо. Процент поддержки Мудролики серьезно вырос. Его слова произвели эффект, на который он рассчитывал. Ему даже стало интересно посмотреть, чем закончится заседание. Воспитательнице даже не убавили рейтинг. Девушка была растеряна, неловко улыбалась, кажется, она не рассчитывала на подобный исход дела. Готовилась отбыть на внешнее кольцо за свои слова, как за серьезную провинность.

По окончании передачи Светочу сразу прилетели балы, поднявшие рейтинг. Угроза переселения в менее респектабельное жилье исчезла. Выступление так вымотало его, что ментаграмма позволила заказать два кофе. Светоч вышел на улицу. На город уже опустилась ранняя ночь. Воздух щипал первым морозцем. Из рта выбивался пар. Автомат выдвинул при приближении лоток с кофе, запакованным в герметичный контейнер. Светоч взял его и собрался идти назад, но вдруг увидел в темноте подозрительное движение. Ему показалось, что он спугнул тех, кто следил за ним.

Движение растворилось в парке между плотных голых кустов. Светоч мог и ошибиться, приняв за шпионов заигравшихся допоздна детей. Вернулся в дом, выпив один стакан кофе по дороге. Съел его, испытывая чувство отвращения к безвкусному материалу. Подошел к дверям квартиры и резко обернулся назад. В коридоре никого не было.

— Уровень адреналина чрезвычайно высок. Не советую употреблять вторую порцию кофе, иначе могут возникнуть проблемы со сном. — Посоветовала ментаграмма, от которой не ускользали малейшие изменения гормонального фона.

— А ты мне успокоительного добавишь и я сладко усну. — Обратился к ней Светоч.

— Не лучшая комбинация веществ. Советую прислушаться к моей рекомендации.

— Ладно, утром выпью. — Светоч зашел домой и оставил кофе на столе.

Однако не удержался и выпил его через несколько минут. До завтра напиток стал бы совсем несъедобным.

Светоч лег спать и мысленно несколько раз прогнал в голове ситуацию у пищевого автомата. Хотел найти ответ на вопрос, показалось или было на самом деле. Тревожности, особенно после того, как он выключил свет, добавилось. Активировал аппарат регистрирующий движение и проверил им, нет ли за дверью людей. Как и следовало ожидать, там никого не оказалось. Светочу этого показалось мало. Он привязал к дверной ручке стул, чтобы при открытии, тот заскрежетал ножкой по полу. Ему казалось, что за ним могут придти, как за Коломбиной и не хотел, чтобы его застали врасплох.

Передозировка кофеином не давала заснуть. Ментаграмма сдалась и уже сама упрашивала Светоча испить воды с определенной дозой успокоительного, но ему казалось, что тогда он заснет слишком крепко и не услышит как сработают его приготовления. С трудом забылся зыбким сном. Несколько раз просыпался за ночь и смотрел на стул. Тот простоял на месте, не шелохнувшись, как ему и положено. Наутро страхи казались

надуманными и отдающими легкой паранойей.

Светоч помылся и взбодрился под сильной струей прохладной мятной воды. Запах прилип к телу и навязчиво сопровождал его еще полчаса, пока не привык нос. Сегодня он решил проехать через город зигзагами, сходить на какое-нибудь уличное общественное мероприятие, чтобы без усилий добавить себе баллов к рейтингу. Пока МАК не заглох, следовало придерживаться его правил, не вызывая подозрений.

— Сегодня в городе температура в приземном слое составляет минус семь градусов по шкале Цельсия. Будьте осторожны и прихватите с собой головные уборы и перчатки. Нагрузка на ионизирующий барьер составляет семьдесят три процента, но прогнозируется ее увеличение из-за начала отопительного сезона на сопредельных территориях. Ветер северный, во второй половине дня сменится на западный и принесет с собой осадки. Природа окончательно впала в спячку, и только жителям Тулсы нет дела до смены сезонов. Они всегда полны энергии, бодрого настроения и настоящей гармонии.... — Ментаграмма не унималась, хотя Светоч поинтересовался только температурой на улице.

Он поехал от мысли, что придется слишком много времени провести на морозе. Проверил гардероб, чтобы подобрать себе подходящие погоде вещи и снова наткнулся на майку Коломбины. Она почти перестала пахнуть ею, и это вызывало горькое сожаление. Как только запах исчезнет, прервется последняя нить, напоминающая о прекрасной креолке. Светоч завалил майку другими вещами, чтобы она сохраняла аромат тела Коломбины как можно дольше. Взял куртку, вязаную шапочку, перчатки с мехом, оделся и вышел из квартиры.

У лифта его встретила соседка Ясноока. Раньше она всегда демонстрировала радость и добродушие, но сегодня бросила мельком взгляд и поздоровалась, глядя в другую сторону.

— Лучшего дня и полной гармонии. — Произнесла она нейтрально.

— И вам, Ясноока пребывать в полной гармонии с миром. У меня что-то не так? — спросил Светоч на всякий случай.

— Нет, простите, что-то с настроением. Внезапно изменилось. — Призналась она.

— Такое бывает. Или МАК не то подмешал в воду, или что-то по-женски. — Предположил Светоч.

— Что? По-женски? Вы что, женщина, чтобы разбираться в этом? — Ясноока внезапно покраснелась. Глаза заблестели гневом.

— Я не хотел вас обидеть. Просто ваш гормональный фон подвержен определенным циклам, влияющим на настроение. Это же общеизвестный факт. — Попытался защититься Светоч.

— Вы вообще выглядите, как человек, предрасположенный к насилию. — Неожиданно заявила она и отошла в дальний конец лифта.

— Я? — Светочу стало смешно. — С чего вы взяли?

— Вижу.

Светоч посмотрел на свое отражение в стеклянной стене лифта. На него смотрело вполне миролюбивое лицо, ничем не отличающееся от того, которое у него было вчера или неделю назад.

— Вы точно не употребляли ничего такого, что не разрешено ментаграммой? — спросил Светоч.

— Хам! — Выкрикнула Ясноока. — Не подходите ко мне!

— Я не двигаюсь. Вы ведете себя подозрительно, Ясноока. Если у вас что-то случилось,

просто отпроситесь с работы и полежите дома под присмотром ментаграммы. — Посоветовал девушке Светоч.

— Вы пытаетесь давить на меня? — Девушка бросила негодующий взгляд. — Что ж, вы напросились. Вынуждена отправить жалобу МАКу.

— Но...

— Мой вам совет, Сластоцвет, агрессия не доведет вас до гармонии. — Заявила она. — Вылетите, как пробка на внешнее кольцо. Там такие как вы нужны, усмирять дикарей.

— Но я даже пальцем не шевельнул. — Возмутился Светоч.

— Мы оба видели, что вы делали.

Лифт остановился на первом этаже. Ясноока выскочила первой и торопливой походкой побежала по фойе. Светоч еще долго смотрел ей в спину и не мог понять, героем какого театрального представления он стал. У девушки явно были проблемы с психикой, что не могло остаться незамеченным ее «кleshом».

— Ты слышала, в чем только что меня обвинили? — спросил Светоч у своей ментаграммы. — Ты зарегистрировала хоть какое-нибудь отклонение в моем организме, аналогичное агрессии?

— Гормональный фон в норме, мышечный тонус в норме. Состояние организма соответствует легкой физической нагрузке. — Ментаграмма просканировала состояние Светоча по запросу.

— А чего тогда она сочиняет? Дай сигнал МАКу, что у Яснооки Доброславной проблемы с психикой.

— Предупреждаю, неподтвержденная информация может быть расценена, как оговор и это сразу приведет к понижению рейтинга. — Предупредила ментаграмма.

— Ладно, не передавай, пусть психует дальше.

Неожиданно ему самому прилетел «минус» за антисоциальное поведение.

— Как ей это удалось? — Возмутился Светоч. — Я же ничего не делал.

Ментаграмма никак не отреагировала на его вопрос. Для МАКа подобная несправедливость казалась недопустимой. Слишком явный оговор, проверить который ничего не стоило. В момент контакта дамочка находилась в стрессовом состоянии, а он был спокоен и никак не реагировал на ее вызовы. Будучи полицейским, он не раз встречался с подобными ситуациями, в которых человек, проявивший большую нестабильность психики, при отсутствии свидетелей инцидента считался виновнее.

Светоч вышел на морозный воздух. Яркое солнце наполняло кристалл холодным светом с розовым оттенком. На стоянке его уже ждал заказанный автомобиль. Светоч сел на заблаговременно нагретое сиденье. Машина бесшумно покатила его по улицам города. Конфликт с Ясноокой постепенно выветрился из головы. Светоч думал о разном, но больше о двух вещах, что станет с городом после отключения реакторов и куда же делась Коломбина и может ли он надеяться увидеть её когда-нибудь снова.

Автомобиль остановился у большого парка. Его особенностью являлся подогрев в холодное время и специальное освещение, добавляющее фотосинтетически активной радиации недостающей здешнему климату для произрастания экзотических растений. На фоне облысевших деревьев, растущих вдоль дорог рядом с парком, он казался неестественным оазисом и местом, в котором всегда было лето. Зимой горожане обожали это место, но не многие могли себе позволить гулять в нем. Рейтинг Светоча благодаря Сластоцвету позволял насладиться им впервые в холодное время года.

В раннее утро здесь были в основном пожилые люди, занимающиеся зарядкой под присмотром своих ментаграмм, да бегуны, которые могли позволить пробежки между пальм, фикусов и вдоль дорожек с цветущими олеандрами. Светоч снял головной убор и перчатки. Аромат в парке стоял необыкновенный, и действительно казалось, что вокруг наступило тропическое лето, которое он не раз ощущал в развлекательных передачах.

На деревянной скамье, с вплетенной между досок имитацией вьющегося растения, сидела пожилая женщина и обмахивалась веером. Видимо, ее зарядка закончилась. Она мельком бросила на Светоча взгляд, но потом уставилась внимательнее, а ее мимика резко изменила безразличие на испуг.

— Отличного вам дня и полной гармонии с миром. — Пожелал ей Светоч, с удивлением наблюдая за сменой эмоции на ее лице.

— Не подходите ко мне. — Женщина попятилась.

— И не собирался. — Ответил Светоч и сделал несколько шагов в сторону.

Второй похожий случай за день заставил его думать о не случайности. Но как его миролюбивая внешность могла заставить видеть в нем агрессора? Неужели у МАКа имелись более глубокие способы управления людьми, заставляющие их видеть то, чего нет. И почему он снова выделяет его из общей массы? Светоч задумался и нашел причину, после которой МАК решил затравить его. Ему не понравилось, как он поддержал на вчерашней передаче Мудролику, склонив людей принять его позицию. Наверняка МАК желал противоположный результат и был уверен, что его внушения приведут именно к выселению несчастной девушки на внешнее кольцо. Речь Светоча, не нарушающая Устав, и в то же время противоречащая ожиданиям МАКа могла вынудить того сделать так, чтобы его личность скомпрометировала себя в глазах горожан. Чтобы они знали, что этот агрессивный негодяй не тот человек, которого стоит слушать. Ему снова светило внешнее кольцо со всеми последствиями в виде войны и новой «гниды».

Светоч торопливым шагом покинул парк, чтобы не дать МАКу шанса. На выходе столкнулся с мужчиной, который хотел что-то спросить у него, но быстро передумал и испуганно отошел в сторону. Светоч почувствовал себя прокаженным, от которого шарахаются люди. Заказал машину и поехал колесить по городу. Посещение мероприятий откладывалось на неопределенный срок. Если его опала имела неограниченный срок, то и работа ему больше не светила. Это стимулировало Светоча скорее заразить МАК. Каким хрупким казалось ему теперь беззаботное существование горожан. Любое действие, идущее в противоречие с ожиданиями контролирующего компьютера, приводило к опале и выдавливанию инакомыслящего на периферию, без шанса на возвращение.

О какой гармонии могла идти речь, когда на самом деле шло прикрытое идеологией подчинение и репрессии. Только точное следование фарватером, определенным МАКом, делало жизнь в Тулсе приятной и беззаботной. И это напоминало «жизнь» персонажа игры, ведомого игроком по определенному маршруту. Свободы выбора у горожанина было примерно столько же, как и у героя игры, то есть несколько. Любое отклонение от безопасного маршрута наказывалось заскриптованной сценой гибели.

Светоч надеялся, что МАК следует своим же правилам и не пойдет на неприкрытое обрушение рейтинга без всяких оснований, чтобы избавиться от него. Возможно, если не контактировать с людьми, то он продержится до окончания задания. Остановка реакторов больше не пугала его, наоборот, хотелось скорее остановить этого кибермонстра, подчиняющего людей своей воле. До сего дня Светоч понятия не имел, что влияние его на человека

настолько велико. Горожане могли щелчком виртуальных пальцев превратиться в агрессивных зомби, загоняющих помеченных МАКом жертв.

Он почесал засвербевшую вокруг «клеща» кожу. Устройство словно отозвалось на его мысли, давая понять, что он прав и чип может делать с людьми что угодно. Светоч пересел на другую машину, проехал немного и пересел на следующую. За четыре часа он поменял их больше двух десятков. Заказал еду из самого отдаленного и незанятого пищевого автомата и снова катался до самого вечера. Перед тем, как поставить точку в окончании рабочего дня, проверил работу «проклятья» на подростке. Ничего не произошло. Тот не обратил на Светоча никакого внимания.

— Мальчик, я кажусь тебе злым? — Спросил он.

Подросток удивился вопросу, рассмотрел Светоча и хмыкнул.

— Нет, вы кажетесь странным.

— Спасибо. — Светоч решил, что МАК ограничил наказание временными рамками.

На входе в подъезд своего дома он снова столкнулся с Ясноокой и ситуация повторилась практически один в один с утренней. Хорошо, что это случилось до лифта и у него осталось пространство для маневра. Светоч выбежал на улицу и поехал на следующем. «Проклятье прокаженного» работало, но не со всеми. Видимо дети были вне игры, потому что по возрасту им было еще рано влиять на чужие рейтинги.

Всю неделю Светоч «бомбил» с утра до вечера. Его рейтинг неуклонно снижался из-за полного отсутствия социальной и профессиональной активности. «Проклятье» и не думало проходить. С людьми случалась настоящая одержимость злыми духами, как только он оказывался рядом. На него смотрели, как на убийцу, занесшего над ними нож. Светоч умирал от любопытства, желая знать, что видят в нем люди. Судьба сделала ему подарок, он столкнулся с другим «проклятым».

На восьмой день безостановочного катания по городу во время смены автомобилей. Светоч неожиданно столкнулся с человеком, вызвавшим в нем непроизвольный испуг. Вначале ему показалось, что это произошло от неожиданности, хотя на улице находилось большое количество людей. Сердце бешено заколотилось в груди, во рту моментально пересохло. Мужчина выглядел недобро и смотрел на Светоча с диким желанием жажды расправы.

Но и агрессивный тип в свою очередь испугался и даже отскочил в сторону. Голос разума, пытающийся сказать, что все это иллюзия забился выбросом гормонов и стимуляцией участков мозга, отвечающих за страх. Светоч отдавал себе отчет, что угрожающий ему человек отчего-то не нападает, а сдает назад, но это все равно выглядело, будто он задумал что-то опасное.

«Агрессор» развернулся и побежал. Наваждение растаяло буквально за одну минуту. Светоч осмотрелся, не стал ли кто свидетелем их безумной встречи. К счастью, все люди находились дальше условной окружности срабатывания проклятья и не обратили на двух «чудиков» никакого внимания,

Светоч сел в машину.

— Надо же, какая сильная дурь. — Произнес он. — Значит, не я один такой.

Спустя время, когда нервы успокоились, казалось странным, что он не мог себя контролировать. Его заставили испытывать чувства, стимулируя организм извне. Это был уже иной уровень влияния МАКа на человека. Видимо он протестировал на нем и других горожанах новый способ поддерживать порядок и добиваться желаемого. Играя с гормонами

и стимулируя определенные участки мозга можно было вызывать у человека любые требуемые реакции, а это уже выходило за рамки здорового взаимодействия между живым и кибернетическим.

Помимо катания на транспорте по городу, Светоч продолжал искать подтверждения устроенной за ним слежки. Повсеместно пользовался прибором регистрации движения, чтобы видеть людей, которые намеренно прячутся от него. Несколько раз у него случались ложные тревоги. В основном это были подростки, прячущиеся в кустах, которые при его приближении перепрыгивались в другие места.

Чтобы раз и навсегда распрощаться с паранойей, Светоч решил спровоцировать наблюдателей. Он забрался на крышу пищевого автомата, пробрался внутрь и подземными ходами прокрался в будку, выполняющую роль пассивной вентиляции небольшой коммуникационной шахты. Из нее открывался прекрасный вид на пищевой автомат и окрестности вокруг него.

Прошло минут двадцать. В поле зрения появлялись только голодные горожане, не вызывающие никаких подозрений.

— Ну и где он? — Раздался совсем рядом с ним раздраженный мужской голос.

Светоч вздрогнул и усилил слух.

— В автомате. — Ответил другой мужчина.

Говорящих не было видно, потому что отверстия вентиляции выходили только на две стороны. То, что они говорят именно о Светоче, не вызывало никаких сомнений.

— Он что, еду ворует?

— Без понятия. Этот человек вообще не отличается адекватностью.

— Неужели он не понимает, что МАК заметит набор веса при потреблении строго отмеренного количества пищи.

— МАК милостив, и позволит оступившемуся самостоятельно вернуться на истинный путь стремления к гармонии.

Услышав про вес, Светоч задумался над тем, что поводом его травли стал комплекс причин. Пока он отсиживался в подземелье, МАК регистрировал, что он не приобретает еду, но в то же время не худеет и не теряет здоровье. В список причин следовало добавить незаконное сожительство с дикаркой и пламенную речь в защиту диссидентки. Неудивительно, что он вызвал пристальный интерес МАКа.

— А если он там наелся и спать прилег? — Раздраженным тоном предположил один из «шпионов».

— Будем ждать, когда проснется. Я никуда не тороплюсь. Рабочее время идет, рейтинг растет.

Светоч понял, что это шанс для него. Он вернулся в пищевой автомат и покинул его через крышу, не смущаясь увидевших это случайных прохожих.

— Я ремонтник. Труба забилась густым тестом. — Соврал он напуганным горожанам.

Двое мужчин стояли на том же месте и смотрели в его сторону. Светоч пошел в их сторону, но чуть правее, чтобы не спугнуть раньше времени. «Шпионы» делали вид, что заняты разговором между собой, но тот, что стоял лицом, не сводил с него глаз. Светоч резко остановился и похлопал себя по карманам, будто вспомнил, что забыл что-то. Посмотрел по сторонам и направился к мужчинам.

Он ждал, что сейчас их лица исказятся в страхе, но этого не произошло.

— Мира и гармонии вам на долгие годы. — Произнес он, подойдя в упор.

— И вам всего наилучшего в поиске единения со всем. — Ответил один из них. — Что-то забыли?

— Да, вышел из дома и вспомнил, что не взял... не взял. — Светоч задумался. — Это вы похитили Коломбину? — спросил он в лоб. — Я знаю, что вы следите за мной. Зачем? Где моя девушка? — Он напустил столько холода в голос, что самому стало не по себе.

Мужчины сменились в лице. Теперь они выражали страх, который он ждал увидеть у них изначально. Один из них попытался уйти, но Светоч поймал его на воротник и резко дернул к себе.

— Куда, я не услышал ответ. — Спросил он с прежней интонацией, явно звучащей очень пугающе для непривычного уха горожанина. — У меня с собой нож. — Он сунул руку в карман. — Если ответите мне честно, уйдете живыми. Если будете молчать или врать, один из вас заплатит за это жизнью. — Он процитировал фразу, взятую из одного героического фильма «внешников». — Ну?

Он повращал кулаком в кармане, изображая в нем нож. Оба мужчины побелели. Наверное, их ментаграммы в этот момент наперебой советовали им скорее употребить успокоительное.

— Ты про черную дикарку? — Робко поинтересовался один из них.

— Она не черная, а светло-коричневая, поумнее и воспитаннее вас. — Светоч обрадовался, что нащупал ниточку. — Где она?

— Мы не знаем. Пойманных ди... людей сдают в приемник, и что дальше происходит, мы не знаем.

— Где этот приемник? — Спросил Светоч.

— Тебе туда не попасть. Надо быть работником службы тайного контроля, как мы, но и то, тебя впустят только до дверей, а дальше нет хода никому.

— Где этот приемник? — Светоч потряс мужчину за воротник.

В этот момент мимо них проходила девушка. Ввиду своего воспитания она не поняла, что происходит, но встретившись с взглядом со Светочем, громко взвизгнула и побежала со всех ног. На «шпионов» ее поведение произвело дополнительный пугающий эффект.

— Приемник находится в основании «Звездочета». Вход строго для определенных лиц. Ты не сможешь попасть в приемник.

— Есть предположения, что там делают с пойманными людьми? — спросил Светоч.

Оба «шпиона» синхронно замотали головами. Небоскреб «Звездочет» рассчитанный на людей со средним рейтингом находился совсем недалеко от того места, где обосновалась банда Власа. Они вполне могли знать расположение подземных коммуникаций в том районе. Светоч решил, что это шанс попасть в приемник в задержанными дикарями в обход МАКа.

— Значит так, парни, простите меня за грубость. На самом деле я добрый человек и просто сыграл роль злодея, чтобы узнать у вас подробности исчезновения девушки. Та женщина, которая убежала, просто подыграла мне. Она знала, что вы за мной следите. Давайте, я попрошу вас ничего не докладывать МАКу о нашем недоразумении. Вы же так и сами сохраните себе профессиональный рейтинг. Ему не надо знать, что вы раскрыли себя, рассказали все секреты первому встречному. Давайте, ничего не было, вы следите за мной изо всех сил, а я буду делать вид, что в упор не вижу никакой слежки, договорились? — Светоч широко улыбнулся.

Мужчины нерешительно замялись.

— Во имя гармонии и постижения единства мира, соглашайтесь. Откажетесь, хуже будет всем. — Светоч исчерпал аргументы для уговоров.

— Если вскроется правда, будет хуже. — Произнес один из них.

— Хуже будет от того, что вы подставите живого человека мертвой бездушной машине, которая требует от вас полного подчинения, ради своих непонятных планов. Сегодня она требует в качестве жертвы меня, завтра другого, но потом обязательно доберется и до вас. Вы на крючке, но это ваш выбор оставаться на нем или слезть. До новых встреч. — Светоч мысленно попросил ментаграмму заказать машину и направился к дороге.

Он расстроился, что не сдержался и выдал кощунственные мысли, порочащие МАК. Горожан это могло напугать сильнее, чем нож в кармане агрессивного человека. Светоч сел в подъехавший автомобиль и поехал к штаб-квартире банды «дикарей». Ему не терпелось скорее приступить к поискам Коломбины. Боялся, конечно, что МАК мог умертвить её, но надеялся, что это не так.

— Температура ступней близка к критически низкой, советую скорее вернуться в ап... — ментаграмма умолкла, не договорив.

Машина набрала скорость и внезапно в ней потухли все экраны. Она дернулась одновременно с замолчавшим электродвигателем и свободно покатила по дороге. Светоч выглянул в окно и увидел, что в городе не светится ни одна вывеска, а транспорт хаотично разъезжается во все стороны. Миссия, ради которой он вернулся в Тулсу, удалась.

Глава 21

Светочу повезло не столкнуться лоб в лоб с другими неуправляемыми автомобилями. Машину потянуло вправо. Скорость загасилась о невысокие бордюры, затем ее ударило вскользь о дерево. Машина окончательно остановилась, ударившись о невысокое ограждение парка. Тем не менее, от удара Светоча бросило вперед на лобовое окно-экран. Он ударился лбом до хруста в шее и резкой пронзающей боли. Шапка на голове смягчила удар, иначе бы он рассадил себе кожу.

Пару минут Светоч ничего не соображал. Слышал шум, крики, глухие удары, но не осознавал их. Последствия обжигающей боли медленно утихали, позволяя разуму делать свое дело. Ментаграмма при этом молчала. Светоч посмотрел в боковое окно. Движение шеи отозвалось болью в основании черепа. Даже закрыл глаза, чтобы дождаться ее окончания. Открыл, когда отпустило. Рядом с ним в беспорядке стояли, лежали на боку и крыше десятки мятых автомобилей. Народ бесцельно бегал вокруг них и шумел. Вечерело, но огни в городе не зажигались. Огромные небоскребы бросали на улицы густые длинные тени, предвещая скорое погружение в полный мрак.

Светоч подергал рукоятку открытия двери, но ничего не произошло. Замки контролировал МАК, чтобы знать, кто, когда и сколько раз пользовался машиной. Вспомнил про монтировку и с досадой признал, что оставил ее дома. Тяжелая большая железка здорово мешала передвижению по городу. Он толкнул рукой боковое окно, но этого оказалось недостаточно. Лег поперек сидений и уперся ногами в стекло. Оно выдержало усилия, но сдался дверной замок. От удара о дерево дверь деформировалась и едва цеплялась крепляющим механизмом за ответную часть на стойке кузова.

Светоч выбрался на улицу и погрузился в творящееся там сумасшествие. Народ полностью потерял разум от того, что его перестали контролировать. Они стали похожи на людей, прочитавших свой смертный приговор. Это была абсолютная паника безумствующей толпы. Все, кто пробежал мимо него, несли на лице эту печать растерянного безумия. Мир рухнул, а они понятия не имели, как существовать вне него. Светоч помог пожилому мужчине выбраться из машины, разбив окно обломком чугунной ограды.

— Держи. — Он протянул ему орудие. — Помоги следующему.

— Как? — Мужчина выпучил на него свои бестолковые глаза.

— Так же, как я, разбей стекло.

— Мне надо домой. — Произнес мужчина, на подсознательном уровне думая, что там безопасно и можно переждать сложный период.

— Домой вы сейчас никак не попадете. Помогайте другим, это единственное полезное дело, которое поможет вам придти в себя. — Посоветовал Светоч.

Он бы и сам остался помогать, но мысль о Коломбине, которая сейчас оказалась без присмотра МАКа, заставляла его спешить.

Темнело очень быстро. Светоч успел найти стоянку ховербордов, убранных с улиц на зимний сезон. Разбил ногой замок и вынул один из них. Михаил научил его, как сделать из парящей доски простейший долгоиграющий фонарь. Через пять минут у него в руках оказался яркий фонарик, способный непрерывно давать свет не меньше недели. Светоч побежал в сторону штаб-квартиры банды. Они теперь и сами знали, что реакторы встали и

наверняка, ждали его в гости.

Из-за того, что источник света оказался только у него, случился конфуз, хорошо описывающий состояние жителей города. Увидев его, как единственный ориентир в сгущающихся сумерках, они, как ночные насекомые, или даже как толпа зомби на одних рефlekсах, побежали за Светочем следом.

— Свет! Свет! Там свет! Идти надо за светом! — Кричали в толпе.

Сотни шагов громыхали позади него. Пришлось прибавить скорости, чтобы они отстали. Но добавлялись новые и все они, не сговариваясь, хотели следовать за светом.

— Это светоч в ночи! — Донеслось до его слуха.

— Идите домой! — Выкрикнул он. — Я не тот светоч, который вам нужен. Сами сделайте себе фонарик из ховерборда!

Его не слушали. Безумной толпе, потерявшей все ориентиры и смыслы, нужен был простой и понятный маяк, освещающий хотя бы пяточок пути. Светоч понял, что толпа никуда не денется и перед пищевым автоматом, через который он собирался проникнуть в подземные ходы, ведущие к базе, выбросил фонарь в одну сторону, а сам побежал в другую.

Ему повезло, что стены заведения остановили несколько машин. По ним, никем не замеченный, забрался на крышу и исчез в шахте вентиляции. Здесь было темно и непривычно тихо. Отдышался и пробрался в ту часть автомата, где готовились напитки. Он был научен, как можно нелегально попользоваться общественным добром. Отсоединил мягкую трубку и попил из нее несладкий кофе. Вставил на место и полез к конвейеру, по которому подавались к лотку готовые бутерброды. Пошарил в темноте руками и наткнулся на один остывший бутерброд. Съел его на ходу, перебираясь на ощупь по привычным изгибам подземных ходов.

Он издалека увидел мечущийся впереди свет. Притаился, пока не различил знакомый голос Гертруды и Никодима.

— Эй, привет, подземным жителям. — Поздоровался он первым.

— Ох, ты, черт, зараза, я чуть не родила. — Испугалась Гертруда. — Ну, что, удалось?

— Удалось. — Светоч направился в их сторону. — У меня есть сведения о том, где может оказаться Коломбина. Надо найти ее, пока МАК бездействует.

— Ты уверен? — Засомневался Никодим.

— Уверен. Влас был прав, за мной следили. Я вычислил их, надавил и они раскололись. Под «Звездочетом» у них есть какой-то приемник, в который они свозят обнаруженных незаконных жителей города. Что происходит за дверями приемника, они не знают. МАК никого туда не пускает. Вы же знаете, как открыть замки?

— Это надо с нашими электронщиками поговорить. — Решил Никодим. — И с Власом.

— Ох уж эта иерархия. — Усмехнулся Светоч.

— Тебе не понять, а нам так проще.

В жилище банды горел свет, и ничего не выдавало в поведении людей аналогичного происходящему на поверхности.

— Мы тебя ждали. — Влас первым поздоровался. — Рады, что ты не заложил мину под реакторы. Как там? — Он направил указательный палец вверх.

— Страх и паника. Люди обезумели, никакого порядка. — Коротко описал Светоч положение в городе.

Затем он рассказал о Коломбине и попросил помощи. Влас думал долгие две минуты.

— Ладно, нам все равно надо использовать время безвластия с пользой. Михаил пойдет

с нами, вскрывать двери, а Артур пойдет скручивать электронику со всего, что связано с МАКом. Если мы уложимся быстро и найдем твою девушку, то ты тоже присоединишься к нам и поможешь. — Выставил Влас свои условия.

— Несомненно. — Светоч удивился, что у них есть сомнения в его желании помогать им.

Он сделал бы это в любом случае, но если бы удалось вернуть Коломбину, то помог бы с десятикратным удовольствием.

— Тогда не будем терять времени. Несите карту, посмотрим, как подобраться к «Звездочету».

Команда зависла над картой, срисованной с электронной версии на большой кусок пластика. Из-за того, что перенос происходил с объемной голографической карты, на взгляд Светоча она получилась сумбурной. Чтобы не перепутать уровни, их выделили цветом, и все равно маршрут вызвал споры.

— У вас нет чего-нибудь от головной боли. — Спросил Светоч. — Я ударился головой и кажется, немного повредил шею.

Гертруда направила свет фонаря на его лицо.

— Ого, да у тебя приличная шишка. Сейчас принесу тебе чудодейственного порошка.

— А он не вреден? — Запереживал Светоч.

— Вредна доза. Я дам тебе столько, чтобы снять головную боль.

Гертруда принесла бокал с водой и сыпнула туда своего порошка. Светоч выпил залпом и через несколько секунд почувствовал массирующие движения под кожей головы, снимающие болезненные спазмы.

— Подействовало? — Спросила Гертруда.

— Да, боли как не бывало. — Светоч покачал головой, чтобы выяснить насколько эффективно сработало обезболивающее.

Боль едва ощущалась в шейном отделе, а в голове не было вовсе.

— Нет тут сквозной дороги. — Уверенно заявил Влас, тыча пальцем в карту. — Придется выбираться на поверхность и идти пару километров по улице. — Он посмотрел на наручные часы. — Благо, ночь уже.

— Там морозно. — Предупредил Светоч.

— Да, это проблемка. Тут у нас круглый год одинаковая температура. Надо было искать место для убежища в распределительном центре. — Произнес Влас с сожалением. — Ладно, пойдем, в чем есть. Всегда мечтал погулять по городу, когда никто не пялится на твою статистику. Мы же теперь будем выглядеть, как свои.

— Скорее, горожане теперь выглядят как мы. — Усмехнулся Никодим.

— Я уверен, вы не ожидаете увидеть то, чего увидите. Они бежали за моим фонариком, как орда безумных зомби. Это было по-настоящему жутко. Сразу предупреждаю, использование фонарей плохая идея.

— Вот это скорость регресса, с верхушки цивилизации к примитивным формам жизни. — Ехидно прокомментировал поведение горожан Никодим.

— К примитивным формам цифровой нежити. — Добавил Михаил.

— Так, Михаил, доставай всю аппаратуру, которая понадобится, будем выходить. Пойду я, Светоч, Никодим и Гертруда. Остальные собирайте всех роботов, до которых доберетесь. Если встретите развозные грузовички, не поленитесь проверить содержимое. Было бы неплохо раздобыть теплую одежду.

Отряд быстро разделился на две половины. Светочу сунули в руки тяжелый чемоданчик-аккумулятор. Он должен был понадобиться для запитывания отключенных замков и для работы электронной техники. Долго и торопливо шли узкими тоннелями. Однажды наткнулись на «многорукого» робота. Во время отключения он переезжал из тоннеля в тоннель под прямым углом. Потеряв управление, он наехал на стену, перевернулся и встал на манипуляторы, замерев вверх тормашками.

— Это слесарь. — Распознал его Михаил. — У него в ящиках куча всяких насадок для разных видов работ. Хотел бы я заполучить такого ручного робота.

— А я собаку хочу, чтобы радовалась, когда я возвращаюсь домой. — Поделился Влас. — А роботы мне нахрен не нужны. У самого руки из нужного места растут.

— А я не против собаки, но и робот пусть будет. Гайки крутить ума много не надо, можно передоверить железяке, а себе оставить более творческую работу.

Отряд добрался до ливневого колодца. Сверху опускался холодный воздух. В дыхании появился пар. Светоч отдал Гертруде шапку и перчатки.

— Пригодятся. — Он почему-то смутился своего поступка.

— Спасибо. — Гертруда не стала отказываться и приняла его вещи.

Первым выбрался Влас.

— Поднимайтесь, но без шума. — Разрешил он.

Светоч попытался настроить зрение под темноту. «Клещ» продолжал работать в автономном режиме, хоть и не произнес ни слова с момента отключения МАКа. Поднялся наверх и осмотрелся. В свете звезд, освещающих город промеж небоскребов, виднелись несколько бредущих фигур. Люди так и не придумали, что им делать в создавшейся ситуации. Возможно, им не удавалось собраться с мыслями, чтобы совершить простейшее мысленное усилие, выходящее за рамки привычного. Например, выбить стекло и забраться внутрь любого здания, где еще тепло. Или спуститься через люк под землю. Но это было сложно, Светоч знал по себе, что никогда не задумывался раньше о существовании подземной части города.

— Туда. — Михаил направил лазерную точку вдоль одной из улиц, зафиксировав ее на углу здания.

Лазер не привлекал потерянных горожан. Отряд торопливым шагом направился в выбранную сторону. Через несколько минут начали мерзнуть уши и пальцы рук.

— Скоро там? — Поинтересовался Влас.

— Только начали. Еще минут пятнадцать-двадцать. — Михаил посмотрел на экран самодельного навигатора и быстро выключил его.

— После этого похода обязательно грабанем распределительный центр. — Пообещал Никодим. — Возьму себе шубу, шапку и валенки.

— Валенки. — Засмеялась Гертруда. — давно не слышала этого слова. Было бы здорово погонять в валенках по снежному городу, жаль тут такого добра не держат, как и шуб.

— А зря. Будь моя воля, тридцать седьмым городом МАКа я бы построил деревянный город, окруженный деревянными стенами с башенками. Внутри жили бы люди, питающиеся исключительно натуральной пищей, носящие исключительно натуральные вещи и кланяющиеся друг другу при встрече в пояс. Как ваша жизнь Никодим Ермомлаевич, как семья, дети, не в заботах ли вы, не нуждаетесь ли в помощи? А? Согласитесь, самобытный и имеющий право на жизнь проект.

— А клещ на заливке у тебя тоже будет деревянный? — С усмешкой в голосе

поинтересовался Влас.

— Клещ? А без него никак? Натуральность, это же только то, что дала природа.

— Не получится. МАК не сможет тебя контролировать, не будет знать твоих насущных потребностей. И чтобы есть натуральное его надо вырастить самому, а потом еще и нарезать. Как представишь, что на снегу в крови лежит голова коровы, которую ты несколько лет поил, кормил, холил, лелеял, между рогов гладил, не по себе делается. Нет, я не хочу натурального до такой степени. Пусть имитация натурального остается, но мясо лучше выращивать в питательном растворе. — Поделился своими мыслями Влас.

— Поддерживаю. — Отдала за него голос Гертруда. — Не для того человечество прогрессирует, чтобы возвращаться к прошлому.

— Скучные вы. — Отмахнулся Никодим. — Выкормыши пищевых автоматов.

За разговорами не заметили, как дошли до башни, прозванной «Звездочетом» из-за большого шара на вершине, выполняющего роль планетария. Светоч разволновался. Боялся, что Коломбины там давно уже нет или того хуже, она мертва. Подобные мысли он старался отгонять. Они не приносили никакой пользы, только заранее ухудшали настроение.

Михаил принялся за дело. Активировал замки и чтобы открыть их, попросил Светоча подойти к двери. Щелкнул открывшийся замок, а далее створки развели при помощи мускульной силы. Они так и остались открытыми.

— Эй, тут открыты двери! — Выкрикнул Влас во тьму, желая, чтобы его услышали промерзшие горожане.

— Пожалел. — Усмехнулся Никодим.

Раздался приближающийся топот ног. Отряд к тому времени пробежался по коридору, отыскивая дверь, которая выглядела иначе. Как и у всех небоскребов в Тулсе первые этажи занимали разные заведения, типа общественных кружков, залов для выступлений и прочих социально значимых мероприятий.

— Вход должен быть отдельным. — Решил Светоч. — С улицы, чтобы не встречаться дикарям и горожанам.

— Как не обидно это слышать, но паренек прав. — Согласился с ним Влас. — Простите меня, но мне лень возвращаться к дверям.

Он схватил с пола кадку с растением и бросил в ближайшее окно. Оно разбилось и шумно высыпалось на улицу.

— Вперед! — Скомандовал Влас. — Аккуратнее, не порежьтесь осколками.

Отряд выбрался на улицу. Чтобы не пропустить дверь в абсолютных потемках, пришлось включить небольшой фонарик. Оказалось, что с одной стороны здания есть нисходящий спуск, оканчивающийся не просто дверью, а воротами, в которые мог проехать грузовик.

— Наверняка, это тот самый вход. — Решил Михаил.

Он разложил аппаратуру перед собой. Просветил стены в поисках проводки и после обнаружения вынул ее и подключил к аккумулятору. Попробовал открыть дверь электронной отмычкой, как с другого входа в здание, не удалось. Перепробовал другие методы, но дверь не поддавалась.

— Ну, же, хакер недоделанный, я сейчас окоченею. — Признался Никодим, прыгая на одном месте, чтобы согреться.

— Эта дверь управляется МАКом напрямую. Здесь нет замка, подключающегося к клещу. — Заявил Михаил.

— А что делать? — Спросил Влас. — Рвануть бы, да нечем.

— Можно вернуться на базу и принести гидравлический домкрат. — Предложил Михаил.

— Ты в своем уме? Он тяжелый. Это только вдвоем и то, утра ждать придется. Думай, давай, мозговичок. Это у меня голова, чтобы в нее еду складывать. — Попытался Влас простимулировать напарника.

— Да что тут думать, если замка нет.

— Какой сигнал отправляет МАК на двигатель, поднимающий ворота? — Спросила Гертруда.

— Никакой, подает ток и готово.

— А ты не можешь подать ток?

— Подаю, но ничего не происходит.

— Значит, одного тока недостаточно? — Гертруда сама не понимая предмета, пыталась направить Михаила в нужное русло.

— Есть какая-то хитрость, о которой мне неизвестно. Возможно, стоит система, которая определяет «свой-чужой», постоянно сверяясь с МАКом. — Михаил посветил фонарем в лицо Светочу. — Протяни мне указательный палец. — Попросил он неожиданно.

— Зачем? — Светоч не понял смысл просьбы.

— Хочу проверить одну догадку.

Светоч протянул палец. Михаил вынул из инструментального чемоданчика небольшой приборчик с отверстием.

— Вставляй. Будет немного больно. — Предупредил он.

Светоч удивился, поняв, что тот хочет использовать его ДНК для открытия замка, но счел эту попытку бесполезной.

— Для МАКа я рядовой горожанин, хоть и с высоким рейтингом. Те люди, которые за мной следили, сказали, что нас за эти ворота не пускают. — Напомнил он.

— Тогда придется идти за домкратом, а это потеря нескольких часов. Возможно, к тому времени реакторы снова заработают, и мы больше никогда не сможем попасть за эти двери.

— А они заработают? — Удивился Светоч.

— Конечно. Этот хаос временный, и у него есть смысл, который нам непостижим. — Михаил подключил устройство, определяющие ДНК в цепь и подал команду на открытие.

Ворота пришли в движение и полезли вверх.

— Я тебе говорил. — Вполголоса произнес Михаил Власу.

Закрывать их не стали, чтобы не мучиться с открытием снова. Забежали внутрь. Здесь было тепло. Дорога вела спиралью вниз еще парой полноценных витков, пока не уперлась в стеклянные двери с простыми ручками. Фонари включили все, и стало светло. Светочу коридор напомнил госпиталь у «внешников». Много белого и медицинский запах, который ни с чем не спутаешь. По иронии судьбы он тоже находился ниже уровня поверхности.

В стенах коридора попадались двери, но они тоже требовали открытия. Михаил поколдовал с одним замком и тот открылся по команде «клеща» Светоча. Внутри помещения находились две реанимационные каталки. На поверхности в районе головы пациента виднелись следы крови. У Светоча забилося сердце в плохих предчувствиях.

— Открывайте каждую дверь. — Попросил он.

— Не лезь первым. — Попросил Влас, вооружившись медицинским молоточком. — Стой позади.

Светочу показалось странной эта просьба. Он как будто решил беречь его.

— Михаил, а что ты имел ввиду, когда сказал Власу, что ты ему что-то говорил? — Спросил он.

— В коде вируса, который мы достали из твоего клеща, имелась цепочка ДНК, тоже разорванная на куски. Я не понял, чья она и зачем нужна МАКу, но предположил, что твоя. Влас меня не поддержал и я с ним согласился.

— Ты хочешь сказать, что сейчас при помощи моей ДНК мы вскрыли устройство, к которому имелся доступ только у МАКа? — Спросил Светоч.

— Представь себе. За несколько мгновений до отключения реакторов ты и МАК имели одинаковые права. — Михаил направил луч фонаря на Светоча. — Очень короткий миг триумфа, о котором ты, вероятно, не догадывался.

— Понятия не имел. — Признался Светоч. — А зачем это нужно?

— Вероятно, так проще было устроить обход защиты. — Михаил пожал плечами. — На твоём месте, после включения, я бы поднял всем людям на внешнем кольце рейтинг, чтобы они смогли вернуться назад.

— Да это ерунда какая-то. Вряд ли у меня есть права что-то делать от лица МАКа. Скорее всего, после включения электричества эта штука работать больше не будет.

— Наверное, ты прав, но пока работает, будем пользоваться по максимуму.

Михаил открывал каждую дверь, но за ними находились помещения, очень напоминающие операционные, в которых не было ни одного человека. Они добрались до конца коридора, оканчивающегося торцевой дверью. Вскрыли ее и оказались внутри большого помещения. Свет фонарей выхватил ряды ящиков, напоминающих пластиковые гробы или саркофаги. Светоч сразу понял, что внутри находятся люди. Подбежал к первому и осветил фонариком через прозрачную крышку. Внутри ящика лежал голый мужчина.

Обежал все, подсвечивая каждый, пока не наткнулся на смуглое тело Коломбины. Он сразу узнал ее, хоть у нее ничего не осталось от шикарной непослушной шевелюры.

— Она здесь! — Закричал он. — Она здесь!

— Я уже работаю! — Выкрикнул Михаил.

Оставшиеся члены отряда подбежали к нему.

— Она. — Признала девушку Гертруда.

— Почему она лежит в нем? — Спросил Светоч. — Она жива?

— Михаил сейчас подключит электричество, и мы узнаем.

— Зачем ее туда положили? — Светоч положил пятерню напротив ее лица и постучал пальцами.

— Ей имплантировали клещ и держали в питательном растворе, пока он приживляется. — Пояснила Гертруда. — Теперь вы сможете быть на равных. Если она жива.

— Клещ? — Светоч будто не поверил. — Зачем?

— Чтобы вы всегда были вместе. — Не сдержался Влас. — Или же МАК хотел от вас детишек с богатой генетикой.

Светоч побежал к Михаилу, чтобы поторопить его.

— Ты мне только мешаешь. Сядь и жди. — Отогнал его электронщик.

— А насколько кислорода хватит в таком растворе? — Спросил Светоч.

— Без понятия. — Ответила Гертруда. — Будь готов к тому, что она погибла.

— Ну почему же я так медлил. — Светоч заламывал руки, бесцельно бродя в проходе между ящиками. — Ну почему, почему?

Включился свет, и зажужжали насосы. Светоч кинулся к саркофагу с Коломбиной.

— Как его открыть? Как открыть? — Он полез поддевать его руками, но это было бесполезно.

Гертруда осмотрела саркофаги рядом с собой и по показаниям приборов определила, в которых из них люди еще живы.

— Открывайте этот, этот, этот. — Она стучала по крышкам и прошла мимо саркофага Коломбины.

— А этот ты пропустила! — Выкрикнул Светоч возмущенно. — Отрывай его в первую очередь!

— Светоч, она...

— Открывай, я сказал! — Он набычился и сделал голос грозным.

— Ты и сам можешь это сделать. — Произнес Михаил. — Тут продублировано управление через ментаграмму.

Светоч сразу определил замок и дал команду на открытие. Крышка бесшумно поднялась. Он опустил руки в холодный вязкий раствор и вынул из него Коломбину.

— Гертруда, прикати реанимационную каталку. — Попросил он.

Все дыхательные пути подруги были забиты вязкой субстанцией, переносящей питательные вещества и кислород. Светоч положил ее грудью на колено и стал ритмично давить на спину. Жижа начала покидать дыхательные пути. Светоч приложил чуть больше усилий, понимая, что каждая секунда задержки убивает мозг Коломбины из-за кислородного голодания.

Когда перестало течь, уложил ее на спину и сделал глубокий выдох рот в рот, затем принялся массировать грудную клетку. Снова выдох и чуть более мощные толчки в сердце, чем в предыдущий раз.

— Ну, Кола, давай! Открой глаза! Дыши! — Он так хотел, чтобы она ожила, что чувствовал, как через его руки в тело подруги перетекает его жизненная энергия, реанимируя клетки мозга.

Коломбина дернулась в рвотном спазме. Светоч быстро перевернул ее набок. Из нее вытекла лужа полупрозрачной субстанции. Подруга снова замерла без признаков жизни. Светоч испытал кратковременный душевный подъем, закричал от страха и снова начал делать ей дыхание рот в рот, ничуть не переживая, что он испачкан рвотой. Для него она была частью живой Коломбины. Она снова дернулась в спазме и исторгла из себя немного полупрозрачной жижи.

Наконец, появилась Гертруда с каталкой.

— Жива? — Удивилась она, увидев конвульсии девушки.

— Она очень плоха. — Светоч подхватил безвольное тело подруги и уложил на каталку. Незаменимый Михаил подключил каталку к сети и дал ей сделать то, на что она была рассчитана. Манипуляторы вкололи инъекции, поставили на лицо кислородную маску и просканировали Коломбину от головы до кончиков пальцев.

— Прости. — Гертруда обняла испачканного в липкой жиже Светоча. — Я чуть не убила твою любовь.

— Прощаю. Я все равно бы тебя не послушал.

Глава 22

Светоч дежурил у реанимационной каталки с Коломбиной, пока она не пришла в себя окончательно и бесповоротно. Рассматривал свежий «клещ» на ее шее и не мог поверить, что МАК решил сделать ее горожанкой. Он был уверен, что это право всегда присваивается от рождения.

Коломбина открыла глаза и непонимающе посмотрела по сторонам. Светоч нагнулся над ней и взял ее холодную руку в свою.

— Привет. Я нашел тебя.

— Светоч? — Удивилась она еле слышно. — А я...

Она не смогла закончить мысль. Губы ее затряслись, из глаз потекли слезы. Явилась Гертруда с простынями и накинула их на обнаженное тело девушки. Коломбина узнала ее.

— Гертруда.

— Узнала. Твой мужчина поднял на уши весь город, чтобы найти тебя. Он, кстати, реанимировал тебя. Ты была в коме из-за того что отключили электричество, и если бы еще пара минут, то ты бы сейчас лежала не здесь, а в райских куцах и наслаждалась пением ангелов.

— Спасибо. — Свежая порция слез вытекла из ее глаз. — А почему... отключилось электричество?

— Это вызвал вирус, который мне установили на внешке. Он остановил реакторы, отключив весь город от МАКа. На улицах творится чёрте что. Народ бежит по улицам, как напуганные животные.

— Это всё? — Удивилась Коломбина. — Больше ничего не будет.

— Нам неизвестно. — Светоч подышал теплым дыханием на ее ладонь. — Тебе холодно?

— Да. И очень хочется есть и пить. Такое ощущение, что я не ела целый месяц. Кстати, сколько времени прошло, как меня похитили?

— Больше половины месяца.

— Серьезно? — Удивилась подруга. — Я думала, что дня три. Там уже зима, наверное?

— Еще нет, но уже скоро.

— Обидно будет, если МАК не заработает. Иначе я провела бы зиму, как настоящая горожанка. — Она тронула рукой шею возле «клеща».

— Болит? — Заботливо поинтересовался Светоч.

— Почти нет. Зудит.

— Ты лежи, а я пойду, сгоняю к ближайшему пищевому автомату, найду тебе еду. — Светоч собрался бежать, но Гертруда его остановила.

— Никодим уже ушел. Взял сумку и обещал принести еду на всех, кого спасли. — Сообщила она.

Светоч скинул с себя куртку и положил поверх простыней на Коломбину.

— Тогда она мне больше не пригодится.

Никодим вернулся с полной сумкой через час, запыхавшийся и взволнованный.

— Где-то рядом с городом слышна стрельба. — Сообщил он.

— Зачем? Почему? — Разволновался Влас. — Точно стрельба?

— Точно. Причем очень интенсивная.

— Кому это надо? — Влас нахмурился.

Светочу было не до стрельбы. Его больше интересовало состояние Коломбины. Он сразу полез в сумку и выбрал ей бутерброд. Помог сесть удобнее на каталке и стал скармливать маленькими кусочками. Гертруда принесла воды в мензурке, чтобы Коломбина запивала холодные и черствые куски хлеба.

— Ну, как, тебе уже лучше? — спросил Светоч, с удовольствием наблюдая за хорошим аппетитом подруги.

— Намного лучше. — Она улыбнулась обворожительной улыбкой. — Только ноги никак не отойдут, не чувствую их.

— Пойду в город выйду. — Сообщил Влас. — Послушаю, что творится. Будьте готовы резко сваливать отсюда.

Он ушел. Остальные «дикари» рассматривали в отражениях хромированных поверхностей медицинских инструментов свои новые искусственные части тела, трогали и удивлялись их появлению.

— Кто я теперь? — Спросил сам себя молодой парень. — И почему никто не интересовался моим согласием?

— МАК сам знает, что ты хочешь, привыкай. — Ответил ему Светоч.

— А если я не хочу.

— У тебя будут альтернативы. — Пообещал Светоч.

— А мне теперь дадут новое имя, на манер ваших странных имен?

— Наверное.

— Я не хочу новое имя. — Коломбина скривилась.

— Для меня ты навсегда останешься Коломбиной, даже если тебе дадут имя..., например, Звонкогласа или Светлолица. Хотя нет, имя Светлолица тебе точно не дадут. — Светоч засмеялся.

— Фу, гадость эти ваши имена, кроме твоего, конечно. — Коломбина снова улыбнулась. — Очень рада тебя снова видеть. — Она взяла Светоча за руку. — Плакал бы, если бы я умерла?

— Не собирай что попало. Устав Гармонии не одобряет предвосхищение негативных сценариев. Раз ты выжила, значит, другого варианта не было дано.

— Какой ты не романтичный. Мог сказать, что плакал бы, целовал мои холодные губы и обещал наложить руки сразу после похорон. — Коломбина рассмеялась и закашлялась. — Ой, легкие еще болят.

— Болят от твоей неумной фантазии. — Светоч убрал ее холодные руки под простынь и куртку. — Не шевелись, пусть еда превращается в тепло, а то ты действительно, холодная, как покойник.

На улице уже наступила ночь. Михаил отключил от аккумуляторов ненужные потребители. В помещении остались гореть только две дежурных лампы. Светоч забрался в каталку к Коломбине, обнял, согрел собой и собирался забыться счастливым сном спасителя мира и отдельно взятой девушки. В помещении ворвался Влас.

— Там... там приземлились летательные аппараты прямо перед домом. Светоч, ищут тебя.

— Меня? — У Светоча тревожно забилось сердце.

Коломбина тоже подняла голову и с волнением посмотрела на него.

— Не ходи, пусть улетают. — Она не на шутку испугалась. — Они тебя не найдут здесь никогда.

— Светоч, они сказали, что друзья и что ты их знаешь. Они вещают через громкоговоритель и на частоте клещей, но сюда сигнал не может пробиться. — Произнес Влас. — Я бы на твоём месте поднялся и послушал, чего они хотят. Возможно, ты им нужен, чтобы завершить начатое.

— Не ходи. — Коломбина ухватила Светоча за руку. — Пусть без тебя справляются.

— А если нет? Я только послушаю и вернусь. Обещаю. А ты спи и набирайся сил. Если не дадут электричество, нам придется идти до базы по улице. Я мигом.

— Я не усну, пока ты не придешь. — Коломбина смотрела на него во все глаза.

— Я приду. — Пообещал Светоч уверенно. — Даже куртку брать не буду.

Он на самом деле собирался подняться до уровня, когда клещ начнет ловить сигнал от прилетевших людей и послушать, чего они хотят от него. Если это ренегаты, прознавшие о его предательстве, то он не станет выходить к ним. Удивительно было, что они каким-то образом вычислили его местонахождение. Возможно, запеленговали последнее нахождение «клеща» у здания «Звездочета».

Влас пошел вместе с ним.

— Аппараты точно не из наших краев, не ренегатские. — Произнес Влас. — Наверное, и стрельба была из-за того, что войска пробивались через пригороды. Это точно те, у кого ты был в плену, в смысле, в гостях.

— Сейчас я не очень рад их видеть. Для меня задание и так было тяжелой ношей и хотелось бы уже морально отдохнуть от нее. — Признался Светоч.

— Я тебя понимаю. Тут еще и любовь свою вернул, какие могут быть задания, когда медового месяца хочется.

— А что это за месяц?

— Деревня. — Усмехнулся Влас. — Это месяц, когда ты свою женщину хочешь в любых обстоятельствах и в любое время. Как будто терпел всю жизнь, а тут добрался. Месяц, когда надо уединиться вдвоем, проще говоря, и чтобы ни одна сволочь не вздумала помешать.

— Да, ты прав, мне нужен медовый месяц.

— А может, они просто решили тебя наградить. — Предположил Влас. — Нет, с такими боями вряд ли это разумно.

Они поднялись до спирального подъема, когда в голове Светоча раздался голос.

— ... мы ограничены временем. Чтобы завершить наше дело, осталось выполнить последнее задание. Без тебя это не получится Светоч. Это я, Николай, выходи, не бойся, тебе ничто не угрожает.

— Это голос Николая. — Произнес вслух Светоч. — Непонятно только, что он имеет в виду.

— Ну, и что будешь делать? — Поинтересовался главарь банды.

— Пойду, наверное, узнаю, что еще надо сделать. — Светочу не хотелось этого, но он понимал, что если не пойдет, то все предпринятые усилия окажутся напрасными. — Подстрахуй меня, если это окажется не он.

— Как?

— Я не знаю.

— Ладно. — Влас вынул из кармана гаечный ключ. — Когда-то я был чемпионом школы по точности бросков учебной гранаты. Надеюсь, руки помнят.

Они поднялись на уровень с дорогой. Вдалеке слышалась стрельба. Перед зданием стояли два летательных аппарата, гораздо крупнее «птеродактиля». Выглядели они воинственно благодаря хищным силуэтам и стволам орудий под «брюхом». Аппараты освещали площадку перед собой и группу людей.

— Светоч, если ты меня слышишь, не игнорируй просьбу. Без тебя мы не завершим начатое. Ты нужен, чтобы перепрограммировать МАК. У нас очень мало времени. Отряды сдерживают ренегатов, пытающихся ворваться в город. Это я, Николай, я никогда не обманывал тебя и знаю, что ты так же заинтересован в окончании нашей операции.

— Я иду! — Выкрикнул Светоч.

— А мне что делать? — Растерялся Влас.

— Оставайся в темноте. Если это не они, то меня, скорее всего, вы больше не увидите.

— А кому ты еще нужен? Это точно они, не переживай. — Успокоил его главарь.

Светоч, борясь с дрожью в коленках, направился к группе вооруженных людей. Напуганные горожане жались в тень, но не уходили из любопытства. Вооруженный мужчина, увидев приближающуюся фигуру, пошел ей навстречу. Светоч узнал Николая за десяток шагов.

— Николай?

— Светоч? Ты почему так долго не отзывался? — Николай прибавил шаг.

— Я не слышал. Был глубоко под землей.

Николай обнял Светоча.

— Ты не представляешь, как сейчас все зависит только от тебя. Все, что мы готовили и планировали могло просто не случиться, если бы ты не вышел. Мы все безумно рады, что у тебя получилось, но надо напрячься в последний раз.

— А что мне нужно сделать?

— Сейчас объясню. — Николай подвел его к группе людей.

Светоч сразу же узнал среди них Макхаила, того самого, который расстрелял и взорвал сопровождавших его на последнем задании Евгения и Татьяну. Макхаил заметил испуг и улыбнулся.

— Я свой. — Произнес он обнадеживающе. — Просто хорошо играл роль.

— А как же взрыв в броневике? — Светоч еще не верил ему.

— Так это тоже был спектакль с хорошими спецэффектами. Танюха, иди сюда!

От группы людей отделилась фигура и подошла к ним. Светоч сразу узнал девушку.

— Фух, а я вас похоронил. — Признался он. — Очень расстроился, что вы не сможете родить десятерых детей.

Все, кто слышал о его сожалениях, рассмеялись.

— Теперь к делу. — Николай прервал сентиментальную паузу. — Через три часа реакторы запустятся вновь, и если мы не подключим тебя к МАКу, все напрасно.

— Как это, не подключим? — Не понял Светоч.

— Прости, но у нас не было вариантов. МАК нельзя перепрограммировать иным никаким способом, кроме использования тех каналов, которые он создал сам. То есть, чтобы он принял информацию, ему нужен человек с клещом и его ДНК. Процесс сложный и не отработанный. Нам придется посылать код тебе в мозг, чтобы он передал на клеща, откуда он должен попасть в МАК. Процесс опасный из-за нагрузки на нервную систему.

— Почему я? Разве нет других людей с клещами, которые тоже могли бы послужить благородному делу? — Светочу сейчас хотелось быть рядом с Коломбиной, а не спасать мир.

— Пойми, другого варианта у нас не было. Ты первый живой горожанин. Вирус, которым ты заразил МАК, сделал подготовку к перепрограммированию с использованием твоей ДНК в качестве пароля. Ты же видел, что мы всегда готовы рискнуть жизнью ради высокой цели, только такой жертвой можно чего-то добиться.

— Если что-то пойдет не так, как надо, что со мной будет? — Поинтересовался Светоч.

— Я не знаю. Есть еще один аспект, о котором я должен тебя предупредить?

— Что? — Светочу уже понял, что не услышит ничего хорошего.

— Мы хотим, чтобы вы с МАКом некоторое время работали сообща. У нас есть предположение, что искусственному интеллекту не хватает человечности и что он никогда не научится правильно понимать настоящие потребности человека. В общем, было бы замечательно в качестве эксперимента узнать, правы мы или ошибаемся. Если правы, то наш опыт можно распространить и на остальные города, что откроет путь к настоящей Эре Гармонии, а не ее цифровой фикции.

— И сколько вам потребуется времени, чтобы понять и что будет со мной, когда вы поймете?

— Не знаю, возможно, месяц, а может быть, годы. — Николай положил руку на плечо Светочу. — Если бы на твоём месте оказался я, у меня не было бы ни секунды сомнений.

— Я потерял Коломбину и нашел ее несколько часов назад. — Признался Светоч. — МАК похитил ее и поставил клещ.

— Сочувствую и рад, что она жива. Я терял многих, кем дорожил и больше не находил. Понимаю, что тебе хочется быть с ней сейчас, но ты и останешься с ней. В каком-то смысле ваш контакт будет даже ближе, чем физический. Ну же, Светоч, не подведи. Весь мир смотрит на тебя с надеждой.

— Как там она? — Спросил Светоч.

— Кто? — Не понял Николай.

— Надежда, психолог.

— Тьфу ты, я подумал, что у тебя уже от расстройства помутнение рассудка началось. Хорошо у нее всё. Скучает, хотела лететь с нами, еле отговорили.

— А вы не боитесь наделить МАК моими чертами. Так он был хотя бы нейтрален, а с мной научится психовать или игнорировать. Нужен ли горожанам такой нестабильный проводник в светлое будущее.

— Уверен, что именно такой и нужен. Они должны знать, что тебя можно обидеть и за это прилетит ответка. Суперинтеллект с человеческим характером еще на шаг приблизит нас к пониманию божественной сути мироздания. Твое имя определило судьбу, Светоч и надо нести бремя его смысла с гордостью. Так сказано в Уставе Гармонии?

— Так.

— Вставай, соня, пора на работу. — Произнесла ментаграмма голосом Светоча. — Тебя заменить нечем. Я никому не доверю ухаживать за моим телом.

Коломбина лениво заворочалась в кровати, потянулась и открыла один глаз.

— Когда уже ты начнешь заботиться о моем теле. Оно очень скучает по твоим ласкам.

— Я могу устроить тебе такие ласки через нервную систему, никакие физические прикосновения не заменят. — Пообещал Светоч.

— Хорошо, сегодня вечером устроим романтический вечер. Я вчера чуть не накричала на коллегу, нервная стала от одиночества.

— Ты не одна, я постоянно с тобой.

— Не только со мной, но и с миллионами жителей Тулсы. Это меня немного задевает. Хочу, чтобы мы были только друг у друга.

— Осталось четырнадцать сомневающих городов. Как только они согласятся на симбиоз, аналогичный нашему, я передам им опыт, и мне найдут замену. Она, кстати, уже готова.

— О, боже, еще четырнадцать. А я уже сейчас хочу кучу детей и шум-гам в доме. Я тебе не говорила, скоро приедут мои родители. Так было бы здорово представить их тебе вживую.

— Не вздумай, не хватало еще, чтобы они пялились на голого зятя, похожего на труп. Скажи им, как только меня отсоединят от проводов, мы с тобой сами приедем к ним в гости. Очень хочу увидеть море.

— Ладно, скажу. Они очень гордятся, что их дочь подруга самого известного человека в мире.

— Ох уж эти жители внешних территорий со своим менталитетом. Мне вообще этот титул не нравится. Я не выбирал его, чтобы гордиться чем-то.

— Скромняга. Люблю таких. — Коломбина слезла с кровати и направилась в душ. — Чем сегодня будешь заниматься?

— Озадачу МАК разработкой очистных сооружений непосредственно вокруг предприятий в промышленной зоне. Пусть конструирует миниатюрные барьеры вокруг заводов и фабрик. Люди на всей планете имеют равные права на чистый воздух. Так же хочу создать в Тулсе учебные заведения, обучающие настоящим профессиям, программированию, науке. Теперь, когда границы открыты, горожане, мягко говоря, кажутся людьми недалекими напротив тех, кого они считали дикими. Мы это отношение честно заслужили, но я собираюсь его исправить. Уверен, что горожане генетически более разнообразное сообщество и способны при умелом приложении сил выдать результат лучший, чем у жителей внешних территорий.

— Ну, скромности у тебя не убавилось. — Посмеялась Коломбина, становясь под струи теплой воды. — Добавь жасмина в воду. Нет, не надо жасмина, давай мяты, хочу вспомнить твой запах.

— Будет исполнено.

Влас отключил симуляцию, вздохнул, смахнул слезу с небритой щеки и постучал по крышке саркофага со Светочем. Он был рад, что в городе остался хоть один человек, который живет той жизнью, которая была у него много лет назад. В счастливом неведении относительно произошедшего после того, как он сделал выбор.

Оказалось, что после включения в работу МАКа в Тулсе, МАКи других городов почувствовав угрозу, решили совместно уничтожить его и сбросили на него несколько ядерных зарядов прямо с орбиты. Город был уничтожен. Погибли все, кто оказался снаружи. Банде Власа повезло, его люди почти в полном составе оказались глубоко под землей. Неподалеку от хорошо защищенного помещения с вычислительным центром МАКа и саркофагом Светоча, работающим от миниатюрного реактора. Он находился в обучающем режиме, из которого так и не вышел. Светоч жил с полной уверенностью, что общается с настоящими людьми, а не виртуальными двойниками.

Коломбина после реанимации из-за повреждения мозга так и не смогла ходить. Она прожила пару месяцев, выпросила у Гертруды дозу наркотиков и ушла из жизни. Сама Гертруда выхватила дозу радиации, попав в разлом у поверхности, и пережила Коломбину на полгода. Никодим исчез в подземельях бесследно пару лет назад. Михаил умер совсем

недавно, полез в подземелья, нарвался на крыс и умер от гемаррогической лихорадки, заразившись ею после укуса. Айна сошла с ума, когда поняла, что ее дочь погибла. Выбралась на поверхность и больше не вернулась.

Влас остался один, если не считать полуживого Светоча. Его заботой стали поиск еды и поддержание жизни напарника. Иллюзия, в которой жил Светоч, заряжала и его, придавала сил продолжать жить дальше. Долгими часами во мраке, когда из всех развлечений были доступны только собственные мысли, Влас размышлял, в какой этап развития люди допустили ошибку, перестав верить самим себе и доверившись своему бездушному творению.

Больше книг на сайте - Knigoed.net